

**Историко-краеведческие
исследования на Южном Урале
в XIX – начале XX вв.**

Уфа – 2014

УДК 947: 908 (470.57): 82 (=512.141)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш): 83.3 (2 Рос. Баш)

Рецензент:

П.И. Фёдоров, заведующий информационно-библиографическим отделом библиотеки Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа)

Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов. Уфа, 2014. ... с.

Впервые в новейшее время публикуются труды краеведов Южного Урала и Среднего Поволжья, изданные в середине XIX – начале XX вв. Представлено творчество ведущих краеведов, литераторов, публицистов Уфимской (Оренбургской) губернии – В.В. Зефирова, М.В. Лоссиевского, Н.В. Ремезова, а также работы исследователей соседних регионов, в которых затрагиваются сюжеты по истории Башкирии. Приводятся биографические сведения о некоторых краеведах.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, историков, филологов, студентов, краеведов, всех интересующихся историей и культурой Южного Урала и сопредельных территорий.

Работа выполнена в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН Федерального агентства научных организаций России.

© М.И. Роднов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

I. Василий Васильевич Зефиров

М.И. Роднов

Разыскания о биографии В.В. Зефирова 11

Произведения В.В. Зефирова

№ 1. Поездка в Табынск 25

№ 2. Шихан 37

№ 3. Удряк-баш, или 22 Августа в мешчерякском кантоне 42

№ 4. Две ночи за Уралом 53

№ 5. Чёрный кот. Святочная быль 62

№ 6. Летучая почта, или ночь на гаубтвахте 68

II. Михаил Владимирович Лоссиевский

Письма об уфимской жизни

№ 7. Корреспонденция в № 71 87

№ 8. Корреспонденция в № 85 88

№ 9. Корреспонденция в № 96 90

№ 10. Корреспонденция в № 107 92

№ 11. Корреспонденция в № 119 94

III. Николай Владимирович Ремезов

№ 12. Путевые записки 98

№ 13. Васильев вечер в деревне новой Панковой
(уфимского уезда) 103

№ 14. Этнографические наброски. Судьба 111

№ 15. Корреспонденция Н.В. Ремезова
от 30 января 1882 г. 112

№ 16. Этнографические эскизы. (Воспоминание)	114
№ 17. Этнографические эскизы. Легенда о происхождении курительного табака	115
№ 18. Этнографические эскизы. Крестьянская свадьба в селе Ургуше, Бирского уезда	117
№ 19. Поземельные меры в Уфимской губернии	121

IV. Истоки провинциальной историографии на страницах губернских изданий

№ 20. Список лицам, подписавшимся на издание Оренбургских Губернских Ведомостей в 1847 году, по времени подписки	127
№ 21. Уфимский женский монастырь	133
№ 22. Акаевщина	138
№ 23. Воспоминание жителя города Уфы о пугачёвском бунте	144
№ 24. Князь Василий Яковлевич Урусов	146
№ 25. Простонародные свадебные обряды в г. Уфе	148
№ 26. Буйство Башкир дер. Исергапова, Бугульминского уезда, Самарской губернии	154
№ 27. Уфимские церковные колокола	157
№ 28. Исторические заметки о селе Нагайбаке	161
№ 29. Из старины Благовещенского завода	163

VI. Иван Иванович Меньшов

М.И. Роднов

Творчество златоустовского краеведа Ивана Ивановича Меньшова в 1870–1880-х гг.	168
№ 30. Домашняя расправа с жёнами	178

Список сокращений	181
--------------------------------	------------

Введение

С 2013 г. по программе научно-исследовательских работ Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН начата реализация проекта «Формирование южноуральской историографии в XIX – начале XX вв.: от источников к краеведению и профессиональной науке». Профессиональная наука складывалась не только в Санкт-Петербурге и Москве, университетских центрах. Во всех губерниях и областях Российской империи существовал устойчивый социум любителей старины, который к середине XIX в. получил возможность для публикации своих изысканий на страницах «губернских ведомостей», эпизодических сборников, всевозможных справочных, памятных книжек и адрес-календарей. Во второй половине XIX в. по мере развития (и удешевления) полиграфического производства, а также облегчения цензурного устава в регионах появляются частные газеты, начинается издание произведений художественной и научно-публицистической литературы, на что большое влияние оказывали многочисленные научные и просветительские общества, достаточно плотная сеть которых покрыла российскую глубинку.

В советскую эпоху громадное наследие российского краеведения оказалось в значительной степени не просто забытым, а вычеркнутым из отечественной историографии под предлогом, что это опусы любителей. В действительности, краеведческие изыскания противоречили «очернению» дореволюционной действительности, чем усердно занимались многие в советской исторической науке, так как сам жанр краеведения предполагает любовь к своей Родине.

В последние два десятилетия «новой» России по всей стране происходит возвращение, открытие заново сотен имён любителей истории, их труды снова становятся доступными массовому читателю. Поэтому, в данный момент на первый план выходит публикаторская работа – поиск и издание сочинений XIX – начала XX вв. Необходимо составить своеобразный реестр авторов и произведений местных краеведов (историков и работавших в иных жанрах), а также прозаиков и поэтов, чьи имена и труды в настоящий момент

совершенно забыты. В этом сборнике собраны материалы, которые не знакомы (не используются) ни профессиональной исторической науке, ни краеведческой общественности. Спустя десятки и сотни лет вниманию учёных и любителей старины представлены уникальные и интереснейшие труды наших далёких предшественников.

Акцент в этом издании сделан на сочинения, так сказать, на стыке истории и литературы (художественной, публицистики и пр.). В те времена, вспомним повсеместные историко-филологические факультеты университетов, обе науки ещё жёстко не разделялись, а история была не только строго научной дефиницией, но и творческим актом, где вдохновение автора играло важнейшую роль, как, впрочем, и сейчас. Подобный источник интересен как филологам, так и историкам, но каждый находит в нём что-то своё. Богатейшее литературное наследие прошлого первым в Башкирии начал возвращать из забвения литературовед М.Г. Рахимкулов¹, затем в Уфе выходила великолепная серия «Золотые родники», где группа энтузиастов историков и литературоведов (Бикчентаев А.Г., Паль Р.В., Рахимкулов М.Г., Сафуанов С.Г., Филиппов А.П., Хамматов Я.Х., Чванов М.А., Гилязов М.Т., др.) разыскивала и готовила к публикации художественные повести и рассказы². Много делает для издания литературных произведений прошлого журнал «Бельские просторы» (Уфа)³.

Данный сборник продолжает труды замечательных предшественников, но с историческим «уклоном», что сказало в подборке в первую очередь таких материалов, где литературно-публицистические сочинения содержат значительный объём ценнейшей исторической информации. Но, помимо фактов, собранные работы являются своеобразным отражением ментальности, мироощущения ушедших эпох, показывают как историческое знание воспринималось чело-

¹ См.: Башкирия в русской литературе. В 5 т. Т. I / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1961; Башкирия в русской литературе. Т. I / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1989; др.

² В серии «Золотые родники» вышли, например: Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Уфа, 1977; Ремезов Н.В. Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986; Аксаков И.С. И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986; др.

³ См., напр.: Северный Павел. Тургеневская сказка // Бельские просторы. 2013. № 10.

веком XIX – начала XX вв. Для современного читателя язык прошедших эпох во многом будет непривычен, нередко встречаются выражения, не соответствующие нашему уже толерантному и гуманизированному миру. В стремлении понять ментальность наших далёких предков ошибочно будет переносить на них представления и мировосприятия третьего тысячелетия. Но также не верно будет воспринимать прошлое как время, лишённое достижений и благ цивилизации, слабо затронутое животворным прогрессом. Обязателен при изучении литературно-краеведческих произведений критический анализ документа.

Если в советский период источники мемуарного, краеведческо-публицистического характера, материалы журналистики привлекались в научных исследованиях в крайне малых объёмах, то на современном этапе историографии использование подобных литературных или околотитулярных текстов стало массовым явлением. А отсутствие должной научной критики порождает новые проблемы. Необходимо постоянно помнить, что источник литературного характера (мемуары, путевые записки, газетная корреспонденция и др.) это всегда строго индивидуальное восприятие окружающего мира. Брошенная вскользь эффектная фраза, например, что Уфа – город грязный¹, потом начинает «кочевать» из работы в работу. Важно учитывать социокультурный облик самого автора. Приехавший из Москвы или Санкт-Петербурга образованный офицер или чиновник презрительно смотрит на «вонючий» Меновой двор в Оренбурге или маленькие деревянные домики Уфы. И, наоборот, посетивший наш город житель горнозаводского посёлка Ф. Киселёв восхищён уфимской архитектурой, потрясён красочными витринами магазинов².

На формирование художественного восприятия влияло даже время. Гоголевский образ сонной провинциальной России, огромных пустынных площадей уездных городков повторяет в путевых записках «От Оренбурга до Уфы» (1889 г.) Г.И. Успенский. Но летом по гужевым дорогам ездили только

¹ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 86. Хотя в целом не избалованный выходец из духовенства С.Я. Елпатьевский весьма спокойно и даже лирично описывает Уфу: «Из маленьких домиков слыла музыка в тихие улицы» (Там же. С. 87).

² *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 73–74.

путешественники, грузовые перевозки происходили зимой по санному пути или шли по рекам. Летом крестьяне работали в поле, купцы продавали товары где-нибудь на Нижегородской или Кунгурской ярмарках, жизнь затихала и... тут появляется на тройке Николай Васильевич.

Зато зимой дороги были забиты обозами с зерном и иной продукцией сельского хозяйства, сотни саней ежедневно прибывали в города и крупные сёла¹, забивая до отказа те самые огромные площади², да и все окрестные улицы, а весной на пристанях стоял непрерывный шум – тысячи грузчиков заполняли огромные барки мешками с зерном и мукой. Суда спускали на воду, кипела и бурлила жизнь. Все эти холодные месяцы господа литераторы в своих тёплых столичных квартирах творили высокое искусство, вспоминая сонную летнюю Русь.

Анализ формирования литературно-краеведческого источника обязательно должен включать и социальные аспекты. В сборнике в основном представлены труды «образованного» класса – чиновников, служащих, священников, дворян-помещиков, первых журналистов и др. Их идеалы и представления, система ценностей, заблуждения и стереотипы сознания открыто или в затушёванном виде присутствуют на страницах созданных ими произведений. Нельзя не отметить и национальный состав авторов, представлявших русское население Южного Урала, Среднего Поволжья и Прикамья, взгляд которых («со стороны») на нерусские народы края зачастую выражался во фразеологических оборотах, типа «дикие башкирцы», употребляемых нередко автоматически, что отражало господствовавшее культуртрегерское восприятие превосходства местных русских «образованных» слоёв общества над соседними народами и «низшими» классами тех же русских. А, с другой стороны, литературно-краеведческие

¹ Зимой 1913 г. в Бирск за 10 дней привезли до 70 тыс. пуд. хлеба, около 7 тыс. пуд. в сутки, или свыше 300 саней ежедневно въезжали в город // *Роднов М.И., Дегтярёв А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. С. 150.

² «А площадь эта... – как бы тебе сказать?.. – да попросторней будет, чем... знаешь, Эйфелева-то башня где? И вся – в санях. Тысячи саней, рядами» (о Конной площади в Москве) // *Шмелёв И.С.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Рассказы; Богомолье. Лето Господне / Сост., подгот. текста и коммент. О. Михайлова. М., 1989. С. 258–259.

публикации ярко свидетельствуют об отсутствии в крае жёстких межэтнических преград, к XIX столетию уже сложилась достаточно толерантная среда, и русский чиновник В.В. Зефилов свободно гостит в татарской деревне, а для анонимного уроженца Благовещенского завода неотъемлемой частью «своей» истории является жизнь соседнего башкирского и марийского населения.

Кроме того, необходимо исследование самого печатного издания, политики владельца и редакции, определявших общественно-политическое направление газеты или журнала. На примере прессы 1880-х гг. я сопоставил материал из Башкирии, который публиковался на страницах либеральных газет «Северный вестник» и «Голос», официоза в лице «Санкт-Петербургских ведомостей» и одной из самых массовых и дешёвых газет того времени «Свет» (Санкт-Петербург), поставлявшей действительно «всеобщую» информацию от художественных произведений до светской хроники для действительно самых широких слоёв читателей. И подача материала принципиально различалась, редакции отбирали исключительно «своё», сотрудничали только со «своими» авторами. Существенно отличной, в сравнении с уфимскими «ведомостями», оказалась информация о жизни Уфимской губернии и в периодике соседних регионов, где местная цензура не обращала особого внимания (и не препятствовала) на критику ситуации и властей на сопредельной территории¹.

Нельзя также не отметить важнейшую особенность именно краеведческих публикаций. Перед нами редкая возможность услышать голос «молчаливого большинства», а не только образованной верхушки – дворянско-чиновничьей элиты. Среди авторов встречаем выходцев из «среднего класса», так назовут его впоследствии: мелких служащих, как бухгалтер И.И. Меньшов, полицейского Хлебодарова и даже уфимского обывателя (мещанина) Ф.А. Семёнова. В отличие от «большой» литературы, где выходцы из социальных «низов» были представлены единицами, краеведение – как массовое творчество самых широких слоёв общества – открывало и открывает до сих пор возможность высказаться «простому» народу.

Сборник состоит из пяти разделов. Первые три посвяще-

¹ См.: Роднов М.И. Свет из Петербурга. Уфа, 2010.

ны известным представителям литературно-краеведческого мира края – В.В. Зефинову, М.В. Лоссиевскому и Н.В. Ремезову. Однако, значительный вклад в изучение прошлого Южного Урала внесли краеведы, так сказать, «второго» эшелона, а также исследователи из соседних губерний. Их работы составили четвёртый раздел. И, в качестве образца, в пятом разделе реконструирована биография одного из таких краеведов – И.И. Меньшова с присовокуплением одной из его статей.

И. Василий Васильевич Зефиров

Разыскания о биографии В.В. Зефирова

Случается слышать, что каждый пишет... о самом себе в первую очередь. В литературных произведениях не случайно ищут отзвуки реальных событий из биографий поэтов и прозаиков. Обратимся поэтому и мы сначала к работам самого уфимского публициста и писателя середины XIX в. Василия Зефирова, о котором в историко-литературоведческом мире Башкирии бытуют туманные сведения. В статье «Две ночи за Уралом» автор повествует о своём детстве: «в то время, об котором я намерен говорить, мне было лет пять; но, как уроженец Киргизской степи, имевший удовольствие быть взлелеянным на руках няньки – Киргиза, называвшегося Кубенькой¹». Василий Васильевич Зефиров родился в Орске, находившемся на самой границе Российской империи, буквально за городской околицей начиналась буйная киргизская (казахов тогда именовали киргиз-кайсаками) степь. Здесь же находим упоминание об отце писателя: «отец мой, с малолетства прилинейный житель, в совершенстве понимал характер Киргизов... *бывши священником*, хотя не образованным по нынешнему»².

Город Орск был заложен в 1735 г. И.К. Кириловым 6 августа, в праздник Преображения Господня, как новая столица обширного края под названием Оренбург. Но впоследствии место было признано неудачным, В.Н. Татищев перенёс поселение в урочище «Красная Гора», бывший же город получил наименование Орской крепости, затем новый губернатор И.И. Неплюев заложит Оренбург уже на современном месте. С 1740-х гг. Орск стал станицей Оренбургского казачьего войска, а в 1865 г. получил статус уездного города Оренбургской губернии.

Во вновь возникшем Орске сразу была построена деревянная церковь во имя Преображения Господня. Руф Гаврилович Игнатъев отмечал, что «первая церковь в Оренбурге, или нынешнем Орске, вероятно, была временная; однако-же при ней было кладбище... При перенесении-же города цер-

¹ По сведениям, любезно предоставленным Р.М. Булгаковым, «Кубенька» – скорее всего, прозвище, означает «пузатый» (толстый).

² См.: Оренбургские губернские ведомости. 1853. 5, 12, 19, 26 декабря.

ковь Преображения Господня деревянная стояла уже на Преображенской горе, и теперь сохранившей это название; на ней доселе показывают место, где стояла церковь. – Церковь эта, вскоре после того как была освящена, сгорела; и вместо её на том-же самом месте построена была новая деревянная церковь, там-же во имя Преображения Господня... Нынешняя каменная церковь Преображения господня, уже четвёртая, построена на новом месте и освящена в 1850 г., 6 декабря, по благословию Преосвященного Иосифа Епископа Оренбургского и Уфимского. В это время старая деревянная церковь, в которой перестали служить, с освящением новой церкви, существовала ещё, и сгорела в 1860 г.»¹

В Орске в XVIII – первой половине XIX вв. имелся только один храм – Преображенский². И в материалах ревизии, прошедшей в Орской крепости 25 августа 1811 г., единственным священником Преображенской церкви состоял Василий Петров (примерно 1767 года рождения), он служил

¹ См.: *Игнатъев Р.* Историческая заметка о церкви Преображения Господня в г. Орске // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 1. 1 января. С. 25–28 (опубликовано: *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011).

² Обычным для того времени было наследование священнических должностей от отца к сыну. Можно предположить, что В.В. Зефиров происходил из семьи потомственного орского духовенства. С 1746 по 1761 гг. священником Орской крепости упоминается И. Петров (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 630, 2507). В 1762 г. рассматривался вопрос об увольнении И. Петрова «по старости» (Там же. Д. 2664), но он продолжал служить вплоть до 1771 г. (Там же. Д. 3812). В июне 1771 г. священник Орской крепости И. Петров подал прошение «о назначении на его место сына Петра» (Там же. Д. 3838). И уже в августе 1771 г. Оренбургская губернская канцелярия определила жалованье священнику Орской крепости П. Петрову и дьячку И. Петрову (Там же. Д. 3852). Однако, в документах того же времени священник Орска называется как П. Иванов (Там же. Д. 3839, 4136 и др.). Вполне вероятно, что в среде духовенства бытовали патронимические фамилии-отчества, то есть Пётр Иванов сын (Иванович). Он тоже служил в Орске долго, являлся даже благочинным округа, вплоть до 1794 г., когда Оренбургское духовное правление назначило в Орск священника И. Данилова из Танаальцкой крепости «вместо заблужшего священника П. Иванова» (Там же. Д. 6342, 6562). Но уже в октябре 1794 г. рапорт о принятии греческого вероисповедания татаринном М. Абдуловым подавал священник Орской крепости В. Петров (Там же. Д. 6537). Вполне вероятно, он являлся сыном Петра Иванова, сменив снова патронимическую фамилию-отчество. Это, возможно, объясняет принятие уже его сыном – Василием Васильевичем – «настоящей», постоянной фамилии Зефиров.

здесь и во время предшествующей ревизии 1795 г. У Василия Петрова указаны двое сыновей: Иван – четырёх лет и **Василий**, которому на момент переписи / ревизии исполнилось всего 5 месяцев. То есть Василий Васильевич Петров появился на свет в Орске приблизительно в марте 1811 г. Во время следующей ревизии, которая прошла в Орске 2 декабря 1815 г., зафиксированы женские члены семьи священника: супруга Аграфена (48 лет в 1815 г.), старшие дочери уже «в замужестве», Марья с 1812 г., Наталья с 1813 г. Младшенькому Василию Васильевичу исполнилось четыре года, Ивану было восемь¹.

В статье «Летучая почта, или ночь на гаубтвахте»² В.В. Зефиоров прямо заявляет: «Орская крепость была местом моего рождения. После смерти родителя³ моего, я остался шести лет, круглым, беспомочным сиротой, потому что мать моя, ещё задолго до этого времени, лишившись зрения, лишилась всякой возможности даже пропитывать меня... Из христианского милосердия меня взял на воспитание Диякон из Оренбурга Е. П. З. ... его добрая, прекрасная душа всё употребила для моего первоначального образования и, надобно сказать

¹ ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 107. Л. 309 и об.; Д. 143. Л. 25 об. – 26.

² Оренбургские губернские ведомости. 1855. 12, 19, 26 февраля, 5 марта.

³ Общие сведения о биографии отца писателя – священника Василия Петрова – объясняют во многом непростой характер сына, сказывалась, вероятно, наследственность. Духовный пастырь населения и гарнизона Орской крепости, стоявшей у самой границы диких степей, был личностью нестандартной, судя по рассказам сына, прекрасно знал киргизский язык и имел обширные связи по ту сторону границы. Так, уже в мае 1797 г. комендант Орской крепости Кульнев доносил «о самовольной отлучке в Киргиз-Кайсацкую степь священника В. Петрова» (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 7138). В 1802–1803 гг. в Верхнеуральском гарнизоне было заведено судебное дело о взыскании денег со священника Орской крепости В. Петрова за непредставление отчёта о расходе церковных средств (Там же. Д. 7983, 8134, 8143). Примерно в 1805 г. В. Петрова перевели в Георгиевскую церковь Оренбурга, а в Орскую крепость определили священника П. Иванова. Но в 1806 г. их поменяли местами и В. Петров снова оказался в Орске (Там же. Д. 8272, 8423). В 1809 г. он просился перевести его в Рассыпнинскую крепость (Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 224), а затем В. Петров взял в долг деньги у протоиерея Оренбургского Спасо-Преображенского собора Немкова и на них отремонтировал Орскую церковь (Там же. Д. 240, 755; Ф. 172. Оп. 1. Д. 971). В 1810 г. В. Петров обвинялся в непристойном поведении (Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 741) и «краже вещей и скота у киргизов» (Там же. Д. 716). Затем в 1815 г. против священника Орской крепости В. Петрова было выдвинуто обвинение «в ограблении киргиза К. Кушаева» (Там же. Д. 1008).

правду, я учился удовлетворительно. Но при всей благоразумной строгости – не в его силах было выколотить из меня упрямый дух воспитанника *Кубенки*, который... нянчился с милым дитятей с пучком крапивы в обеих руках». Необходимо заметить, что, по всей видимости, Зефилов с юных лет владел казахским языком, что позволяло ему потом, во время пребывания в Уфе и разъездах по Башкирии, свободно общаться с башкирами и татарами. Многие его рассказы основаны на прямых беседах и расспросах своих тюркоязычных собеседников.

Следовательно, примерно в 1817 г. отец – Василий Петров – скончался, а матушка Аграфена была слепой, видимо поэтому мальчика при родителях и воспитывал киргиз / казах Кубенька. Последующие годы жизни Василия Васильевича прошли в Оренбурге: «самые лучшие, самые прекрасные лета моего детского возраста я провёл под благословенным небом Оренбурга... Страсть к переменам, или лучше сказать видоизменениям местностей, преобладала мной ещё в детстве. Без необходимости я не мог быть на одном месте продолжительное время. Я рыскал по окрестностям Оренбурга, как Киргизский жеребёнок, отыскивающий свою матку... Не знаю, правду ли говорят мудрые зоологи, что ворон живёт триста лет; но если таким же Мафусаиловским долголетием одарила природа галок и ворон, то они долго ещё будут помнить Кубенькина воспитанника. И не удивительно, потому что, как полагаю, едва ли осталось в роще хотя одно дерево, на которое бы я не слазил, и одно воронье гнездо, которое бы я не раззорил».

Обратим внимание, что воспитателем стал оренбургский диакон Е. П. З., уж не Зефилов ли? Смотрим ревизскую сказку по городу Оренбургу за декабрь 1815 г. Действительно, диаконом Спасопреображенского собора служил 23-летний Егор Петров(-ич) Зефилов, вдов, своих детей не было. Во время предыдущей 6-й переписи / ревизии в 1811 г. «писан был в городе Уфе при Христорожественской церкви пономарём»¹. Он переехал жить и служить в Оренбург из Уфы как раз между 1811 и 1815 гг. Воспитатель юного Василия

¹ ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 143. Л. 358 об.

был тоже личностью не простой¹, впоследствии он перейдёт из церковнослужителей в педагоги. По сведениям за 1828 и 1836 гг. преподавателем, учителем приготовительного класса Уфимского уездного училища, им руководил И.П. Сосфенов, являлся Ег. Петр. Зефиров², в 1850 г. Егор Петрович Зефиров служил штатным смотрителем Бузулукских училищ³. Возможно, именно вместе с наставником юный Василий переезжает из Оренбурга в Уфу (около 1828 г.).

Или Василий Васильевич Петров под его фамилией поступал в Уфе в Оренбургскую семинарию, или взял его фамилию в благодарность за воспитание, или уже в Уфе получил новую «поповскую» фамилию. Духовенство в Российской империи имело право свободной смены фамилий, часто из-за желания отказаться от патронимической (полуотчество) фамилии, типа Иванов, Петров, Сидоров. Фамилии семинаристам могло менять и руководство учебного заведения, иногда в качестве награды или наказания, за время учёбы фамилии даже могли сменить несколько раз. Из приведённых выше заметок о бурном детстве виден непростой характер Василия, выросшего на пограничной линии, на свободном степном просторе. А среди искусственных «поповских» фамилий часто встречались образцы из античной мифологии, в том числе Зефиров – от мифического ветра Зефир. Зефир – у греков – один из самых сильных и стремительных ветров,

¹ Так, в 1815 г. дьякон Оренбургского Спасопреображенского собора Г. Зефиров намеревался принять светское звание (ГАОО. Ф. 172. Оп. 3. Д. 1010, 1073), но, видимо, передумал (или его заставили отказаться от идеи), в феврале 1820 г. по прежнему дьякону Оренбургской Вознесенской церкви Г. Зефирову был выдан билет на проезд в Уфу (Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1590). Сохранилось несколько дел о Е. (или Г.) Зефирове (Там же. Д. 1176, 1412), в том числе о примирении с каким-то дьячком (Там же. Д. 1316). В 1822 г. власть пыталась принудить дьякона Вознесенской церкви Оренбурга Г. Зефирова дать директору оренбургских училищ сведения «о закрытом пансионе в своём доме» (Там же. Д. 1869). По всей видимости, тот содержал не совсем легальный частный пансион, за что его попытались перевести на службу в Илецкую Защиту в 1822 г. (Там же. Д. 1872). Но дьякон Зефиров отказался покидать Оренбург.

² *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. I. Екатеринбург, 2000. С. 35; Адресс-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской Губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присовокуплением Кратких Статистических сведений. Оренбург, 1836. С. 157.

³ ЦИА РБ. Ф. И-110. Оп. 1. Д. 470. Л. 31.

вестник богов, упомянут в «Илиаде»¹. Подходящая фамилия для непоседливого молодого человека.

В дальнейшем В.В. Зефилов поддерживал контакты со своим родным краем. В статье «Киргизский пленник или взгляд на линию за 22 года» он рассказывает о похищении священника И.Г. Рязанова, которого угнали киргизы в июле 1828 г., а вернулся тот из плена примерно в 1829 г.² Зефилов разговаривал с ним через два года, то есть приблизительно в 1831 г. Но основная жизнь его уже была связана с Уфой. В работе «Последний взгляд на Уфу» он вспоминает городские достопримечательности, «на которых я, гуляя, любил мечтать в юношеские лета мои». Проезжая на лодке по Белой мимо архиерейского дома, в статье 1851 г. он отмечает, что 20 лет назад (то есть в начале 1830-х гг.) «он был несравненно лучше». Также В.В. Зефилов сообщает небольшой фрагмент своей настоящей биографии, рассказывая про епископа Уфимского и Оренбургского Аркадия (служил в 1828–1831 гг.): «Однажды приходит к нему соборный Протоиерей Кандарицкий. Я был послан от Архимандрита Феодотия с книгою и был в то время тут». Настоятелем Смоленского собора А.А. Кандарицкий стал в 1827 г. (переведён из Златоуста), а архимандрит Феодотий (Озеров) возглавлял Уфимский Успенский монастырь и по совместительству являлся ректором Оренбургской (в Уфе) семинарии с 1828 по ноябрь 1831 г.³ То есть В.В. Зефилов на рубеже 1820–1830-х гг. уже учился в семинарии (обучение продолжалось шесть лет⁴).

Хотя в 1885 г. уфимский старожил Вышенский вспоминал про бывшего в 1840-е гг. учителя семинарии Василия Васильевича Зефилова⁵, преподавательская деятельность в находившейся в Уфе Оренбургской семинарии была возмож-

¹ «Семинарские фамилии» // Википедия.

² См.: Дело о захвате киргиз-кайсаками священника Орской крепости И. Рязанова за 1828 г. (ГАОО. Ф. 172. Оп. 3. Д. 1356), а также дело по обвинению киргиза Т. Ульжабаева в пленении священника Орской крепости И. Рязанова за 1829 г. (Там же. Д. 1389).

³ Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI – середина XIX века). Уфа, 1996. С. 70; Он же. Уфимский Успенский монастырь: очерки истории (конец XVI – 1920 г.). Бирск, 2009. С. 53.

⁴ Он же. Православное духовенство Южного Урала в конце XVIII – первой половине XIX вв. Уфа, 2007. С. 114.

⁵ Роднов Михаил. Уфимские адреса Руфа Игнатъева // Бельские просторы. 2012. № 1. С. 113.

на, скорее всего, в конце 1840-х гг., когда В.В. Зефиров мог работать совместителем, вести какие-либо курсы в семинарии, но не состоял в штате и, следовательно, по юридическим правилам того времени об этом не указывалось в формулярном списке.

Вообще служба в различных гражданских ведомствах была основной для В. Зефирова, что явственно отразилось в самих произведениях. По обыкно укоренившемуся у любого непрофессионального писателя ведомственному языку чётко видно, чем *не* занимался данный автор. Так, у Зефирова в произведениях абсолютно отсутствуют военные мотивы, кстати, и религиозные в общем тоже, в его статьях нет обильного цитирования священного писания, речевых оборотов, типичных для духовных лиц, которые были «пропитаны» православной символикой. Из его статей очевидно, что он много разъезжает по Башкирии, возможно, с служебными целями. Более того, в разговоре с друзьями в лодке они прямо говорят о своём социальном статусе: «нам... на чернильном поприще». Зефиров и его товарищи – мелкие чиновники, канцелярские служащие. Он уезжает из Уфы: «прогоны и подорожная в кармане», то есть он получил деньги на проезд и подорожное свидетельство (типа командировочного удостоверения). А после ответа на вопрос друзей: «какая нелёгкая несёт тебя в такую даль и что ты будешь делать там?», они же посмеялись: «вот верная надежда для Губернского Секретаря в 40 лет». То есть Зефиров точно на гражданской службе, имеет чин губернского секретаря и ему к лету 1851 г. (статья напечатана в сентябре¹) исполнилось 40 лет, вспомним, что он 1811 года рождения. Поверим теперь музыке литературы сухой алхимией документов.

В октябре 1848 г. очень большая группа чиновников самых разных ведомств Оренбургской губернии, служивших и в Уфе, была произведена в следующие чины. Вероятно, столь массовое (перечень занимал несколько газетных листов) награждение было связано с только что закончившейся в крае эпидемией холеры. Благодаря грамотной работе всего государственного аппарата, ужасное явление не вызвало никаких общественных потрясений, потери управляемости регионом, стихийных бунтов и пр. И среди переведённых из

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1851. 22 сентября.

коллежских регистраторов в губернские секретари по ведомству Министерства государственных имуществ назван «исправляющий должность столоначальника Зеферов»¹. Об этом напечатали в единственной местной газете, что позволило «зацепиться» за точную дату и начать поиск в уфимском архиве.

Подробные формулярные списки «о службе» коллежского регистратора Зефирова на 1848, 1850 и 1854 гг. нашлись быстро², а чтение открыло удивительную биографию действительно непоседливого человека, так «созвучного» со своей фамилией.

38-летний на момент составления формуляра в 1848 г. (вспомним, что он 1811 года рождения) Василий Васильевич Зефиров исправлял должность столоначальника «Временного стола», по происхождению «из священнических детей», православный. Никакого недвижимого имущества не имелось, наказаниям и штрафам не подвергался, в походах не случилось побывать. Но, вдруг неожиданно узнаём, Василий Васильевич был женат на Радиоде Константиновне, имя супруги вариант от имени Ираида (Ироида в 1854 г.). Третьим членом семьи выступал сын Илья, родившийся 10 июля 1837 г. Если в 1848 г. он ещё нигде не учился, то в 1850 г. занимался науками в Оренбургской (находилась в Уфе) гимназии. Однако, по данным за 1854 г. Илья Зефиров 15 июля 1854 г. окончил курс в Уфимском уездном училище. Скорее всего, из-за разъездов семьи ему пришлось сменить место учёбы.

Однако, вернёмся в молодые годы одного из первых уфимских литераторов. В начале 1830-х гг. В.В. Зефиров оканчивает «курс наук» в Оренбургской духовной семинарии, но тихая духовная стезя для непоседы абсолютно не подходила и, смотрим формуляр, 2 ноября 1834 г. 23-летний молодой человек поступает на службу канцеляристом / подканцеляристом в Стерлитамакский земский суд. Не лишённый дарований юноша смириться с тоскливым переписыванием прошений и постановлений никак не может. Он увольняется из юриспруденции и подаёт заявление в совет Император-

¹ Там же. 1848. 13 ноября.

² ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2467. Л. 1443–1446 (1848 г.); в этом деле есть и более краткие сведения о В.В. Зефирове (Л. 1300 об. – 1301, 1330 об. – 1331, др.); Д. 2614. Л. 1447 об. – 1451 (1850 г.); Д. 2894. Л. 466–473 (1854 г.); далее биография Зефирова приводится по этим источникам.

ского Казанского университета с просьбой определить его на учительскую вакансию. Решением университетского совета 16 мая 1836 г. Зефилов назначается преподавателем истории и географии в Мензелинское уездное училище. Здесь наш «бурный» герой продержался целых три года, в декабре 1836 г. награждён «третним» жалованьем за какие-то педагогические успехи, а в январе 1838 г. Зефилов получает свой первый «классный» чин (согласно табели о рангах) коллежского регистратора (произведён 2 ноября 1838 г.). В Мензелинске, скорее всего, Василий Васильич нашёл себе суженую, здесь и родился Илюша. Возможно, необходимость содержания семьи стала причиной последовавших скитаний: В.В. Зефилов переводится на аналогичные должности – 15 мая 1839 г. в Бузулуцкое уездное училище, а 23 марта 1840 г. – в Тетюшское уездное училище (приказом попечителя Казанского учебного округа). Но воспитание пылкого юношества что-то перестало нравиться Васильевичу, или оклады были малы, в общем 26 августа, накануне очередного учебного года, он совершает решительный поступок и уходит совсем со службы в учебном ведомстве.

Несколько месяцев Зефилов нигде не работает (не служит), но 9 декабря 1840 г. его принимают писцом в Казанский городской магистрат. Он перебирается в стольную Казань! Культурный центр всей округи, театр, университет, библиотеки... Но карьера причудлива: 20 сентября 1841 г. Зефилов утверждается столоначальником, однако в июле 1842 г. увольняется из магистрата, опять несколько месяцев поисков и 2 ноября 1842 г. он поступает в канцелярию Казанской губернской комиссии народного продовольствия, где служит до 16 июня (или июля) 1843 г. Непоседливый сын оренбургских степей почему-то не находит себя в культурной атмосфере Казани.

Затем перерыв («в отставке» звучат строки формуляра, причём в чине коллежского регистратора, хотя по закону уже имел право на следующий чин, но не стал дожидаться) на целых четыре года! С июня 1843 по октябрь 1847 г. В.В. Зефилов с семейством непонятно на что существуют, и неизвестно где живут. Может здоровье тому причиной, может бредовые мечтания о литературе, кто знает? А в Уфе располагалась Оренбургская палата государственных имуществ, контролирующая жизнь здешних государственных крестьян, казён-

ные леса и прочую казённую же собственность¹. И 30 октября 1847 г. Василий Васильевич Зефиров определён исправляющим должность (то бишь «ио» по-нашему), постоянно его пока не решились взять, столоначальника / зав. отдела в вышеназванную палату «по столу полюбовного размежевания земель». Зефиров к тому времени уже постоянно живёт в Уфе. Его первые статьи (знаменитый цикл «поездка на кумыс») в единственной уфимской газете «Оренбургские губернские ведомости» выходят 5 и 12 июля 1847 г., до поступления на службу. Содержание статей наводит на мысль, что Зефирову требовалось лечиться кумысом, может поэтому он нигде не состоял?

Наконец, 12 октября 1848 г. Зефиров повышается в чине до губернского секретаря, положенные четыре года выслуги он давно имеет. Служба столоначальником с низшим XIV чином (в табели о рангах) коллежского регистратора, затем уже с XII чином губернского секретаря, наверняка, была связана с разъездами по Оренбургской губернии. Тем более, что он занимался «полюбовным» размежеванием, когда владельцы земли договаривались между собой и приглашали казённых землемеров оформить границы. Видимо поэтому почти все статьи В.В. Зефирова являются отзвуком его странствий. Так до 1850 г. Василий Васильевич и служит столоначальником по полюбовному размежеванию, получая годового жалованья 171 руб. 58 коп. и столовых 114 руб. 38 коп. серебром, или около 24 руб. в месяц. Для губернского секретаря по тем временам весьма неплохо, это больше оклад за должность столоначальника, чем за чин (сведения Б.А. Азнабаева), хотя в среднем на уровне рядового преподавателя гимназии. Жить, конечно, можно, но мы не знаем запросов супруги!

По сведениям на 1851 г. в Уфе в Палате государственных имуществ (управляющий Л.О. Страковский) работали краеведы А.С. Листовский и В.С. Лосиевский², а вот нашего героя уже нет. Отбыл. Неугомонные струи «зефира» подули. Но куда?

Из статьи «Последний взгляд на Уфу» (1851 г.) видно, что

¹ Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010. С. 187–189.

² Адрес-календарь Оренбургской губернии, с справочными приложениями. 1851 года. Уфа, б. г. С. 8–9.

Зефи́ров уезжает из города по воде, вниз по Белой, хотя мог бы, судя по тексту, ехать на лошадях. Значит, он направлялся куда-то на запад, но достаточно далеко от Уфы, не в соседний Бирск, куда легко было добраться именно по реке. Ответ находим в формулярном списке за 1854 г. Оказывается, 31 июля 1850 г. В.В. Зефи́ров Высочайшим приказом ещё от 5 июля согласно прошения уволен в отставку. И до марта 1852 г. Зефи́ров нигде не служит и, судя по литературному очерку, уезжает из Уфы куда-то далеко, можно предположить, на лечение.

Многo был проведён сплошной просмотр «ведомостей» соседних (с запада) регионов по двум направлениям: в официальной части всех «ведомостей» указывались перемещения чиновников, назначение на должность, а в неофициальной части смотрю авторов литературных и краеведческих статей, ведь наш герой был неравнодушен к сочинительству. Самая ходовая версия – Самара! Там как раз в 1851 г. возникает своя, Самарская губерния, а с 1852 г. начинают выходить «Самарские губернские ведомости». В Самарскую губернию вошли три западных уезда Оренбургской губернии (Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский), а его наставник, чью фамилию он носил, – Е.П. Зефи́ров в 1850 г. служит в Бузулуке.

Новый регион – новые чиновные должности, возможности быстрого карьерного роста¹. Ищу и... ничего. Среди чиновников В.В. Зефи́ров не упоминается (как и в справочнике за 1851 г.²), а свеженькие самарские «ведомости» хороши – регулярно публикуется художественно-краеведческий материал, среди авторов мелькают бывшие корреспонденты наших «ведомостей» – Константин Ивлентьев, Пётр Унгвицкий, ежели бы Василий Васильевич оказался в Самаре или в губернии пренебреженно бы стал печататься, но увы! Его нет в Самаре.

Неужели вернулся в Казань? Версия номер два. Туда тоже из Уфы шёл гужевой тракт. Листаю и листаю, вглядываясь в кругленькие буковки казанской типографии. И опять

¹ Среди чиновников, согласившихся в 1851 г. перейти на службу в Самарскую губернию, В.В. Зефи́ров не значится (ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2638).

² Адрес-календарь Оренбургской губернии, с справочными приложениями. 1851 года. С. 99–106 (по трём западным уездам, отошедшим в Самарскую губернию).

неудача. Среди чиновников нет, а менявшиеся редакторы неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» начала 1850-х гг. (А. Артемьев, И. Березин, С. Немиров, В. Титов, А. Михайлов) явно испытывали дефицит в интересных авторах, в газете регулярно мелькали писатели из уездов. В. Зефинову тут обязательно нашлось бы местечко.

Самара – мимо, Казань – тоже, а вдруг Зефинова потянуло в Вятку (совр. Киров), туда из Уфы тоже проходил гужевой тракт. Но и в скучных «Вятских губернских ведомостях» начала 1850-х гг. ничего, в чиновниках фамилия не упоминается, а краеведческие публикации там вообще редко встречались.

Наконец, на западе от Уфы лежит ещё один регион – Симбирск. Знакомство с «Симбирскими губернскими ведомостями» сразу показало, что здесь пробыть В.В. Зефинову было бы весьма непросто. Неофициальная часть начала 1850-х гг. просто нашпигована (хотя и не всегда) внушительными статьями о местной истории, этнографии, статистике, публиковались объёмные архивные документы, чужак со своими южноуральскими воспоминаниями тут явно оказался бы не к месту.

Дальше – больше, указом от 7 января 1850 г. действительный студент Казанского университета Зефинов назначен канцелярским чиновником Симбирского губернского правления с чином губернского секретаря¹, а летом 1850 г. протоколист крепостных дел Алатырского уездного суда, губернский секретарь Зефинов переведён письмоводителем тамошнего Городнического правления². А затем случился просто «урожай» на Зефиновых – тут и уволенный из духовного звания священнический сын Егор Иванович Зефинов, и служащий в Алатырской удельной конторе коллежский регистратор Зефинов, и даже диаконский сын Григорий Зефинов... Первый из названных Зефиновых делал успешную карьеру. В феврале 1852 г. столоначальник 7 стола Симбирского губернского правления губернский секретарь Зефинов утверждается секретарём отделения³. А с № 21 от 23 мая 1853 г. неофициальная часть «Симбирских губернских ведомостей» подписана

¹ Симбирские губернские ведомости. 1850. 18 февраля.

² Там же. 15 июля.

³ Там же. 1852. 15 марта.

«за редактора Зефилов», он ещё несколько раз временно замещал основного редактора Трубникова, в 1855 г. уже коллежский секретарь Зефилов повышается до младших чиновников при Симбирском губернаторе, а в сентябре 1855 г. за формирование Симбирского ополчения он получает титулярного советника¹, дворянин. И действительно, среди симбирских дворян во второй половине XIX в. появились Зефиловы.

Но смущает статус действительного студента Казанского университета (обучение в университете, даже не законченный курс обязательно указывали в формулярных списках чиновников, у Зефилова-уфимского об этом ничего не сказано), Василий Васильевич образовывался только в Оренбургской семинарии. Просмотр симбирских справочников той эпохи ничего не даёт, если и попадают Зефиловы, явно не те. По сведениям ульяновского архивиста А.Ю. Шабалкина, в Симбирской губернии в XIX столетии имелись целые семейные династии Зефиловых из священников, а во вторых, в 1864 г. в Симбирске случился большой пожар и многие архивные документы предыдущих лет сгорели. На сайте Государственного архива Ульяновской области есть указатель фамилий дворян Симбирской губернии, где находим полтора десятка Зефиловых, но, судя по всему, эти люди жили на рубеже XIX–XX вв., значительно позже нашего литератора. Тем более, по сведениям историка из Казани Н.А. Фёдоровой, которая по моей просьбе заглянула в отдел рукописей университетской библиотеки, там значится Зефилов Александр Саввич, он с 1 сентября 1843 по 7 сентября 1849 г. учился в университете и закончил действительным студентом философского факультета 2-го отделения математических наук. Зефилова Василия в списках нет.

Обратим внимание на слова самого писателя в работе «Последний взгляд на Уфу», опубликованной в «Бельских просторах» в № 5 за 2013 г. Когда он с друзьями отплывал на лодке из Уфы, товарищи спросили: «Какая нелёгкая несёт тебя в такую даль». Вряд ли соседние губернии могли считаться такой далью, туда уфимцы ездили в общем регулярно и это было обыденным. А в начале статьи В.В. Зефилов отметил неблагоприятный для него климат Уфы – «холод, которым ты обладаешь меня, вовсе ныне не питателен для моей расслаб-

¹ Там же. 1855. 25 июня; 1856. 15 сентября.

ленной груди». И далее: «я еду далеко от тебя». Подобные намёки самого автора позволяют предположить, что в 1850 г. он уехал очень далеко, возможно в какую-то южную губернию, где и пребывал почти два года.

Затем, согласно формуляра, 23 марта 1852 г. Василий Васильевич Зефилов принят на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, с 29 апреля он уже помощник столоначальника. Также вполне вероятно, в 1850 г. Зефилов уехал в родные степные края, куда-нибудь в Орск, где можно лечиться кумысом. А 4 сентября 1852 г., прослужив всего полгода в пограничной комиссии, Зефилов «по болезни уволен в отставку».

Почти год он опять нигде не служит, возможно, снова перебирается в Уфу, где его сын Илья учится в Уфимском уездном училище (до июля 1854 г.). Наконец, 7 октября 1853 г. В.В. Зефилов «определён канцелярским чиновником Оренбургского Губернского Правления» (находилось в Уфе). А 17 февраля 1854 г. указом правления Зефилов назначен письмоводителем в Уфимский Городовой Сиротский Суд¹, утверждён в должности 13 марта 1854 г. с жалованьем 150 руб.

На этом сведения о биографии В.В. Зефилова обрываются. Последние его работы выходят в уфимской газете в 1854 и 1855 гг. Видимо, он проживал в Уфе, а постоянные отставки и упоминание о болезни (чахотка?) заставляют предположить о проблемах со здоровьем литератора. Долго ли он прожил ещё, пока неизвестно. В источниках не находим упоминаний и о сыне В.В. Зефилова – Илье. На 1859 г. в Уфе в канцелярии Казённой палаты служили коллежские регистраторы Василий Степанович Зефилов² и Иван Гаврилович Зефилов (писцом), регистратором в Приказе общественного призрения состоял коллежский секретарь Пётр Степанович Зефилов, наконец, в Посреднической комиссии по размежеванию земель трудился коллежский ассесор Александр Сав-

¹ 13 марта 1854 г. канцелярский чиновник Оренбургского губернского правления губернский секретарь Зефилов был переведён письмоводителем в уфимский сиротский суд с 9 февраля (Оренбургские губернские ведомости. 1854. 10 апреля. Часть официальная).

² О нём см.: *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 35–36 (сноска).

вич Зефи́ров¹.

Труды одного из первых уфимских литераторов – В.В. Зефи́рова – были возвращены из забвения в середине XX в. М.Г. Рахимкуловым², многие статьи Зефи́рова неоднократно издавались. Некоторые произведения В.В. Зефи́рова были опубликованы мною в журнале «Бельские просторы»³. Далее помещены последние работы Василия Васильевича Зефи́рова, не переиздававшиеся с середины XIX в. Текст приводится в авторской редакции и орфографии той эпохи.

М.И. Роднов

Произведения В.В. Зефи́рова

№ 1. Поездка в Табы́нск

Внутри Стерлитамацкого Уезда, в глуши Башкирских лесов, на красивом берегу реки Белой, стоит Табы́нск.

Назовёте ли вы его пригородком, – назовёте ли его селом, – это будет всё равно. Конечно, по своему порядочному, внутреннему устройству, по красивости некоторых зданий, он ближе подходит к первому названию. Но не на этом остановится любопытный взор наблюдателя. Церковь, училище, красивые дома есть и в других сёлах; но занимательность Табы́нска, его красоту, его великолепие составляют его чудные окрестности. Расположенный в глубине долины, украшенной всеми богатствами растительного царства, Табы́нск с 3-х

¹ Адресс-календарь Оренбургского края, с добавлением. На 1859 год. Оренбург, б. г. С. 122–123, 198, 202.

² См.: Башкирия в русской литературе. В 5 т. Т. I / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1961; Башкирия в русской литературе. Т. I / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1989; Бельские просторы. 2007. № 3; др.

³ *Роднов Михаил, Сайфуллина Лейла*. Неизвестная работа Зефи́рова [В. Зефи́ров. Радужие и откровенность кантонного] // Бельские просторы. 2011. № 6; *Роднов Михаил*. Звезда Василия Зефи́рова над бельскими просторами; *Василий Зефи́ров*. Уральская рыбная ловля / публикация М. Роднова // Бельские просторы. 2012. № 7; *Зефи́ров Василий*. Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года (публикация М.И. Роднова) // Бельские просторы. 2012. № 11; *Зефи́ров Василий*. Взгляд на Уфу (публикация М.И. Роднова) // Бельские просторы. 2013. № 1; *Зефи́ров Василий*. Последний взгляд на Уфу (публикация М.И. Роднова) // Бельские просторы. 2013. № 5.

сторон окружён высокими горами, которые с запада, севера и востока расположились амфитеатром в его окрестности и, покрытые лесом, издали кажутся, даже при ярком полуденном свете, как бы покрытыми туманом. При подошве гор в разных местах разбросано несколько озёр, между которыми, как две голубые ленточки, выются две речки: Воскресенка и Усолка; первая из них впадает в озеро близ селения, а другая в р. Белую.

Прибывши в Табынск на самый короткий срок, я дорожил каждой минутой, и с нетерпением выжидал времени, чтобы обозреть прелестные окрестности Табынска. Моя страсть, моё первое наслаждение бродить по горам, и в одно после-обеденное время с добрым и почтенным жителем Табынска П. Г. А..м, я отправился на трудную прогулку, которая, не взирая на всю её утомительность, оставила в душе моей много сладких впечатлений.

Из окружающих гор Табынска особенно замечательны три: первая из них, по направлению к г. Уфе, отстоит от жительства на 5 вёрст и носит название *Курманаевской*; вторая *Воскресенская*, начинающаяся от подошвы первой, и на протяжении одной версты, подымаясь всё выше, оканчивается страшною голою скалою в виде конуса, и опускает пятаю свою на дно глубокого оврага. Близ этой горы возвышается третья гора, называемая *Мохнатою*.

Из этих-то трёх гор более других возвышена и более замечательна гора *Воскресенская*. Вид с неё на забельскую сторону очарователен. Пленительная зелень лесов и полей, как бархатным ковром, покрывает всю окрестность на самое значительное пространство. В глубине этого пространства к юго-западу, как гигантское зеркало среди лесов, лежит озеро *Аккуль*, (Белое озеро) имеющее в окружности слишком 16 вёрст. На восточном горизонте, как в тумане, виднеются отдельные горы Стерлитамака, и от них, придерживаясь горной высоты, вьётся светлой полосой река *Белая*, которая обогнув Табынск, скрывается в глубине лесов и гор, по направлению к Уфе.

На *Воскресенской* горе видны древние могилы, в которых схоронены кости павших защитников Табынска. Об них сохранилось в народе трогательное предание. Известно, что цель основания Табынска была та, чтобы иметь наблюдение над мятежными обитателями Башкирии. Само собою разу-

меется, что эта мера Русского Правительства не могла нравиться Башкирцам, привыкшим к грабежам и своевольству, и они с злобою смотрели на Табынск, изыскивая все возможные случаи сокрушить его, как преграду своей бунтующей свободы, и в одну тёмную ночь, в числе нескольких тысяч обложили Табынск; но, непобедимый по предварительно принятым мерам к его защите, он устоял; за тем сторожевой редут его, расположенный на высотах *Воскресенской* горы с ротой солдат и казаков, хотя также же не сдался, но был выморен голодом, и при физическом ослаблении сил героичащитники наконец были все до одного истреблены Башкирцами. Такая твёрдость достойна вечной памяти! но, к сожалению, она хранится в одном только тёмном предании старжилов.

– Служат ли панихиды по этих убиенных, спросил я своего спутника. Нет, отвечал мой чичероне, потому что на это не было сделано распоряжения в своё время; а теперь, прибавил он, с улыбкою, грешные молитвы, я думаю более нужны для посещающих эти могилы, чем для покоящихся в них. – Аминь! отвечал я, на эту горько-солёную выходку почтенного спутника.

На *Воскресенской* горе есть довольно замечательная пещера, отверстие которой, в виде чёрного пятна, заметно даже из Табынска. Она расположена в середине горы на крутом скате.

У входа в пещеру образовались 5 высоких ступеней, по которым однакож с трудом можно спуститься в её углубление. Внутренность пещеры имеет не более 20 сажень в диаметре; свод её подымается радиусом, в вышину более 2-х сажень, и представляет вид купола из дикого, гладкого плитняку. Среди пещеры лежит большой камень базальтовой породы, круглый, в виде стола. Проникающие в отверстие солнечные лучи довольно ясно освещают всю внутренность пещеры.

Об этой пещере, сказал мне чичероне, сохранилось так же предание, слышанное им от 90 летнего старика, – жителя Табынска. Лет за 70, или 80-ть пред сим в этой пещере спаслся один благочестивый отшельник. Казаки Табынска, при отправлении своём в поход, или при запашке хлеба, или другом каком нибудь важном начинании, собирались к *Воскресенской* горе, и громкими кликами вызывали таинственного

обитателя пещеры, прося его благословения. Святой отшельник появлялся у входа в пещеру, троекратным осенением креста благословлял своих воинственных детей, и снова скрывался; а казаки, одушевлённые его святым благословением, с верой и надеждой на помощь Божию, неустрашимо шли на смертный бой. В одно время тщетны были все благочестивые призывания казаков, – отшельник не являлся. Несколько человек поднялись на гору, вошли в пещеру и нашли пустынного, склонившегося на камень; он был мёртв. Тело его со всеми христианскими обрядами было предано земле у входа в пещеру, на открытом месте, с тою целию, чтобы хотя могильный крест их таинственного заступника виден был из укрепления.

Долго сидел я на уступе *Воскресенской* горы и, с какой-то неопределённой думою в голове, смотрел в безбрежную даль. День клонился к вечеру; зелень окрестных полей и лесов сделалась ещё прелестнее. Воздух, освежённый вечернею прохладой, наполнялся ароматическим запахом цветущих долин. В груди было так легко, так свободно! Душа была полна чувств невыразимого наслаждения. Рассказ о пустынноике увлёк меня в мир не уловимых мечтаний, а окружающая тишина дополнила очарование тех минут, которые так редко можно встретить в кругу людей, в кругу той жизни, где на каждом шагу сопутствуют тебе заботы, труды, усталость, огорчения, и редко, редко удовольствие. Переходя мысленно от одного предмета к другому и смотря на Табынск, красивым ландшафтом раскинувшийся под моими ногами, мне внезапно пришёл на память довольно забавный панигирик нашему отечеству одного военного удальца. Утомлённый, может быть, пустотою мирной казарменной жизни, и услышав о страшном поражении горцев на Кавказе, он в восторге воскликнул: «люблю я матушку Россию! Ведь кажется тебе везде в ней тихо и смирно, а посмотришь – в каком нибудь уголке её, уж верно дерутся». И в самом деле, почему на пример нам знать, что с Петрова дня наши Курильские острова не курятся от военного огня враждебных соседей? Почему знать, что гром орудий Петропавловского порта может быть с усилием отбивает дерзкое нападение джонок Японского Императора, и даже, может быть, узорчатый флаг на страх, или на смех всего востока уже развевается на самом пике Авачинской сопки. И ничего нет удивительного! Как не быст-

ро летит молва, зашитая в курьерской сумке с государственным гербом, но перелететь 13 000 вёрст не шутка и для птицы. Страх берёт при одном мысленном объёме необъятных границ нашего отечества, и какие исполинские силы потребны только для пограничного его укрепления с востока, севера, запада и юга. Сколько нужно городов, сколько крепостей, сколько войск! Но бросив взгляд на отечественные события лет за 70, или 80, находим, что эти военные укрепления необходимы были даже и внутри России: одни для отражения разбойнических набегов Киргизской орды, другие для удержания гибельных для края возмущений наших, ныне добрых, смиренных и услужливых Башкирцев. И вот одна из тех крепостей теперь лежит пред моими глазами. Увлекаясь мыслью во времена прошедшие, я остановился на периоде первобытного существования этой крепости. Может быть в настоящее время Табынск расположен правильнее, отстроен красивее; но уже нет на нём той величественной мантии, которой он был облечён во дни своей воинственной молодости. Уже она не крепость, не весёлая станица удалых казаков; уже он не имеет того значения в здешнем краю, какое имел прежде, того могущества, пред которым трепетали непокорные сыны полудикой Башкирии; ныне Табынск – только село.

Скажем несколько слов об его основании и первой судьбе.

Башкирия, сколько известно, до подданства своего России, была разделена, или лучше сказать состояла из нескольких родов, как то: Катаевцев, Бурзянцев и других, которые управлялись отдельными независимыми старшинами. Волнуемая внутренними мятежами и раздорами одного рода с другим, часто беспокоиваемая набегами соседственной с нею Киргизской орды, и не имея возможности сама собой прекратить эти гибельные беспорядки, Башкирия в 1556 году признала над собой власть Русского правительства и обложена была ясаком. И это подданство полудикого, кочующего, воинственного народа, было более мнительное, чем существовавшее. Не привычка к регулярному повиновению, безпрепятственные сопротивления о взносе положенного ясака, следовали одно за другим, и влекли за собой бунты и мятежи, соединённые с разорением окрестных русских селений. Эти обстоятельства поставили Правительство в необходимость, для устройства лучшего хода вещей, в кругу своевольных под-

данных своих, принять меры более действительные, и на этот предмет учреждена была военная Коммиссия под председательством разных генералов, имевшая главную квартиру в г. Мензелинске. Для ближайшего же наблюдения за действиями Башкирцев и для принятия скорейших мер к обузданию возникших мятежей, в 1735 году, почти в самом центре, в самой глуши Башкирии была основана крепость Табынская, укрепленная рвом и земляным валом и снабженная артиллериею и гарнизоном.

Само собою разумеется, что Табынская крепость, не смотря на своё воинственное укрепление и силу, не могла быть в спокойном и даже безопасном положении. Её безпрестанно тревожили непокойные соседи, грозившие ей совершенным истреблением. Но к счастью Табынска в нём находился человек, обладавший твёрдым, предприимчивым характером, светлым умом, знанием военного дела и верностью не подкупною; – этот человек был Балахнинский купец *Утятников*. Поняв и оценив редкие способности его, Управлявший в то время Оренбургским краем, Статский Советник *Кирилов*, поручил ему управление Табынскою крепостию. При неутомимой деятельности своей и при средствах, состоявших в полном его распоряжении, *Утятников* вполне оправдал доверие Правительства, и одним смелым предприятием, уничтожив возникший бунт Башкирцев, заслужил Монаршее благоволение, и по Имянному повелению Императрицы Анны Иоанновны награждён был чином Коммисара.

Укротив мятеж, *Утятников*, при своей проницательности и знании характера Башкирцев, не мог не видеть, что он прекратил только временные беспорядки, и что новые действия рано или поздно возникнут вновь – он решился истребить самый корень зла. Главою всех Башкирских мятежей был старшина *Кульмяк-Абыз*. При огромном богатстве своём, при физических силах и разбойнической решительности, *Кульмяк* пользовался полным уважением и доверенностью своих родовичей. Одно его слово волновало их шаткие умы, одно приказание его влекло за собой грозное возстание, и по одному его мановению дикие сыны степей безотчётно летели на самое отчаянное, кровопролитное предприятие.

Утятников видел, что открытыми мерами ему не победить своего смелого и сильного врага; – он прибегнул к хитрости. Показывая полную доверенность к *Кульмяку*, он завёл

с ним торговые сношения, обещавшие *Кульмяку* значительные барыши. Эти обстоятельства время от времени сближали двух противников, завязали между ними тесную дружбу. Улучив приятное время, в минуту сердечной откровенности, *Утятников* стал говорить своему приятелю: «послушай, Старшина, сколько времени уже я веду с тобой знакомство, сколько раз я был в твоём доме и во всё это время я видел от тебя искреннюю дружбу.

Приеду ли к тебе рано утром, приеду ли поздно вечером, – ты всегда мне рад; и хлеб и соль для меня всегда на столе; когда же я отплачу тебе за твоё угощение, когда же ты приедешь ко мне?.. *Кульмяк* задумался. – Что ж, продолжал *Утятников*, разве мой хлеб горек; разве мой хлеб противен тебе. Разве ты меня обидеть хочешь? Разве не хочешь быть знакомым со мною? Разве... – Полно, полно, перебил его *Кульмяк*. – Так знай же воскликнул *Утятников*, вскочив с места и опрокинув чашку выпитого кумызу, (что означало прекращение хлебосольства), знай же, что я был у тебя в последний раз! Если же ты приедешь ко мне, – подарю тебе лучшего скакуна с моей конюшни; не пожалею даже того ружья, которое тебе так понравилось; а если не приедешь, то забуду где стоит твоя юрта; забуду в которую сторону открывается дверь её, и забуду даже как зовут доброго старшину *Кульмяк-Абыза*.

Убеждённый таким потоком истинно дружеских угроз и обещанием, слишком заманчивых подарков для Башкирца, *Кульмяк-Абыз* дал слово быть, и на другой день действительно с 4-мя из своих безстрашных сподвижников приехал к *Утятникову*. Коммисар Правительства, обязанный долгом службы, вовсе не думал в настоящем случае разыгрывать с разбойником роль рыцарской чести и руководствоваться священными правами гостеприимства, он приказал связать *Кульмяка*, и без дальних околичностей, вместе с его товарищами, отправил в Военную Коммисию. Потеряв главу всех своих кровавых предприятий, Башкирцы стихли, и Табынский край успокоился надолго.

После смерти *Утятникова* Табынск нетерял своего военного значения, и вскоре после того, сбросив с себя казарменную оболочку, явился в этом диком, глухом краю в блестящем виде – генеральской штаб-квартирой. В 1744 году Управляющий Оренбургскою Башкирскою Коммисиею, Генерал-

Лейтенант Сойманов, обозревая крепости и остроги, прибыл в Табынск, и очарованный дивными красотами его окрестностей, роскошью его растительного царства, богатством окружающих его многолюдных Башкирских поселений, Сойманов решил основать в нём главное своё место-пробывание, и Табынск, бывший дотоле только грозой Башкирцев, сделался для них местом удивления, местом невиданных ими дотоле потех и увеселений. Кому за 50, или даже за 40 лет пред сим случилось быть в пограничных крепостях, тот знает, как в старину командиры этих военных поселений проводили праздничное, или свободное от службы время в своём кругу, – весёлом, шумном, безэтикетном, в кругу – удалённом от всего постороннего мира на несколько сот вёрст, и где всякое развлечение, всякое средство для весёлого препровождения времени зависело от собственных их сил – от их характеров.

Так было и в Табынске. С прибытием в него Генерал-Лейтенанта Сойманова, с его блестящей свитой, начался ряд частовременных праздников и увеселений: обеды, вечера с музыкой и песенниками; шумные тосты за здоровье Царя и славу Русского оружия сопровождалась громом ружейных и пушечных выстрелов, и всякой пир оканчивался великолепным фейверком. Часто на такие праздники, были приглашаемы знатнейшие старшины Башкирские, и тогда картина пиршества представляла более разнообразные виды. После русских потех начинались воинственные потехи Башкирских наездников: скачка на лошадях, ручная борьба, стрельяние из луков и шумная поездка в горы для травли оленей и волков. Это время было истинно золотым веком исторического существования Табынской крепости.

Но ничего нет вечного под солнцем! Миновались времена мятежей и раздоров. Башкирцы, поняв наконец отеческую заботливость Русского Правительства о их благосостоянии, безусловно покорились благодетельным его распоряжениям, и Табынск, хотя носил ещё название крепости, но уже не имел прежнего воинственного значения, и наконец, отслужив Богу и Великому Государю верой и правдой слишком 100 лет, Табынск сошёл с военного поприща, и в 1840 году поступил в мирный состав государственных имуществ.

Одно только осталось нам от древнего существования Табынской крепости: это чудотворная икона Божией матери,

явившаяся на серных ключах, находящихся в 10 верстах от Табынска, в дачах Богоявленского Завода. Об чудном явлении святой иконы была составлена летопись и хранилась в храме крепости; но, к прискорбию, сгорела во время сильного пожара, бывшего в 1828 году, и только, как об обретении святыни, так и об учреждении крестного хода, сохранилось в народе одно изустное предание. О последнем говорят следующее:

В одно из самых сильных возмущений Башкирцев – Табынск внезапно был окружён многочисленными толпами озлобленных мятежников. Неизбежная гибель угрожала казакам, и тем более, что запертые со всех сторон, они не имели ни малейшей надежды на какую либо постороннюю помощь. Всё спасение их состояло в собственных их силах. Конечно, имея огнестрельное оружие, они могли бы может быть долго держаться; но выносить долговременную осаду было не в духе казаков, и для продолжительного терпения кровь их была слишком горяча, – казаки решились. На ранней заре они сбрались на площади крепости, подняли чудотворную икону Святой Заступницы, отслужили молебен, и поручив себя Её благому покровительству, с распущенными знамёнами, при громком пении божественных гимнов, казаки выступили из крепости. При оглушительном громе всей артиллерии казаки с диким воплем бросились на оторопевшего врага. Не ожидая такого быстрого, внезапного нападения и, так сказать, ошеломлённые разрушительным действием ядер и картечь, злодеи дрогнули и побежали. Ободрённые своим неожиданным успехом, казаки с усиленным ожесточением бросились преследовать оробевшего врага. На пространстве 10 вёрст они гнали и резали свои почти беззащитные жертвы, и по совершенном его разбитии на серных ключах, речьки Усолки, остановили кровопролитную сечу. Вложив здесь карающий меч в ножны, принесли общую тёплую молитву к Святой Заступнице, относя всю славу победы Её небесному покровительству. И с того времени положено было казаками и заповедано потомкам их, ежегодно в день своего избавления, т. е. в 9-ю Пятницу после Пасхи, совершать крестный ход на серные ключи. Этот религиозный обряд совершается в Табынске и донныне, куда тысячи богомольцев стекаются со всех сторон обширной Оренбургской губернии. Я был на этих ключах, на этом священном месте, где так дивно явилось ми-

лосердие Божие верующему человечеству. На месте явления иконы сооружена небольшая часовня с деревянным зубчатым куполом и таким же крестом. Она стоит между голым обрывом горы и берегом речки Усолки, на большой каменной площадке. Внутри её в левом углу находится четырёх угольный камень кремнистого плитняка, из под которого бьёт прозрачный источник солоноватой воды, впрочем не противной на вкус. На этом то камне, как повествуют, был обретён образ Божией Матери.

Не могу умолчать, что чувство благоговения, при поклонении святым иконам, находящимся в этой часовне, невольно сливается с грустным тяжёлым чувством укора, при взгляде на ветхую и не опрятную наружность часовни.

Срок моего пребывания в Табынске уже кончился, и я должен был спешить к месту, где необходимо было моё присутствие; но не смотря на всю важность этого дела, я ни как не мог отказать себе в удовольствии посмотреть вблизи на громадное озеро Аккуль, и теперь не раскаиваюсь в том. Чичероне мой уговорил меня остаться ещё на день и быть свидетелем, и даже участником рыбной ловли на этом озере. Я согласился, и в два часа после обеда мы вместе с ним отправились в путь, пригласив с собою трёх старых, или как говорится на их языке, заплесных рыбаков, – Табынских старожилов. – Озеро Аккуль лежит в 7 верстах от Табынска. Мы ехали верхами. Дорогой непредставлялось ничего занимательного, даже было довольно скучно. Рывтины и овраги, после бывшего дождя, наполненные водою, безпрестанно пересекали нам путь. Наконец мы въехали на обширную поляну, со всех сторон заслонённую густым чёрным лесом; в углу этой долины видны частые, небольшие возвышения. Что это такое?.. спросил я своих спутников, из Казаков, или малолетков, – не знаю хорошенько. – Это сударь, Старый Урметь, отвечал мне один из них. А что это за Урметь? А вот извольте видеть, продолжал тот же казак: До Пугачёвского бунта на этом месте стояла небольшая Башкирская Деревня, под названием: Старая Урметева. Народ был в ней бедный, оборванный; работать не любил, и промышлял только плутовством, да воровством. В деревне этой был один лихой, отчаянный наездник, об котором и теперь ещё помнят Башкирцы, по имени *Валит Юлаев*. Едва только дошли слухи, что Пугач с своими партиями чрез Уральские горы идёт в нашу сторону, – *Валит* сел

на коня, собрал всех молодцев из своей деревни, наговорил им с три короба, да в трое того насулил богатства, и до того вскружил дуракам головы, что они, как говорится, зажмурил глаза, взмахнули нагайками, гикнули и ускакали в горы. В деревне остались старики, да бабы с малыми ребятами. Проходит месяц, другой, третий, – об *Валите* нет ни вести, ни повести. Всё, что было запаса приедено; что было скотины прирезано; а вот уж и лето проходит и осень сырая скоро пожалует на двор, а об *Валите* с молодцами ни слуху, ни духу: точно в воду канул. Ещё проходит месяц, другой... У наших голубчиков нет ни кашки, ни брашки, ни полпивца, т. е. ни хлеба, ни соли, ни кислых щей, а зубы хоть на полку положи. А между тем и осень наступила: снег хлопьями падал из серых облаков, и Урметевцам пришло уж не втерпёшь, – было и голодно, и холодно. Старики молча кряхтели, бабы плакали и ругались, а ребята выли, как волчата. Но делать было нечего, пособить горю было нельзя; поплакали, потужили, и потом разошлись в разные стороны по окрестным деревням. С тех пор опустел Старый Урметь; с тех пор не видно было уже в нём ни одной души человеческой, и ветхие строения, отданные на волю всем четырём ветрам, всем погодушкам, наконец рухнулись на бок, поросли крапивой и репейником, и вот теперь как видите, прибавил словохотливый расказщик, с самодовольною улыбкою, после Старого Урметя, осталась только – одна мерзость и запустение.

С окончанием рассказа окончился и наш путь. При въезде на небольшое возвышение, пред нашими глазами вдруг открылась вся зеркальная поверхность исполинского озера. Кто не видал моря, тот не может без восторга смотреть на эту величественную картину. Жадный взор мой, поражённый изумлением, так сказать растерялся на этом пространстве вод. Озеро тихо стояло в берегах своих, осенённых густым чёрным лесом. С одной только стороны открывался небо-склон, и в прозрачном эфире его сиял крест церкви, в селе помещика *Кровкова*, ныне Стальпина, расположенном на высокой горе. По берегу озера были шалаши рыбаей; несколько бредней, вятелей и неводов сушились на зелёной мураве; множество лодок больших и малых стояло у берега.

Мы слезли с лошадей и приветствовали ловцёв. Надобно сказать, что озеро Аккуль составляет казённую оброчную статью и отдаётся охотникам-рыболовам с торгов. В настоя-

щее лето оно находилось в содержании у Табынских рыбопромышленников, к числу которых принадлежал и один из приехавших с нами, и которого мой спутник называл просто *Иваныч*.

Было уже около 4-х часов вечера, – время самое благоприятное для лова. После непродолжительного отдыха, Иваныч немедленно сделал распоряжение, и две большие косные лодки с неводом отправились на середину озера, а мы с спутником и Иванычем сели в особую лодку и поплыли в след за ними. – Никогда не бывавши на таких огромных водах, ни однажды не испытав сжимающего сердце наслаждения – плавать в небольшой лодке над страшною глубиною, я был в каком-то детском восторге, и вероятно от того движения мои были уж чрез чур живы, когда рыбак просил меня сидеть по смирнее. Я притих, и с любопытством следил за косными лодками, которые, сбросив невод, разъезжались в разные стороны. Иваныч ехал саженьх во сто от товарищей и выправлял наплавки. Прошло около часу медленного движения лодок. Кругом царствовала глубокая тишина; едва слышан был шопот рыбаков. Озеро было страшно-тихо: казалось бездонная глубина его безмолвно говорила мне: *memeto mori* (помни смерть). Наконец мало помалу лодки стали сближаться, и по сближению ускорили ход свой. Страшное нетерпение заметно было во всех движениях рыбаков. И вот лодки сошлись. Невод потянули общими силами; наплавки его ныряли безпрестанно. Иваныч улыбался, и глаза его блистали радостью. Мы вошли на косную лодку, и с безмолвным любопытством смотрели на поверхность воды, охваченной неводом. Вдруг что-то бурно заколыхалось в матне; чрез секунду близ самых лодок вынырнула чудовищная голова сома, который страшным всплеском хвоста, окатив нас с ног до головы водою, вновь рванулся в глубь. Дружней! закричал Иваныч; работа закипела, и чрез 10 минут невод был поднят. Радостный говор понёсся по озеру: лов был очень счастлив. Кроме сома, чуть не в сажень длины, было множество поймано лещей, сомят, щук, жерехов и прочей мелкой рыбы. С громкими песнями пустились рыбаки к берегу и чрез две минуты жирная уха варилась уже на разведённом огне.

Скажите пожалуйста, от чего уха, сваренная в поле, в какомнибудь чугунном котле, без всех гастрономических приправ, нравиться вам, или некоторым, более чем уха, при-

готовленная на домашнем очаге? Не может же быть, чтобы один только моцион усиливал наш аппетит и благорастворенный воздух придавал более вкусу ухе! Такой же воздух и такой же моцион мы можем иметь в саду! Где же искать причины развития этого чувственного наслаждения в нашей природе? Вот вопрос, который я старался разрешить, разхлебывая между тем чудесную уху из налимов и лещей. Но как животная природа в это время преобладала во мне над природой умственной, то вопрос остался мною не разрешенным, и я обратился с ним к своему чичероне. Не знаю, отвечал он мне; по правду, или нет, а говорят, что рыбу надобно варить тот же час после её поимки и непременно в той же воде, в которой она поймана. И едва ли это не истина!

День вечерел. Мы собрались в обратный путь, и хотя рыбаки, и даже спутник мой уговаривали меня остаться переночевать и посмотреть как бьют рыбу [о]строгой в темную ночь, при свете зажённого на лодке огня; – но мои обстоятельства были сильнее их убеждений, и я, простившись с очаровательным Аккулем, на другой же день выехал из Табынска.

В. З-ф-р-в.

(Оренбургские губернские ведомости. 1850. 18 ноября)

№ 2. Шихан

(Из восп. провин. туриста).

Скучно летом в городе. Пыльные улицы, каменные мостовые, чахоточные бульвары – всё это страшно надоедает, и как то по неволе хочется убраться куданибудь по дальше от этой огромной, пыльной тюрьмы, где всё напоминает несносные цепи цивилизованной жизни – принужденность и искусственность. И вот с конца Апреля все, у кого есть на это маленькая возможность, хлопотливо оставляют душный город и с радостью отправляются в степь, в деревню. Как же завидуют им те несчастные, кого капризная судьба обрекла на всегдашнее прозябание в городе; как тоскливо бродят они из улицы в улицу; как неистово хлопочут целое лето о загородных прогулках; и как часто эти прихотливые затеи ещё более наводят хлопот и скуки, чем ежедневное благочестивое

странствование по опустелым улицам города!..

Много лет был я жертвою этого страшного недуга; наконец терпение моё лопнуло, судьба улыбнулась, послала мне отрадное приглашение – побывать в деревне, и бросив всё и вся, я пустился странствовать по нашим степям. Что ни говорите, а человек никогда не перестанет быть номадом, никогда не откажется он возвращаться время от времени к одной жизни с природою, к своей первобытной детской простоте. Вот эта-то потребность нашей души и вытащила меня из пыльной атмосферы благополучного города Уфы и по разным обиталищам кумызолюбивых поклонников Пророка (да привествует его Аллах!) повела в один счастливый уголок степи, где, благодаря прославленному русскому гостеприимству, я целые полтара месяца наслаждался мирною прелестью сельской жизни.

Не только в это блаженное время, но и на самом пути к нему, я так много встретил приятного, так часто восхищался чудно-прекрасной природой Оренбургского края, что утаить эти впечатления считаю страшною не благодарностию к судьбе, так мило лелеявшей меня целое лето, и потому решаюсь поделиться с вами, терпеливый читатель, одним из моих воспоминаний.

В одно прекрасное утро (поверте, что это не из книги); я уж ручаюсь за правду, подъезжая в Стерлитамаку, я покойно любовался разнообразной красотой начинавшейся степи, как вдруг увидел тёмную-тёмную тучу, которая медленно выходила из за горизонта. С фатальной покорностию судьбе приготовился я к утреннему омовению в дождевой ванне, как вдруг мой почтенный спутник, совершивши предварительно обряд чесания затылка (у него уж такая привычка): протянул вперёд указательный палец и своим вечно-докторальным тоном важно произнёс лаконическое: «вот и Шихан».

Однако из этого лаконизма мудро было извлечь какоенибудь положительное заключение, и я легко бы мог принять незнакомое слово, так внезапно вылетевшее из уст моего почтенного собеседника, за какойнибудь местный термин из физической Географии, с которою я знаком не очень коротко; но, к счастью, у меня была готовая разгадка таинственного звука. За долго до поездки, я многое множество раз слышал от одного из своих приятелей безконечные рассказы о

горе Шихан, находящейся близ Стерлитамака, которую он, по особенной настроенности духа, к превыспренним восторгам, превозносил чуть не до небес. И вот теперь я с издали увидел эту гору и конечно всё моё внимание обратилось к ней, как взгляд Колумба к таинственному берегу Сан-Сальвадора. И действительно, было чем полюбоваться. По мере приближения нашего к городу, эта страшная туча мало – по малу меняет свой вид и наконец переходит в огромную одинокую гору которая постепенно принимает на себя все оттенки синего и зелёного цветов, от самой густой, почти чёрной, синевы громовой тучи до нежного оттенка цветущей зелени. То является она покрытая этой отрадной зелёною оболочкой, то выставляет свои обнажённые белые скалы, между которыми разбросаны там и сям засохшие кустарники. Между тем шире и свободнее разстилается степь, и среди её, окружённый четырьмя другими горами, гордо красуется Шихан, как вечный, несокрушимый страж золотоносного Урала, тёмной синевой рисуящегося на дальнем горизонте.

Я никогда не видал ни гор, ни степей, и потому жадно взглядывался в эту чудную картину, и тут же дал себе слово непременно взобраться на самую вершину великана и оттуда полюбоваться степью.

Среди этих мечтаний мы въехали в Стерлитамак. Это довольно чистенький и довольно красивенький городок, хотя эти достоинства и много терпят от летних дождей, образующих моря и озёра, реки и ручьи, во всех направлениях прорывающиеся город. Что касается его истории, то напрасно заехал бы сюда пытливым археолог: не найдёт он здесь богатой жатвы, какая ждёт его в других местах Русского Царства. В этом согласен со мною и Оренбургский Адрес-Календарь 1849 года, который буквально удостоверяет, что «в историческом отношении он ничем особенно не замечателен». В замен этого патриархальный Стерлитамак очень и очень замечателен редким гостеприимством своих обитателей, радушие которых конечно оставит на душе каждого гостя самые отрадные воспоминания.

И так я в Стерлитамаке, на границе Европы и Азии, близ восхитительного Шихана. На моё счастье нашёл я здесь старого Студента; а надобно вам сказать, мой благосклонный читатель, что такая встреча для меня, всегда счастье. Не знаю какая, а есть какая-то особенная радушная связь меж-

ду Студентами¹, не смотря на хронологическую разность, указуемую седидами и прочими живыми урочищами, налагаемыми природою на грешных правнуков Адама. Благодаря этой счастливой встрече, моё путешествие на Шихан перешло из идеи в действительность. И вот в один из последних дней Июня сего 1851 года, переехавши 12 вёрст от Стерлитамака, остановились у подошвы Шихана два тарантаса, в которых помещались четверо любопытных, обрекших себя на геркулесовский подвиг – взобраться на вершину его.

И правду сказать, трудна была эта экспедиция. День был ясный, на небе ни облачка, жар смертельный, а идти надо. Но не вдруг пустились мы в это странствование; не лъзя было не остановиться на подошве горы и не полюбоваться отсюда её дикою красотою. Ровно стелется во все стороны степная равнина, покрытая всею роскошью нашей северной растительности. Среди её стоят отдельно друг от друга пять гор, но одна лишь повелевает всем пространством; смиренно отделилась от неё другие; ей одной предоставили они всю славу степной красоты.

Вблизи Шихан имеет форму скруглённой на верх пирамиды, основанием которой служит возвышенная площадь мерою от 250 до 300 кв. сажен. Подошва горы покрыта мелким кустарником дикой вишни, который теряется по мере возвышения, уступая место серебристому ковылу, покрывающему и самую вершину горы. Южная сторона великана довольно отлога и вся покрыта зеленью, за то северная, является отвесным скатом, лишённым растительности. Это просто белая каменная стена, из которой там и сям выдаются небольшие скалы, висящие на воздухе, и местами торчит сухой кустарник, приютившийся в расщелине.

Мы стали подниматься по отлогой стороне горы, и после получасовой утомительной ходьбы мне удалось первому ступить на высшую точку Шихана. Миниатюрно было это странствование, но удовольствие, доставленное им, неизмеримо велико. Как резвый ребёнок пустился я бежать по площадке, которою оканчивается гора и дико радовался, спугнув с вышины единственного её обитателя – огромного степного беркута. Как бы не хотя расправил он свои крылья и ти-

¹ Впрочем я здесь говорю о Студентах в значении собственном, а не нарицательном; последнее всегда предполагает бездну исключений.

хо попал по воздуху. Но вот он делается меньше и меньше, вот обратился в чёрную точку и наконец исчез вдали.

Легко и весело было у меня на сердце; с неизъяснимым удовольствием наслаждался я чудною картиною, которая открылась глазам моим в первый раз жизни. Я стоял на высоте от 1500 до 2000 футов и жадно всматривался в безграничную степь, широко раскинувшуюся у подошвы великана. И как хороша была эта степь! Ничего дикого, пустынного; напротив, она цвела всею роскошью своей растительности, разнообразными ландшафтами рисовались на ней разбросанные там и сям деревеньки, в долине виднелся Стерлитамак, и красавица Белая блестящей серебряной лентой извивалась по всему пространству её, принимая в себя несколько речек и ручьёв. куда ни посмотри, везде хорошо, везде прекрасно. Так бы и полетел в эти зелёные рощи, на эти цветущие луга; так бы и перенёсся вдаль, куда манит тебя чудный силуэт старика – Урала, величаво рисующийся на огромном, едва доступном глазу, пространстве...

Долго наслаждался я этой дивной картиной. Но ещё было на Шихане местечко, привлекавшее меня, и вот я пустился на довольно рискованный подвиг. На северной стороне горы совершенно лишённой зелени, есть одна скала, или выступ, смело выдающийся вперёд и почти висящий на воздухе. Он-то и привлекал меня своей пустынною дикостью. Цепляясь за камни, я кое как спустился на эту одинокую скалу и с величайшим удовольствием пробыл на ней несколько минут. Здесь я был один и как-то невольно отдался мечте. Тихо явилась она предо мной, но быстро завладела душою, покорила себе и унесла далеко – далеко... однако скоро голоса спутников напомнили мне не возможность продолжать эту уединённую беседу, и я снова поднялся на вершину Шихана.

Долго любовались мы красавицей степью, долго толковали о старике Шихане, но всему бывает конец, и вот мы спустились с вершины гиганта, уселись в экипажи и через два часа были в Стерлитамаке; а на другой день я уже пустился в путь к тому уголку степи, где провёл полтора месяца самой мирной, самой счастливой жизни.

З...Ъ.

(Оренбургские губернские ведомости. 1851. 20 октября)

№ 3. Удряк-баш, или 22 Августа в мещерякском кантоне

Четыре часа пробило на стенных часах Кантонного Начальника и красный флаг развился на горе противу его окон, за речкой Удряк-баш. Толпы народа, бродившие дотопе по улицам, в каком то смутном ожидании, с громким говором спешили к месту открывшегося праздника, и кучи ребятишек бойких, резвых, шумных, оборванных с оглушительным криком бросились из улиц деревни и, как говорится, сломя голову, понеслись на гору к развевающемуся флагу. – Но здесь, кажется, требуется небольшим отступлением пояснить предмет настоящего рассказа.

Удряк-баш есть довольно обширная мещерякская деревня, лежащая в 70 верстах от г. Уфы. Несмотря на сонную физиономию самой деревни, окрестности её, во время лета, очень привлекательны. С севера и востока Удряк-баш заслонён горами; на западной стороне виднеется густая полоса лесов, принадлежащих к имению помещика Языкова; с юга растилается обширная равнина, вся сплошь усеянная хлебами. В версте отсюда, при каменистой подошве горы, окружённая небольшими группами высоких лип, расположена небольшая деревня Шамеева, и представляет довольно привлекательный вид деревенского хутора; с восточной стороны, близ самой деревни, у склона горы, течёт небольшая, но быстрая, светлая речка Удряк-баш. Кроме её, по самой деревне, в небольших овражках, протекают два горных источника с свежей и здоровой водой, и, при впадении своём в речку Удряк-баш, образуют собою весьма опасную топь, покрытую мохом и травой самой блестящей зелени, которая, как бы нарочно, привлекая к себе скот своею нарядною поверхностью, поглощает его в свои убийственные недра; но само собою разумеется, что противу несчастных случаев приняты свои меры предосторожности.

Характер здешнего народа (говоря вообще о Мещеряках), сколько я мог извлечь из своих наблюдений, кроток, но не миролюбив. Первая черта его довольно неживописно отпечатана на физиономии почти каждого Мещеряка, – какая-то сонливость, какое-то физическое изнурение.

Вторая черта характера Мещеряков весьма ясно выражается в их безпрерывных жалобах и тяжбах. Источники для

домашнего изобилия у Мещеряков есть и не сравненно в большем размере, чем у Русских крестьян; но нет в них нравственных сил, нет воли, нет охоты к разработке этих вечно неиссякаемых источников. В духе этого народа, кажется, во все нет ни какой предусмотрительности, нет даже полного чувства самосохранения; бедственная, отвратительная лень, по видимому, железною цепью оковала в нём обыкновенную деятельность природы человеческой. Мещеряк, на пример, сеет столько хлеба, сколько, по соображению его, требуется для прокормления его семейства; но после этой умной расчётливости, один год неурожая ставит его в самое стеснительное положение: он за безценок вынужден продать последнюю скотину, чтобы заплатить ничтожное количество подушных денег.

Горы, окружающие деревню Удряк-баш, содержат в себе алабстр самого превосходнейшего качества, но жители, пользуясь им для беления своих печей и чувалов, и любуясь их ослепительною белизной, нисколько не думают, или думают, но не хотят этот видимый дар природы обратить в существенную свою пользу, посредством разработки и продажи, — тем более для них удобной, что губернский город Уфа от них только в 70 верстах. Во владении Мещеряков есть много рек, как напр. Дёма, изобилующих рыбою, есть пиявочные озёра, но ни одно из этих богатых средств не привлекает охоты Мещеряков к своему благосостоянию. К числу источников безбедной жизни моглобы быть присоединено также звероловство, но Мещеряки с леностию совмещают ещё отсутствие всякой воинственной смелости. В таком деле, где требуется физическая ловкость с твёрдым присутствием духа, с отвагой бойца, Мещеряк редко имеет охоту принять участие. С наступлением осени в их обширных степях появляется множество волков свирепых, жадных, смелых до невероятности, которые, не видя никакого страха со стороны людей, свободно рыщут по полям, где скот, шатающийся без всякого призора, отдан на полную поляю их лютости; а Мещеряк... ежедневно не досчитываясь в своём стаде то овцы, то коровы, в кротости духа охает, сокрушается, но не предпринимает ни каких мер противу своего свирепого, но робкого врага. Смешно же было бы думать, что у Мещеряка недостаёт смыслённости и на столько, чтобы, по примеру прочих домохозяев, ставить капканы, рыть ямы, и проч. и проч., но та-

кой род занятий вовсе не в его характере. Мне случилось быть очевидцем довольно забавного происшествия, которое некоторым образом может дать понятие о бойкости Мещеряка. В 1845 году, проезжая на подводах из Мензелинска в Стерлитамак, не помню в какой то мещерякской деревне я переменил лошадей, и потом отправился далее. Ямщик мой был лет около 30, парень, по видимому, бойкий, весело погонял лошадей и попевал какую-то народную песню, на минорный тон. Я дремал в повозке. Вдруг на беду его какой-то Русский подводчик гонит ему на встречу, с прямым направлением сломить себе голову, или другим. Мой ямщик не успел своротить с дороги, да и небыло надобности, но на быстром ходу оси столкнулись, у встречного что то лопнуло, и я не успел открыть глаз, как Русский удалец ястребом налетел на моего ямщика и, что было мочи, колотил его по загривку. Подняв, в роде защиты, правую руку над головой, на которую сыпались быстрые удары, и обратив умоляющую рожу к своему обидчику, Мещеряк ни криком, ни стоном не обнаружил стеснительного своего положения. Тогда уже, как после моего грозного восклицания, Русский, перескочив на свою телегу, помчался вперёд, тогда только мой бедный Мещеряк опомнился. Он молча слез с козел, молча поднял сбитую с головы тубетейку и, садясь на козлы, довольно уже смело поглядывал вслед уехавшему врагу, ворча сквозь зубы: «а, шайтан, урус», и вот всё, чем утешил себя мой подводчик, за своё оскорблённое самолюбие и разбитую голову. Мне жалко и смешно было смотреть на бедняка. – Что, больно он поколотил тебя, спросил я? «шайтан, собака, кафыр», скороговоркой отвечал обиженный, и уже смело грозил мочальным кнутом своим вслед уехавшему врагу.

Конечно это мелочной пример, но за всем тем, он, как ненадо более, может служить образчиком характера Мещеряков. Однакож этим я вовсе не хочу доказывать, что точно такие же все вообще Мещеряки, как мой ямщик; само собой разумеется, что из них есть люди бойкие, смелые, но этим отличным качеством пользуются из сего народа те только, кто с малолетства тёрся между Русскими, или в работниках, или в ямщиках, или бывал в кордонной службе, или наконец, научившись мало-мальски грамотной премудрости, служат по управлению Башкиро-Мещерякского войска; но быт их – этих джельтъменов – хазретов, есть уже исключение из общей

черты народного характера, – но обратимся к оставленному предмету.

Не смотря на то, что Удряк-баш лежит в весьма незначительном расстоянии от губернского города, это однакож несколько неизменило в нём общего типа мещерякских деревень, расположенных в глуши и захолустье. Туже патриархальную простоту в образе жизни, тоже неряшество, на которое современем неприятно смотреть, и тоже смешное любопытство, при появлении в деревне какого нибудь порядочного экипажа, вы встретите в Удряк-баше как и в других деревнях. Теперь можете представить себе с какою заботливостью спешил народ к развевающемуся флагу, который, как вещь небывалая и невиданная, внезапным появлением своим, мог многое обещать, и вот чрез полчаса вся гора была усеяна народом, и шумный – глухой говор нескольких сот голосов безпорядочною дробью гудел в воздухе.

Не многим было известно, что Кантонный намерен сделать праздник, но ещё менее было известно, что за праздник это будет. Мещерякские праздники вообще бедны и ничего не представляют любопытного для наблюдения; это не более, ни менее, как жирное угощение обедом, с присовокуплением к нему большого количества кислого мёду, от которого охмелевшие головы поют свои родные песни, вот и всё. Но настоящий праздник предсказывал, что то особенное; съезд юртовых старшин, припасённые плошки и дехтярные лагуны, около 20 приготовленных на скачку лошадей, всё это в высочайшей степени занимало любопытство всего мирного удряк-башевского народонаселения, и всё оно, от малого до велика, сбежалось на заветную гору, и всё оно говорило без умолку и ждало, с отрадным нетерпением, что будет? Чем это кончится? Наконец ворота растворились, и Кантонный Начальник, сопровождаемый старшинами, вышел из дому. При восходе его на гору, говор несколько стих; почётнейшие из жителей, т. е. кто постарше и побогаче, пошли к нему на встречу, и началось обычное пожатие рук, с ласковым приветом: саялям маликум, хазрет, исяммамс хазрет, и проч. и проч.

День вечерел, разливая в воздухе приятную прохладу, предвестницу приближающегося сумрака.

Изнурённый тягостью жаркого летнего дня, с приближением вечера, я отдохнул, и душа, неподавляемая телесною немощию, как бы проснулась для восприятия всего, что толь-

ко может тешить здесь эту небесную гостью в её земной оболочке. Прохаживаясь по горе с одним чиновником канцелярии Кантонного №№, я уже весело смотрел на шумную, волнующуюся толпу, и её суетливость казалась мне более занимательной.

Толкаясь между народом, который, по направлению хода Кантонного, медленно подвигался к югозападной оконечности горы, я вышел из толпы и, увидав в отдалении седого старика, безмолвно сидящего на отлогости горы, подошёл к нему и только было хотел вступить в разговор, как вдруг пронзительный, резкий крик раздался назади меня, и вслед за ним оглушительный рёв всего народа, рёв неистовый, отчаянный, соединённый с визгом и воплем, который много бы мог дать понятие о минуте разрушения целой деревни, или о невозможном соединении всех сумасшедших на одной арене; я с изумлением оглянулся назад, и, по направлению сотни протянутых рук, увидел в дали густые облака пыли, закрывавшие весь западный небосклон и в них как вихрь несущихся коней.

С любопытством и удовольствием смотрел я на эту дикую, воинственную картину народной потехи, и оглушительный крик народа уже не казался мне тревожным и безтолковым. Я слышал и видел в них восторг воспрянувшей души, отеческий вопль любви, при взгляде на единственную красу своих обширных степей, на своих неутомимых скакунов, и это шумное выражение их душевного наслаждения одно уже может показать, что нынешнее сонное поколение Мещеряков принадлежит народу, для которого в старину молодечество и отвага не были качествами недоступными как теперь, для которого добрый конь был также безценным другом и товарищем, был любимым существом наравне с отцом и матерью, наравне с красивой подругой своей.

С приближением скачущих наездников вопли народа всё более и более усиливались, и даже старик, к которому я подошёл, присоединял свой слабый крик, сопровождаемый страшными кривляниями, выказывающими все признаки самого уродливого сумасшествия. «Кыргыз, Кыргыз!! кричал он, махая руками; Кыргыз, Кыргыз!! гий!! гай!! ревела толпа с пронзительным воплем.

В полуверсте от горы уже ясно можно было различить счастливых бегунов. Трое из них, далеко оставив за собой

скачущих соискателей славы, как говорится, в нитку вытянувшись, почти в ряд неслись по дороге, задыхаясь от пыли и усталости, и вот наконец один выдвинулся вперёд, – ещё усилие, – два, три... и, как бы сознавая приобретаемую им славу, как бы чувствуя свой победный триумф, собрав воедино все остатки своих богатырских сил, под утроенным ударом нагайки, киргизский скакун стрелой полетел по отлогости горы к развевающемуся флагу. Все бросились к счастливому бегуну, окружили его, осыпали самыми восторженными ласками, но более всего трогательна была нежность знакомого нам старика, с которою он обнимал шею победителя: конь был его. Между тем Кантонный снял красную шаль, висевшую на шесте, и своими руками обвязал шею скакуна. Второй и третьей лошади было роздано по нескольку аршин коленкора. Прочие уже не приближались к этому месту, к этому капитолию, где так торжественно венчали их счастливых товарищей; – им было стыдно.

После того как шум поутих и восторженные клики спустились к тону обыкновенного татарского талалаканья, Кантонный сел на разостланную кошму; около него поместились сначала муллы, потом почётнейшие из юртовых старшин, далее прочие сановники, приглашённые на праздник из соседних деревень; таким образом составилась довольно обширный круг, за которым столпился весь народ. И вот из этой толпы вошёл в середину круга молодой Башкирец, довольно невидной фигуры, но плотно сложенный, с широким красным лицом, с смелым взглядом, и вообще с позитурой человека, показывающего самого отчаянного бойца; он вышел в одной рубахе, босиком, с кушаком в руках и стал вызывать джигитов (молодцев) на борьбу. Какой-то ропот пробежал по толпе, когда на повторенный вызов бойца никто не являлся; честь Мещеряков видимо страдала; но наконец вышел, или лучше сказать был вытолкнут в середину круга также дюжий парень, высокий ростом, с мускулистыми руками и с верными признаками силы. Без всяких приготовлений, даже порядком невзглянув друг на друга, они бросились, схватились, и, обвинив себя кушаками, начали кружиться ровно, медленно, стараясь между тем притянуть себя друг к другу, чтобы, прихватив поясницу противника и, подняв его на руках, бросить на землю. Но в настоящей борьбе это было почти невозможно: один был высок, другой гораздо ниже его, но оба равных

сил. Долго они кружились, долго всеми средствами, всеми изворотами старались подавить друг друга, наконец Башкирец, отбросив кушак, быстро обхватив руками долговязый стан своего противника, поднял на колено и, обернув раза три около себя, грянул об землю, при оглушительном крике всего народа. Бедного стащили с места, а победитель, присев на корточки и отдуваясь, стал вызывать других охотников на единоборство.

Но мне не было охоты смотреть дольше на этот род народной потехи. Мне не нравилась эта скучная медленность, эти плутовские уловки и вообще поза борцов, по окончании которой, как на победителя, так и на побеждённого в равной степени жалко смотреть. По мне, т. е. по моей теории о борьбе, если уж пришлось иметь дело с противником, то, взвесив свои силы, по Русски, схватил его за шиворот, да и об пол, а в противном случае... моё почтение господу. А для народной потехи я уж ни как бы не дал ломать свои бока; да и перед добрыми людьми совестно. Взяв под руку своего приятеля, я пошёл с ним бродить в толпе, распрашивая о мелочах семейного быта Башкирцев и о прочем. Продолжая прогулку с №№, я подошёл к знакомому уже мне старику, который с несколькими сверстниками сидел на земле и с видимым удовольствием поглядывал на своего Кыргыза, щеголявшего в красной шали, на котором разъезжал мальчик лет 14.

Славный у тебя конь, старик, сказал я, трепля его по плечу. – Да хорош, отвечал он; но уж и стоит мне Кыргыз, прибавил старик, покачивая головой. – Разве дорого он обошёлся тебе, спросил я опять, стараясь завлечь его в разговор на таком благоприятном предмете. – Дорого, не дорого, да хлопот то с ним было втрое больше, што он стоит, отвечал старик, с видимою охотою вступить в объяснение. Я купил его всего за 40 р. в Оренбурге на меновом дворе у Киргиза. Привёл домой и, зная их чертовский характер, берёг пуще глазу: четыре дня держал в заперти с другими лошадьми, чтоб попривыкла. Однажды я сен на неё и погнал поить лошадей. Лошадь, вижу присмирела; возвратившись с водопоя, я скинул с неё узду и пустил с другими ходить по карде. Едва только я отошёл от неё, как вдруг моя лошадка подняла голову, распустила хвост, раза два фыркнула и... поминай как звали. Взвившись на дыбы, она в моих глазах, как мяч перелетела чрез

ограду, с яру бросилась в реку, и, выскочив на другой берег, обежала круга два, подняв голову и насторожив уши, как бы отыскивая свою родную сторону, и потом, брыкнув задними ногами, понеслась в степь, по направлению к Оренбургу. Я пал на лошадь, сын мой на другую, и погнались было за ней, но наши лошади нестоили и одной копыты моего Кыргыза: мы сначала вдалеке видели одну только пыль, а потом и её не стало; мой Кыргыз улетел в свои родные степи.

Может ли быть, возразил я, удивлённый этим рассказом; до Оренбурга будет отсюда около 400 вёр. – По дорогам считать так будет, отвечал, смеясь, старик, а у стрелы, у птицы, да у киргизской лошади свой тракт; послушай-ка. На другой год я поехал в Оренбург. Знал, что знакомец мой Киргиз добрый человек, и если лошадь у него, то не покривит душой, отдаст; и точно не ошибся: лошадь была у него, и я снова привёл бегляка в деревню: только уж не запырал в конюшню, а по совету хозяина стал запрягать в телегу, хотя и много этот пострел переломал у меня осей и колёс, ну, да уж так и быть, за тем лошадь осталась при мне и поубавила своей ордынской спеси; 7 год служит мне, как следует доброму коню. Теперь ему 12 лет, прибавил старик, с любовью поглядывая на своего Кыргыза, а посмотрите ка...

Да, да, славная лошадь, заговорили все собеседники, якши, – бик-якши.

Такие лошади были в старину, заговорил опять старик, видимо увлекаясь в даль приятным для него разговором. Что нынешние скачки 12, 20 вёрст а старики поразкажут: в их молодую пору Башкирец бывало скачет сто, полтараста вёрст почти без отдыха, лишь бы во время подать весточку батырю Окаю о предстоящей беде...

О. о! подумал я, и, напомнив старику, что пора пить чай, я пригласил их в мой бедный приют. Здесь-то, на просторе, усадив дорогих гостей на нары с раскинутым ковром и подушками, я с неподдельным усердием стал угощать их чаем, и между тем окольным путём пошёл к тому разговору, который занимал меня. Перебрав всю мелочь о трудностях настоящей жизни, о неурожаях хлеба, о народной бедности; пересказав, сквозь слёзы, два три грустных обстоятельства, случившихся будто бы со мной, я наконец добился толку и вызвал стариков на разговор, чисто откровенный.

Здесь я вновь мог убедиться, что стариков, вообще нелю-

бящих нынешнего порядка вещей, трудно заставить говорить о их заветных тайнах, о их интересных мнениях, о былом и настоящем; об них они говорят и детям своим только в ту минуту, когда душа их отогреется чем нибудь особенно приятным; но если удастся вызвать их на откровенный разговор, то они болтливы, как дети, и в этой болтовне высказывают уже всё без исключения. Конечно здесь нельзя требовать правил основательных, разсуждений не подверженных опровержениям, но затем мысли их облечены в такую патриархальную форму и так занимательны по оригинальности самого объяснения, что откровенно говоря, нельзя слушать их без удовольствия и участия.

Из настоящего разговора я многое узнал нечитанное и неслыханное дотеле; но что особенно заняло меня, то это рассказ старика о переселении его прадеда в д. Удряк-баш.

Не знаю, не помню, начал старик звучным голосом мульты, толкующего тёмные места алкорана, в котором году была Окаевская компания, но это было давно, давно. Прадед мой был 20 лет когда с братом своим пришёл в Удряк-баш; здесь обзавёлся, женился и прижил деда моего уже от 2й жены. Вот уже лет 50 как и отец мой помер, а я остался от него ещё глухим ребёнком. Аллах, Аллах, говорил старик, одушевляясь сладким воспоминанием старины и всплеснув руками, «нынче нет Башкирцев, нет благословенной Башкирии; тогда, о! ... тогда степям Башкирским не было конца, табунам их не было счёту. Тот назывался бедным у кого было 100 кобыл; тот был не богат, у кого не было 3х или 4х жён. Бурзянским родом в то время, о котором я рассказываю, управлял батырь Окай. Целая деревня была населена одними его родственниками, и окружённый с одной стороны горами и лесами, с другой силой и преданностью народа, Окай знать нехотел чужой власти. Давал ясак сколько ему хотелось, но ни один комиссар не смел и заикнуться заглянуть в его улусы. Много раз Уфимский воевода из высоких хором своих грозил Окаю русским острогом; Окай только смеялся. Бывало, говорят старики, соберёт сот восемь кибиток, подкочует почти к самой Уфе и шлёт своих батырей к Воеводе звать его в гости к Окаю; а на прощаньи дарит ему сто жеребцов, сто лисиц, сто куниц, сто волков, и в заключение половину сердца – своего лучшего коня в серебряном уборе, и снова Окай падишаг Башкирский, и нет ему ни врага, ни противника на 1000

вёрст. Окай стал стареть. Завистники более уже не покорялись его могучей власти. Началась вражда, междоусобия, и этот раздор погубил всех. Новый Воевода воспользовался счастливым случаем: принимал подарки от Окая, но требовал полной покорности; Окай не хотел, и погиб, страшно погиб: его предали свои же родовичи. В одно раннее утро, осенью, когда Окай и вся деревня спали глубоким сном, Русские казаки с Тептярями окружили деревню и зажгли её со всех концов. Что было тогда хорошо я немог выслушать. Старики, рассказывая об этом ужасе, не могли говорить, захлёбываясь слезами. При страшном шуме проснулся старый Окай и, думая, что это только пожар, выскочил на крыльцо, но три стрелы, просвистевшие мимо его ушей, в разстворённые сени, дали знать Окаю в чём дело. Мигом набросил он на себя тройчатую кольчугу, схватил саблю и лук и, крикнув своих сыновей с двумя племянниками, чрез задние двери бросился на улицу. Но гибель неизбежная открылась перед его глазами: все улицы объаты были пламенем и в нём неустрашимые казаки предавали смерти обезумевший народ. В отчаянии, как освирепевший лев, бросился Окай на первых встретившихся ему врагов; но в глазах его два сына, как дротики копья, были перерублены пополам, и Окай, – батырь Окай, не знавший дотоле ни страха, ни ужаса, с двумя племянниками бросился на задний двор и, не замеченный ни кем, перебежав ручей, заперся с ними в старой бане. Отсюда он видел всё, всё... как дотла сгорела его деревня, как гибли его сорванцы. Целый день смотрел Окай, пламенея злобой и мщением, и страшная немочь поразила его богатырские силы: правая рука и нога его одеревенели (паралич). Но и в ту ужасную пору Окай был могуч. Не покоряясь чувству самосохранения, он хотел только спасти своих племянников. Вот его последние слова, переданные мне стариками... Ступайте, дети мои, спасайтесь. Окай уже не может управлять родом, не может быть отцом ему; я умру здесь, но вас спасу; только слушайтесь: это последняя моя воля. Переберитесь через горы, там Башкирцы укажут вам путь к р. Дёме. За ней спросите: где гора Ханский Маяк, и около неё кочует друг и приятель мой Мещерякский старшина Ижбулат. Ступайте к нему и скажите, что я посылаю ему мой последний салям (голос старика дрожал), отдайте ему эту саблю и скажите... Окай зарыдал.

Покорные непрременной воле полуубитого Окая, два пле-

мянника в туманное утро, ползком выбрались из бани, дошли до гор, и, скитаясь из деревни в деревню, из аула в аул, наконец чрез два месяца явились в Удряк-баш – к старшине Ижбулату.

С радостью принял их старик, и как вполне уже преданный Русскому правительству, уговорил племянников неукротимого Окая покориться обстоятельствам. Женил их на своих родственницах и поселил на правом берегу ручья, который теперь разделяет деревню.

Один из племянников Окая был мой прадед, продолжал печально старик. С тех пор мы, Башкирцы, живём здесь припущенниками Мещеряков, и от старой жизни нашей осталось только одно горькое воспоминание о гибели нашего рода, об Окаевой компании. – Что же случилось с бедным Окаем, спросил я с невольным участием. – Аллах, Аллах! почти с воплем отвечал старик. – На место, где скрывался Окай, навела злодеев его верная собака; по её вою и следам казаки открыли, где лежит Окай и... изрубили его в куски.

Я дурно делаю, что стараюсь передать на бумаге то, что и на словах передать невозможно. Я был глубоко тронут историей старика; но его рассказ, облечённый печальным флёром азиатской мимики, – невыразим. Его понять – надобно видеть и слышать.

Поверяя рассказ старика, я встретил много важных обстоятельств, подтверждающих это событие. В то время, об котором он говорил, действительно жил знаменитый Мещерякский князёк, или старшина Ижбулат. Нынешний Кантонный Начальник Джангер Ижбулатов его потомок. Близ реки Дёмы, не вдалеке от мещерякской деревни Чишмы есть гора, называемая Ханский Маяк. Около неё находятся две древние могилы с каменными сводами; внутри их стоят надгробные камни с татарскими письменами, но время стёрло почти всё и едва только можно разобрать, что тут погребены какие-то царевичи, вероятно дети одного из Нагайских Ханов. Но мне всего интереснее было знать, – к какому именно времени должно отнести историю рассказа старика, его Окаевскую компанию? Разчитывая лета прадеда, от переселения его в Удряк-баш, лета деда и отца семидесяти летнего старика разкащика, оставшегося после них ребёнком, должно полагать, что это происшествие было лет за сорок, если не более, до времён царствования Екатерины Великой.

Как жаль, что наш губернский архив погиб от пожара в 1815 году. Сколько под пеплом его скрыто произшествий, некоснувшихся страниц истории Оренбургского края, произшествий столько же занимательных для археолога, сколько поучительных для человека мыслителя. Но обратимся к оставленному рассказу.

Долго сидели у меня дорогие гости. Солнце уже закатилось, и с этим временем приблизилось время пятого омовения мусульман, пятой и последней их молитвы во дни Великому Аллаху.

Старики распростились со мной. Я вышел на улицу и... дивная картина, картина невиданная в Удряк-баше, открылась перед моими глазами. На горе пылали дегтярные лагуны, дом и заборы Кантонного Начальника были усеяны плошками и на воротах горел вензель Государя Императора, с татарскою надписью наверху: «Падишах Русский»; внизу «22 Августа 1851 г.»

Бешеные вопли и крики народа, обезумевшего от невиданного дотоле радостного зрелища, почти оглушили меня. Я поспешил к хозяину праздника. Здесь в обширной горнице, устланной коврами, сидел он, окружённый друзьями, и среди них стояла огромная медная ендова с кислым мёдом; но будет! За порог не выносят сора. –

В. З-ф-р-сь.

(Оренбургские губернские ведомости. 1852. 9 августа)

№ 4. Две ночи за Уралом

В. З. ф. р. ва

Киргизская степь!?!.. Не помню, кто-то из писателей, говоря о Киргизской степи, очертил её довольно оригинально. «Хотите ли, говорит проказник, иметь понятие о Киргизской степи, – возьмите лист белой бумаги, проведите по середине черту, наверху надпишите: *небо*, внизу: *земля* и потом смело подписывайте: *с подлинным верно*». Не правда ли, очерчено бойко и верно? Но в этом очерке видна лишь верность копииста, который, не задумавшись, написал бы то же самое, когда бы с палубы корабля ему привелось смотреть на безграничную зыбь океана и раскинувшийся над ним беспредель-

ный свод голубого неба. Но сколько дивных, величественных картин представляет изумлённому взгляду человека эта могильная, безжизненная пустыня между морем и небесами?.. Точно так же и Киргизская степь, не менее моря, богата картинами прекрасными и поучительными, если не в проявлениях природы физической, то в отношении этнографическом.

Пробегая мысленно обширное пространство земного шара от берегов Темзы до Урала, любознательный ум ваш на каждом шагу с наслаждением будет останавливаться над бесчисленным множеством предметов, над которыми постоянно и много веков трудился образованный ум человека. И до чего только ни коснулся его божественный луч, – всё носит на себе бессмертную печать небесных даров, данных людям: разума и воли. Относилось ли бы то до части наук и художеств, или промышленности и торговли, или земледелия и искусств, или, наконец, до части административной, – всё доведено до того блистательного положения, до которого только мог вознестись гений человека в настоящее время. Но, с последним вашим шагом к берегу Урала, оканчивается последняя страница истории новейших времён, и с переходом за европейскую грань, перед вами открываются первые страницы истории рода человеческого в его первобытном состоянии. Пред вами, во всей своей поразительной наготе, лежит Киргизская степь – обширная, пустынная, бесплодная, по которой блуждают тысячи людей, лишённых образования и гражданственности и с искони веков, для отыскания пропитания, переходящих с своими стадами с одного места на другое. И чем дальше углубляетесь вы в степь, тем более, тем осязательнее для души становится мертвенная пустыня её. Уже не слышать торжественного гула колоколов оренбургских церквей, не слышать русского произношения, и по степи, где не видать следа человеческого, где нет никаких положительных путей, кроме опытного вожака – Киргиза, где нет никакого особенного предмета, на котором бы мог остановиться ваш вотще блуждающий взгляд, – печально волнуется один только седой ковыл, и душа, надолго подавленная этой тишиной, этим единообразием, этим убийственным отсутствием внешних впечатлений, падает наконец под тяжестью безотчётной грусти.

Так, полагаю, бывает на море; так бывает и в Киргизской

степи. Но, блуждая по степи по произволу вожака, нет наслаждения выше того, когда почувствуешь дым близкого аула, где кочуют Киргизы. При этом душа ваша мгновенно отдыхает; все огорчения, забыты и не испытанный европейцем восторг выливается только в короткой, ласковой просьбе вожаку: чап, чап! (скорее, скорее!). И вот чрез час из-за ближнего пригорка являются глазам вашим две, три красивенькие головки на длинных шеях верблюдов, обращённых на вас с видом величайшего удивления. Далее, по склону горы, разсыпаны многочисленные стада баранов и лошадей, и наконец, в глубине долины, на берегу реки раскинут Киргизский аул во сто, или двести кибиток. И здесь то дикие сыны степей за чашкой кумыза толкуют о красоте своих коней и о наслаждениях дикой неги, как Черкесы Пушкина.

Прекрасна жизнь человеческая, под каким бы небом вы не взглянули на неё! И великолепный Лорд Англии с своими миллионами, и Лапландец среди своих оленей, и Киргиз и Араб с своими верблюдами равно валит и благодарит Господа за дарованную им жизнь. Но кто же изказил этот прекрасный дар Божий, – эту жизнь, полную разума и воли, если не собственное наше неблагоразумие? Сколько примеров случилось встречать нам в жизни, из которых с сожалением должно было убедиться, что большая часть страданий человеческих порождена неблагоразумием самого человека. Впрочем я увлёкся, и, желая рассказать о двух ночах, проведённых за Уралом, съехал, как говорится, с большой дороги на просёлочную, но это не мешает делу и я приступаю к рассказу.

Орская крепость стоит на левом берегу Урала, в месте самом пустынном и печальном и если что может казаться красивым для глаз, то это старая церковь, во имя Преображения Господня, воздвигнутая на горе, при подошве которой расположена крепость. Кругом лежит песчаная пустыня, по которой справа течёт Урал, а слева, выбегая из глубины степи, широкою голубою лентою вливается в него река Орь, от которой крепость получила своё название. Вдали, по окраинам всего горизонта, амфитеатром расположены горы – отрасли Уральского хребта, и далее ничего уже не представляется вашему взору. Летом это пустынное безмолвие степи оживляется прекрасною картиною торговой деятельности: идёт мена. Вся степь покрывается кибитками Киргизов по большей части Джагалбайлинского, Чиклинского и Альчин-

ского родов, прикочевавших для вымена хлеба и русских изделий на произведения своей страны, важнейшую часть которых, разумеется, составляют бараны. Меновая торговля имеет своего рода занимательность, в особенности для человека нового; и здесь то должна быть употреблена в дело вся расторопность, вся сметливость промышленного купечества. В 11 и 12 часу дня обыкновенно торг в полном своём разгаре. Крики и восклицания тысячи голосов торгующегося народа, дикий рёв верблюдов, жалобное бляение баранов, топот скачущих лошадей, – на далёкое пространство, оглашают степь, и вся эта картина суеты сует и всяческой суеты покрыта колоритом палящего зноя и страшной духоты и пыли. Чрезвычайно занимательно!

Мы уверены, что на всём земном шаре весна составляет прекраснейшую часть года; но в Орской крепости и вообще в Киргизской степи, где с половины Мая начинаются уже невыносимые жары и палящий зной уничтожает всю растительную силу природы, весна составляет блаженство невыразимое. В то время, об котором я намерен говорить, мне было лет пять; но, как уроженец Киргизской степи, имевший удовольствие быть взлелеянным на руках няньки – Киргиза, называвшегося Кубенькой, которому, при сей верной оказии, грехом считаю не испросить у Аллаха тысячу верблюдов и столькоже баранов, если он жив; а если узенькие глаза его сомкнулись на веки и тёмно-бланжевое тело покоится во глубине песка, то да пошлёт ему Аллах такое же количество гурей, и да нянчится он с ними веки вечные с пучками крапивы в обеих руках, как нянчился он со мной при блаженной жизни своей. – Я, взлелеянный незабвенным Кубенькой, был в те лета мальчиком бойким и крепко держался на Киргизских лошадях.

Однажды, в конце Апреля, когда яркая зелень покрыла омертвевшие от зимней стужи поля и когда Киргизы живительным кумызом начали отогревать свои истощённые желудки, отец мой, взяв меня и старшего моего брата, поехал в степь, на озеро Ильмени, находящееся верстах в десяти, или двенадцати от крепости, к знакомому Старшине Усе. Если в пожилых летах во время весны приятно выехать из душного города в поле, то в лета детские подобная прогулка составляет прелесть невыразимую. Так и настоящая поездка наша в степь, как первая в моей жизни на такое дальнее разстояние

от крепости, составляла для меня эпоху, полную самых сладких впечатлений, живо сохранившихся в памяти моей и до настоящего времени. С восторженным удивлением смотрел я на дикое ущелье гор, в котор[ы]е мы въехали и на цветущую зелень полей, открывшихся за ними. Весна дышала всею своею прелестью. Помню, мы ехали долго-долго. Я начал чувствовать усталость, но наконец, к неизъяснимому моему удовольствию, ещё издали открылась пред нами зеркальная поверхность огромного озера *Ильмени*, имеющего в окружности вёрст 15, если не более. По всему побережью раскинуты были кибитки Киргизов, а окрестная степь покрыта табунами лошадей, баранов и верблюдов. Такова картина степной жизни номадов в настоящее время, такова была она и во дни детей Иакова, блуждавших с своими стадами в пустынях Сирии.

Подъезжая к кибиткам Старшины Усы, отличавшимся от других своею обширностью и особенно близною кошм, мы встречены были хозяином с патриархальным радушием дикого сына степей, со всею искренностью человека, который давно не видал ближайших своих родственников. Началось обычное пожиманье рук; одна из жён старшины, выхватив меня из седла, утащила в кибитку и усадив на разостланный ковёр, подала в небольшой деревянной чашке лучшее киргизское лакомство – *каймак*. Ошибётся, и сильно ошибётся тот, кто почтёт это лакомство за сливки, – такого вздора у Киргизов во время весны и девать некуда, нет; и в степи есть своего рода гострономы – своего рода фокусники, подобные нашим кондитерам, которые из всяких снадобий, составив на разные манеры козульки, продают их в стеклянных банках и за дорогую цену разстраивают желудки наших детей. Каймак, о котором я говорю, Киргизы делают из сливок козьего молока, примешивая к ним только для связи не большую часть муки и потом всю массу этого жидкого теста, разделив на маленькие частички, в виде наших женков, сушат на солнце, после чего выходит вкусное, приятное и питательное лакомство Киргизов, которому едва ли не отдадут достойной хвалы и наши русские лакомки, бывавшие в степи.

Вскоре в кибитку, где я наслаждался каймаком, вошёл отец мой со Старшиной и вид довольства, с которым я валялся по ковру, размешил их обоих. Отец мой разсмеялся веро-

ятно над моей детской весёлостью после утомительного переезда, а Старшина Уса в полном убеждении, что ребёнку можно быть более весёлым и довольным в Киргизской кибитке, чем у себя дома. Усевшись в свою очередь на ковре, отец отдал Усе гостинцы, присланные от моей матери: три каравая белого хлеба, несколько десятков крашенных яиц и фунта три орехов. Этот не значительный подарок возбудил общий восторг в семействе Усы. Всё было разделено, исключая хлеба, с самой верной точностью и, получив свою долю, молодое поколение, щеголявшее в своём натуральном костюме с тою беззаботностью и довольством, с которым щеголяют наши лвы на городских тротуарах, отправилось вон из кибитки открыто наслаждаться своим блаженством и поддразнивать им товарищей, которые, подобно им, не имели счастья пользоваться обязательным знакомством отца моего. А, кстати сказать, отец мой, с малолетства прилинейный житель, в совершенстве понимал характер Киргизов и, бывши священником, хотя не образованным по нынешнему, понимал цель своих обязанностей и знал, что после куска хлеба, брошенного голодной собаке, она не укусит, и после постоянной ласки, оказываемой Киргизу, он из хищного врага может сделаться верным другом. Руководствуясь этим правилом он приобрёл многих друзей из богатых ордынцев, имевших большое влияние на своих родичей и этим средством имел возможность делать добро своей духовной пастве – жителям крепости Орской. Из многих примеров я расскажу один.

Известно, что во время жатвы, кроме стариков, старух и малолетних никого не остаётся в жительстве. Однажды в такую пору года (в 1815 г.), часу в третьем дня, Киргизы угнали весь табун крепости. Об этом несчастье прилинейных жителей известил внезапный выстрел пушки, поставленной на горе близ церкви. Но скакать в погоню было некому, да и не начем. Хотя Башкирская команда, несколько обывателей и солдат к вечеру пустились догонять угнанный табун, но догнать киргизскую лошадь, дав ей три часа ходу вперёд, вещь довольно трудная; а потому экспедиция возвратилась ни с чем; отец мой не дремал в это время. Приказав обывателям приготовить около 50 пудов хлеба, он один одинёхонек, ночью, поскакал в степь, в отдалённое кочевье, к своему знакомцу Усе. Об этой поездке, как о великом подвиге, со слезами рассказывали мне благодарные обыватели, когда мне бы-

ло уже за 20 лет.

Отец мой усталый, измученный, покрытый потом и пылью, на свету прискакал в аул Усы. Пинком столкнул его с успокоительного ложа и, схватив заруку, вытащил из кибитки. «Злодей!» закричал он испуганному Старшине, «ты спишь, упитанный моим хлебом и солью; а между тем твои проклятые родовичи разграбили крепость! Будь я проклят за то, что был знаком с тобой, – не с Султаном Киргизской Орды, а с какой-то бабой, которая не знает, что у ней делается под носом; будь проклят хлеб, который я ел из твоих поганых рук и проклята нога моя, если хоть раз ещё будет в твоём разбойничьем ауле».

Полагаю, что речь Цицерона в Римском Сенате против Катилины была не сильнее речи моего отца в Киргизском ауле. Уса очнулся от сна и испуга, и, инстинктивно понимая в чём дело, успокоительным, но торопливым голосом спросил: «Да что же, что сделалось Мулла? Белены что ли ты объелся?» «– Белены объелись твои проклятые собаки», отвечал отец, не смягчая своего гневного тона; «Джагалбайлинцы угнали весь табун из крепости и остаётся только одно ещё, что нас всех перевяжут и продадут в Хиву». «Вздор!» в свою очередь весело крикнул Старшина и испустив резкий свист для призыва подчинённых, ввёл отца в кибитку и уже спокойно спросил. «Что же я должен делать, мулла? табун угнали не мои!» «– Твои ли, чужие ли – всё одна собака», отвечал отец. «Послушай Старшина», прибавил он, смягчая голос, «вороти мне табун и сто пудов хлеба, которые я приготовил в крепости, будут твои». – «Но кто же угнал табун», возразил Уса, куда шол след?» – «след», отвечал отец, «шёл вверх по правому берегу Ори вёрст на 20, а дальше ничего нельзя было узнать. Знаю, прибавил мой Старик, обнимая Старшину, что догнать хищников будет трудно, они теперь далеко, и при том лошади у них должны быть добрые; но ты старая соня разве весь свой век ездил только на каргах, разве у тебя нет добрых коней? А если нет, то вот тебе деньги, – найми». При этом отец бросил на кошму горсть серебра. Тут бедный Уса уже не выдержал. Быстро подобрав деньги и сунув их обратно в карман отца, выбежал из кибитки и по вторичному его свисту около ста молодцов чрез час сидели на лошадях, готовые к дальнему походу, и к отчаянной баранте. – Чрез пять дней табун был возвращён жителям Орской крепости.

С приезда нашего в аул Старшины им уже отдано было приказание: зарезать лучшего барана из стада и готовить *биш-бармак*. Пока шла эта кровавая стряпня, всё лучшее общество аула, собравшееся к богатому Старшине, по случаю приезда дорогого гостя, отправилось по берегу озера, далеко от кибиток. Само собой разумеется, что ребёнка в мои лета не мог надолго приковать к себе прекрасный вид озера, не мог так же казаться занимательным и деловой разговор стариков, а потому, пользуясь неоспоримую привиллегию своего возраста, я с толпою Киргизских ребяташек отправился во всю ребячью рысь бегать в запуски. Не могу сказать, кто бы из нас в этом состязании получил первенство; потому что все, как трава Киргизских степей: *перекати поле*, мчались почти на уровень друг с другом; но тогда уже, когда вся наша безумнохочущая ватага подбежала к берегу озера, тогда только бессмысленной дерзостью я выиграл приз, первый бросившись с крутого берега в воду; между тем как мои нагие сподвижники, стоя на берегу, хохотали надо мной самым обидным, безсовестным хохотом.

Искупившись и прохолодив разгорячённую кровь, я вспомнил о гневе отца; сообразив его неприятные последствия, я тот час сбросил себя мокрую одежду, разложил её на песке для просушки и снова для новой беды отправился с избранными молодцами в камыши отыскивать яйца. Мне первому удалось найти гнездо гусиных яиц и радостным криком я призвал товарищей, желая разделить с ними добычу; но сбежавшиеся ребяташки страшным криком остановили меня: *ика кукай ал, артык алма, атай кушми!* (т. е. бери только два яйца, больше не тронь, отец не велит). Не понимая глубоко-умного смысла в крике ребят, я схватил из гнезда столько яиц, сколько можно было уместить их между левой рукой и грудью и с этой несчастной добычей вышел из камышей – по колени в грязи и с окроровавленными руками, обрезанными осокой. В этом торжественно-гадком виде встретил меня отец мой. как сей час помню, три его самсоновские оплеухи далеко разнесли не благоприобретённую добычу и я в слезах и трепете должен был выслушать умную заповедь Киргизов детям своим: *Убей птицу, если ты голоден; но не зори гнезда; не бери из него больше двух яиц; дай созреть плоду и он принесёт тебе новую птицу со вторичею*. Жаль, что такого мудрого правила и с такую силою

убеждения не внушают детям в наших родительских домах.

Переночевав в ауле Старшины, отец после богатого утреннего угощения торопился отъездом. По этому, брат мой и я, по его приказанию, сели на лошадей и поехали вперёд в надежде, что отец скоро догонит нас; но случилось вовсе не так. Отъехав версты четыре от аула и спустившись с одного пригорка, мы увидели в лощине стадо верблюдов, разсерженных каким-то случаем. Не приведи Бог испытать в другой раз гнев этого животного, кроткого всегда, но неистово-грозного в своей ярости. Нет зверя лютее и свирепее верблюда, когда он увидит человека в такую пору. Всё стадо, около восьмидесяти штук, увидав нас, испустило дикий, оглушительный рёв и бросилось с видимым намерением разтерзать, или подавить нас своею громадностью. Лошади наши шарахунились и на перекор нашей воле, понесли прямо на перерез бега взбесившихся верблюдов. Испуг мой был в высочайшей степени. Я бросил поводья и, держась за луку седла, мчался за братом в каком то смертном оцепенении ума и силы, и только глаза мои видели, как это бешеное толпище набежало на нас, как один из верблюдов, губами сбросив брата моего с лошади, принялся грысть её с бешеным остервенением.

Дальше, что было со мной – уже не помню. Я очнулся на другой уже день в ауле Старшины, завёрнутый в сырую баранью шкуру; около меня сидел отец с каким то стариком киргизом. Последний, увидев моё пробуждение, с радостью всплеснул руками; потом, вытащив меня из шкуры и, прочитав какую-то молитву, окатил холодной водой и завернул в одеяло. После этой операции я снова заснул и чрез два, или три часа проснулся совершенно здоровым, чувствуя впрочем головную боль и расслабление в членах. Так провёл я вторую ночь за Уралом, в ауле Киргизского Старшины Усы.

(Оренбургские губернские ведомости. 1853. 5, 12, 19, 26 декабря)

№ 5. Чёрный кот. Святочная быль

В. З. ф. р. ва

«И сказку эту
поведаю я свету»

А. Пушкин

Случалось ли вам слышать простонародную сказку от словоохотливой старушки, в зимний вечер, при тусклом свете ночника, когда она, уложивши неугомонных ребятишек, сядет за свою прялку на тёплую печку и станет рассказывать про старину, про бывалое и небывалое, про свою весёлую молодость, про зимние посиделки, про весенние хороводы; или, воткнув веретено в пряслицу и сложив на коленях руки, медленным дрожжащим голосом поведёт речь о какойнибудь плачевной были?.. Не изгладимое впечатление производит подобный рассказ в памяти слушателя. И я слышал не легенду, не какоенибудь тёмное предание, но настоящую быль про *Чёрного кота*.

Из многочисленных поверий нашей русской старины, кто не слышал, или не читал о силе *спрык-травы*, которая одним прикосновением своим разрушает всякий запор? Кто не знает, с какой опасностью и самопожертвованием ходили наши деды мечтатели в ночь на Иванов-День отыскивать *цвет напоротника* и, так называемый, *Петров крест*, как таинственные предметы природы, служащие вернейшим средством к отысканию кладов, – будь они сокрыты хоть в преисподней земли. Но ведомо ли вам, что Чёрный-Кот содержит в себе не меньшую драгоценность подобного рода, именно: *косточку невидимку*, которую из него должно доставать в Васильев вечер, на кануне Нового года? – И вот...

Тайну эту
поведаю я свету.

Крепость Губерлинская (ныне станица) есть одна из замечательных крепостей Оренбургской линии, по своему местоположению. Не знаю, как ныне, а прежде, в десятых годах, она состояла из семидесяти, или восьмидесяти дворов солдат и казаков, управляемых Коммендантом. Справа окружает её речка Губерля, слева Чебакла; а за ними вплоть поднимаются громады каменистых гор, которые, почти со

всех сторон обхватив не значительную площадку, где расположена крепость, заслоняют собою от бедных жителей и выход дневного светила и закат его. Но за всем тем местоположение Губерли в полной мере очаровательно. Эта группа гор изумительной высоты, прекрасная долина, расположенная между ними, две речки кристальной, горной воды, струящейся по песчано-каменистому дну и на одной из них большая роща крупных деревьев, дают самое близкое понятие о живописных долинах Тавриды, или Швейцарии.

Задолго до настоящего времени в этой крепости жил зажиточный казак, имени которого не припомню. Богатый хлебом, богатый скотом, он лишён был одного ни чем не заменимого блага для отцовского сердца, и в особенности для казачьего сердца: не имел, и не надеялся иметь сыновей. Но за тем на этой могиле утраченной надежды отца, как пышный душистый розан, цвела его единственная дочь, Маша. Хорошенькая, добренькая, доверчивая, невинно-резвая и в высшей степени ласковая, она была не оценённым сокровищем для своих родителей. Составляя предмет особенной нежности матери, она, однакож, нередко своими затеями нагоняла тёмные облака на чело отца, но безоруженный ласками и поцелуями своей красавицы-дочери, суровый казак, улыбаясь, развязывал свою мошну, доставал денег на наряды и, покачивая головой, говорил в том смысле, как почтенный Фамусов Грибоедова:

«Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!»

Кто не знаком с занимательной картиной деревенских хороводов!.. Однажды во время весны, в какой то праздник, на зеленеющем лугу среди крепости, играл хоровод девушек. Молодёжь, не вмешиваясь в игры, ходила вокруг хоровода, переглядываясь с девицами, и, по временам, обделяла их орехами и пряниками. Не вдалеке на зелёной лужайке, сидели старые казаки, толкуя о своём домохозяйстве, или о своих единственных злодеях – Киргизах, от которых в те времена прилинейным жителям не было покою ни днём, ни ночью. День уже вечерел. Приятная прохлада разлилась в горной долине. В это время вышел из дома Коммендант с своим семейством и гостями и вся группа медленно приближалась к тол-

пе обывателей; старики поднялись с мест, а хоровод, развернувшись, стал играть в *горелки*, в которых приняли участие и молодые ребята. Условия этой игры известны: мужчины разбирают по своим мыслям девушек и становятся попарно, – одна пара за другой. А тот, кому недоставало подружки, становится впереди вереницы и, представляя из себя лицо хищного ястреба, бросается за бегущей парой и, если удаётся, разлучает двух любящих голубков. Между тем Коммендант с гостями и семейством, в числе которого был сын, статный молодец 18 лет, только что приехавший из Оренбурга на побывку к отцу, подошли к играющей толпе и с удовольствием смотрели на весёлую, занимательную игру молодёжи.

С первого раза орлиный взгляд молодого человека отличил в толпе девушек красивенькое личико Маши, и вдруг, как бы для шутки, он принял участие в игре, став на место ястреба. Несколько пар пропустил хитрец, не успев, или не хотевши никого поймать; но когда наступила очередь бежать Маше с своим избранным, то он, с действительной быстротой хищного ястреба, рванулся за бегущей девушкой. Сколько не увёртывалась она при быстром беге своём, сколько не употребляла знакомых ей хитростей; но враг её был быстрее на бегу и едва ли не с большим совершенством знал все эволюции этой игры, и потому, истомив свою жертву в продолжительном беге, он в три прыжка догнал, и обнял её обеими руками. Как голубка, затрепетала бедная девушка, сжатая на взволнованной груди молодого человека; дух в ней занялся, сколько от усталости, столькож и от полноты чувства, дотоле ею не испытанного. Медленно и рука в руку, возвратились они к хороводу.

После того, часто, гуляя с подружками в роще на берегу Чабаклы, Маша встречала Коммендантского сына; случалось не редко и говорить с ним и, когда он уехал обратно в Оренбург, – для Маши миновались дни невинных удовольствий беззаботной жизни: тоска-кручина, как червь, стала точить осиротелое сердце девушки. Так прошло лето; так наступила и зима, и ни одно тёплое чувство не согревало тоскующей души её. Наступил праздник Рождества Христова. Маша с своими родителями отправилась к заутрене, и едва только, после первых поклонов святым иконам, она беглым взглядом окинула собравшийся народ, – как сердце её замерло... Впереди, рядом с отцом своим, стоял он... он, – избраннык души

её, неожиданный гость её девических помышлений.

Всё просветлело в глазах девушки; все забытые радости расцвели её милое личико. Но вот проходит день, проходит другой, а она нигде более не видит, нигде не встречает своего желанного. Не раз, в поздний вечер, Маша с доверенной подругой проходила мимо освещённых окон Коммендантского дома; но, кроме мелькающих силуэтов на замёрзлых стёклах, ничего не видала. – «Он меня забыл... он не помнит меня, думает девушка; но Бог с ним! Мне хоть бы раз ещё, – один только раз взглянуть на него, а там... Вдруг, чудовищная мысль жгучей молнией скользнула в голове её; мужественная решимость охватила её робкий характер и страшный план был определён. Дело заключалось в том, что бы отыскать совершенно чёрного кота, который бы не имел на себе ни одного волоса другого цвета. Потом следовало, сняв с себя крест, сварить кота в полночь, на кануне нового года, в неосвящённом месте; а какое место у христиан не освящается, кроме бани? – Там, глядясь в зеркало, следовало выбирать кости из котла, и каждую из них ставить перед зеркалом. Едва только попадётся заветная косточка-невидимка, лицо человека мгновенно исчезает в зеркале, и тогда, невидимый никем, смело ступай в каждый дом, и не только подозрительный глаз какойнибудь мамы, но даже стоглазый аргус не заметит тебя. О, старина, старина, родимая старина! Каких великих чудес не совершалось в твои диковинные времена? А ныне... но, пойдём далее.

На кануне нового года, в Васильев вечер, Маша отпросилась ночевать к своей подруге, у которой была только мать старушка и жила ещё одна родственница, не многим чем помоложе её. Смерклось. В избе засветился ночник; старушки спокойно уселись за свои прялки, Маша с подругой молча сидели на печёке, и около них за трубой лежал чёрный кот и дико поворачивал жёлто-огненными глазами, стуча длинным хвостом об сухую лучину. Тихо было в бедном приюте старушки, лишь журчание веретён нарушало мёртвое молчание, лишь скучная, прерывистая трель сверчка раздавалась в глубине подпечка. Но вдруг глухо загудела соседняя роща и в след за тем порывистый вихрь со свистом пронёсся по длинной улице.

– Слышишь, Машенька, прошептала подруга; как ты пойдёшь? – Маша ни чего не отвечала и прилегла на печке.

– Опять начинается вьюга, проговорила старушка – родственнице. Спаси Господи и помилуй всякую душу христианскую!..

Надобно заметить, что в горах нельзя предугадать наступающей непогоды, и когда в степных местах вьюга бушует со всей неукротимой силой, – там только начинает разыгрываться ветер; но когда, усилившись, он ворвётся в горное ущелье, – тогда весь воздух, перепутанный со снегом, кипит, как в котле и несчастный путник, даже среди улицы, подвергается близкой опасности задохнуться на каждом шагу.

Много уже было вечера. Старушки, погасив огонь, давно уже покоились в безмятежном сне. Но вот прокричали первые петухи, – предвестники наступающей полночи, и Маша приподняла отяжелевшую свою голову. Робко прильнула к ней верная подруга; робко, со слезами умоляла её – оставить ужасное предприятие; но упорная девушка, тихо отклонив от себя заботливую подругу, едва внятно проговорила: «ужели мне дожидаться этого вечера ещё целый год? Ужели мне умереть с тоски? Нет, только раз погляжу на него, – и там... пусть будет, что Богу угодно». Потом сняла с себя крест, (великое, страшное дело для христианина-простолюдина) поцеловала его и положила под подушку; а оттуда, вынув маленькое зеркальцо, сунула за пазуху. Надев на себя тёплую шубу, Маша завернула в неё черного кота, и потом, в сопровождении подруги, робкими шагами вышла из избы. При первом шаге их на двор, резкий, холодный ветер охватил их с ног до головы; но, не останавливаясь ни на минуту, девушки быстро перебежали ч[r]ез двор и вошли на заднюю пригороду. Здесь перед ними, во всём грозном величии своём, развернулась картина бунтующей природы. Роща стонала от сильных порывов ветра, который то стихнет на минуту, то с новой силой, сорвав тучи снега с вершины горы, с яростию крутит его в взволнованном воздухе и потом, ударив на поверхность равнины, рвёт и сокрушает всё, встречающееся ему на пути.

При спуске с небольшого пригорка, откуда можно было рассмотреть крутой берег Чабаклы и на нём, как чёрную точку, старую баню, – Маша остановилась на минуту. Здесь, в последний раз нежная подруга простерла к ней умоляющие свои просьбы, но – ничто непомогло. Маша молча простилась с ней, молча поцеловала плачущую девушку и потом, быстро спустившись с пригорка, перебежала чрез небольшую поля-

ну, проворно вошла в баню и затворила за собою дверь.

Мрачно было, страшно было в старой бане! Здесь только в первый раз решительная девушка почувствовала весь ужас своего положения, всё безрассудство своего поступка и холодный, ледяной трепет пробежал по её членам; но воротиться было уже поздно. Маша всею силою воли подавила в себе душевную тревогу, бросила кота на лавку, поспешно высекла огня, зажгла небольшой огарок и вскоре яркий огонь запылал в печёчке, где уже приставлен был чугунок с водою.

Тревожным взглядом окинула она чёрную баню. Как бы для большего ободрения себя, – заглянула под развалившийся полоч и несколько успокоенная, села на лавку против пылающего огня и погрузилась в тяжёлую, не разгаданную думу. Прошло с полчаса в этой могильной тишине. Огонь более и более разгорался в печи; сильнее и сильнее бушевала погода в соседней роще. – Кот, долго сидевший в тёмном углу, приблизился к молчаливому товарищу своему и, устремив на него свои большие глаза, стал ласкаться около поникнутой головы девушки. Как бы предчувствуя свою близкую, неизбежную кончину, он вполз на её колени и завёл свою убаюкивающую, гармоническую песнь. Но вдруг прокричали вторые петухи (полночь); Маша вздрогнула; взглянула на печь, – чугунок уже кипел; она быстро сняла с себя нож, наскоро сделала петлю, накинула её на шею кота и перекинув другой конец ножа через шест, – потянула. Диким, страшным голосом закричал кот, в кольцо извиваясь на поясе. С остервенением теребил он острыми когтями роковую петлю; но минута... две... тусклые глаза его выкатились из своих орбит, остроконечный, посинелый язык высунулся из окровавленной пасти и тучное его тело мало по малу распустилось во всю свою длину.

Отвратителен был вид повешенного кота! Но что за страшную картину представляло из себя лицо его убийцы?.. Казалось все роды адских изтязаний выносила она в продолжение целого месяца, целый месяц была на жгучем огне варварских мучений, – до такой степени изказилось прекрасное лицо её. Но и за всем тем, на помертвелом челе ещё можно было видеть перевес воли в борьбе с изнеможением физической природы человека. Заметив отсутствие жизни в повешенном животном, дрожащими руками вынула его из петли и с замиранием сердца опустила в кипящую воду.

Клубом зашипела мутная вода в чугуне. Поправив дрова,

Маша снова опустилась на лавку, пристально следя за своим ужасным варивом, – как вдруг чуткое ухо её слышит приближение тяжёлых шагов... слышит – какая то страшная сила ломит ветхую крышу бани и мощная рука уже взялась за скобу двери... вся кровь бросилась ей в голову... «О, крест мой!.. дайте мне крест мой! закричала она отчаянным удушливым голосом, вскочивши с лавки; но в эту минуту позднего призывания имени Спасителя, окно с треском полетело на пол; дверь быстро отворилась, огонь погас и Чёрный кот, выскочив из котла, всеми четырьмя лапами впился в грудь обежавшей девушки.

По утру нашли мёртвое тело Маши в старой бане, с разбитым окном и упавшей каменкой, под развалинами которой увидели разбитый чугун, а в нём кости Чорного кота.

В. З. ф. р. вь.

(Оренбургские губернские ведомости. 1854. 8, 15, 22, 29 мая, 5 июня)

№ 6. Летучая почта, или ночь на гаубтвахте

(Из воспоминаний об Оренбурге)

В. З. ф. р. ва

(Посвящается Кондратию Игнатьевичу Блохину)

Многим и в особенности жителям лесных стран нашей обширной губернии, очень-очень не нравится житьё в Оренбурге; и пусть бы только не нравилось; а то, этот богоспасаемый град, эту блестящую, военную столицу нашего края, эту Пальмиру Киргиз-Кайсацких степей, проказники очень замысловато величают: *песочницей*.

Да простит милосердый Господь этот тяжкий грех своему слепотствующему народу! Но кто родился на Оренбургской линии, кто в святой купели водами Урала омыл свой перво-родный грех, кто с самого детства светлыми струями этого Иордана утолял свою жажду и освежал усталые члены, для того, говорю, при-Уральская страна будет всегда, во всю жизнь, страную благословенною; будет тою святынею, о которой со слезами тяжкой грусти вспоминали Израильтяне на реках Вавилонских.

И знаете ли, на каких уважительных причинах эти госпо-

да основывают свой не благопристойный отзыв об Оренбурге, или вообще об Оренбургской линии?.. Там, говорят они, летом песком глаза все выхлещет, а зимой, во время бурана, – занесёт снегом по самые уши. – И по делам бы им злоязычникам! Но разсудим безпристрастно: естли в их словах хотя капля правды?.. Конечно, нельзя не согласиться, что, иногда, во время лета, сильным ветром взвивает песок и несёт его вдоль улицы; но кто же им запрещает в этом случае принять очень простую предосторожность: склонить не много голову вперёд и надвинуть на глаза фуражку? Кто заставляет, отвергая это спасительное средство защиты, идти, как говорится, *гоголем* по улице и во всю ширину своих глаз смотреть на окна домов, в надежде увидеть красивенькое личико? И при том, разве внутри губернии, при сильном ветре не так же пыль залепляет глаза? а зимой, во время буранов, не так же замерзают люди?.. Нет, говорят они, от песку глаза портятся. О, Боже мой! Да чем же богаче в отношении зрения ваши лесные жители, ваши чуваша, или черемисы, из которых редкий в двадцати шагах может различить, как ловкий сосед тащит со двора его овцу, или чрез заплот угощает трубкой его любезную половину. Но козак, этот степной питомец, у которого, судя по словам противников моих, глаза должны быть насквозь пробиты песком, обладает удивительною зоркостью глаза и который за две, или даже за три версты с положительною точностию может определить предмет, едва видимый для другого глаза. Следовательно, все выходки противу линейных песков и буранов есть, ни более, ни менее, как злая игра слов, которую опровергать, под моим предводительством, готовы будут все казаки Оренбургского и Уральского Войска, даже с саблей на-голо.

Оградив по возможности, мой родимый край от неприязненных нападений, я спешу приступить к описанию предположенного предмета.

Орская крепость была местом моего рождения. После смерти родителя моего, я остался шести лет, круглым, беспомочным сиротой, потому что мать моя, ещё задолго до этого времени, лишившись зрения, лишилась вс[я]кой возможности даже пропитывать меня. Но, как говорится, мир не без добрых людей. Из христианского милосердия меня взял на воспитание Диакон из Оренбурга Е. П. З. (да пошлёт ему Бог долгие дни и доброе здоровье); его добрая, прекрасная душа

всё употребила для моего первоначального образования и, надобно сказать правду, я учился удовлетворительно. Но при всей благоразумной строгости – не в его силах было выколотить из меня упрямый дух воспитанника *Кубенки*, который, как сказано мной в статье: *Две ночи за Уралом*¹, нянчился с милым дитятей с пучком крапивы в обеих руках.

Самые лучшие, самые прекрасные лета моего детского возраста я провёл под благословенным небом Оренбурга. И сколько сладких воспоминаний даже и доселе приятно волнуют стареющую кровь и доселе лучём Июльского солнца согревают моё холодеющее сердце. Страсть к переменам, или лучше сказать видоизменениям местностей, преобладала мной ещё в детстве. Без необходимости я не мог быть на одном месте продолжительное время. Я рыскал по окрестностям Оренбурга, как Киргизский жеребёнок, отыскивающий свою матку. Впрочем зародыш эстетического чувства к прекрасному проявлялся во мне и тогда. Так, на пример, самым приятным местом моей прогулки, или лучше сказать неумимой беготни были: во первых, гора – Маяк, где пред взором так величественно раскидывается вдали желтеющая пелена Киргизской степи; а под ногами в густоте лесов зелёной лентой вьётся река Сакмара, во вторых, вековая заУральская роща пред Губернаторским домом. Не знаю, правду ли говорят мудрые зоологи, что ворон живёт триста лет; но если таким же Мафусаиловским долголетием одарила природа галок и ворон, то они долго ещё будут помнить Кубенькина воспитанника. И не удивительно, потому что, как полагаю, едва ли осталось в роще хотя одно дерево, на которое бы я не слазил, и одно воронье гнездо, которое бы я не разорил.

Два года уже провёл я в доме моего благодетеля-наставника, два года лишён был родительской ласки, только изредка получая от тоскующей матери моей родительское благословение т. е. поклон, с небольшим мешком здобных кокурок. Однажды, (о, незабвенный день!) однажды мой воспитатель, пришедши откуда то домой, ласково спросил меня: Васюк! Хочешь съездить к матери? – Тот, кто жил сиротой и жил в чужом доме, тот только может понять всю сладость подобного вопроса. Я молча стоял перед моим благодетелем, как бы не понимая сущности сделанного мне предложения,

¹ Губерн. Ведом. за 1853 г. №№ 49, 50, 51 и 52 – прим. автора.

лишь из неподвижно-устремлённых на него глаз струились тёплые, радостные слёзы. – Ну, полно плакать, сказал он; вот тебе записка, отнеси её к Исправнику и завтра – с Богом.

Как пух от уст вола, по выражению Пушкина, полетел я в дом Исправника. Прочитав поданную ему записку, он написал на ней что-то карандашём и велел отнести в его Канцелярию – во флигель. Прихожу; подаю записку какому-то старичку и дело закипело. Вминуто был написан открытый лист; приложена печать; какая то бумага к Оренбургскому Комменданту была уже за ранее приготовлена и оставалось только запечатать её в конверт, – вдруг старик тревожным взглядом окинул комнату, как бы отыскивая чего-то; потом, обратившись ко мне, ласково просил принести со двора куриное перо.

Я вышел, пробежал двор; но, к крайней досаде, кроме щепок и кое где валявшихся оглоданных костей мне на глаза ничего не попадалось. Беда да и только!

Впрочем в затруднительных случаях я, как-то, всегда был находчив. Не видя средств, чем пособить горю, я бросился на абордаж в толпу куриного народа, преспокойно разгуливавшего среди двора. Разумеется, всё в миг разлетелось в разные стороны. Я пустился за одной; но проклятая хохлушка, крича во всё горло, как под ножём, вспорхнула на повет, – я за ней; она в огород, – я туда же; перетоптал капустные вилки и наконец поймал едва дышащую крикунью. Духом отхватив у ней половину хвоста, я с этим победным трофеем явился к Письмоводителю. Старик улыбнулся, вероятно, поняв в чём дело. Потом, выбрав не большое перо, припечатал его вместе с сургучём к конверту – так, что пушистая часть его была вся видна на плоскости бумаги, и это то самое служило эмблемой *летучей почты*, с которою я должен был отправиться в Орскую крепость. Наконец нужные бумаги были мне вручены; приличные наставления в пол-уха мной выслушаны и, на другой день, в каком то одурелом от радости расположении духа, я выехал из Оренбурга.

Не можно вообразить себе восторженную радость ребёнка, со школьной скамьи вырвавшегося на полную свободу и по своей воле распоряжающегося парой лошадей с их хозяином. Жадным, пламенным взором я окидывал как бы улыбающуюся мне окрестность. Полной грудью вдыхал я в себя вечерний, освежающий воздух. Каждый отдалённый предмет я

разсматривал с неизъяснимым любопытством. Обо всём спрашивал подводчика, болтал без-умолку и первая станция была проехана совершенно неприметно.

Переменив в Нежинской станице лошадей, я уже в глубокие сумерки приехал в Вязовский отряд. Меня подвезли к лагерю, где расположена была кордонная стража, состоящая из казаков и башкирцев. Лагерь этот был не иное что, как длинный ряд мазанок из плетня, покрытых соломой. Перед ними линия копий, вблизи коих расхаживал часовой – башкирец с обнажённой саблей. Комне подошёл казак. – Кто приехал? Спросил он у подводчика. – Летучая почта! отвечал я бойко. Казак с любопытством осмотрел меня. – Летучая тымышь, белобрыйсыый котёнок, сказал он смеясь. Ну, вставай; пойдём к Есаулу. Я проворно выпрыгнул из телеги и за казак-ком вошёл в одну из мазанок, довольно чисто прибранную, где за столом сидел довольно пожилой мужчина с страшными усищами и в красном бумажном халате. Я подал ему открытый лист.

– Ты ночуешь здесь? спросил он меня, прочитав бумагу.

– Никак нет, сударь, отвечал я; мне приказано ехать день и ночь.

– Как не грех Исправнику, заговорил Есаул, как бы сам с собой, с подобными поручениями посылать таких поросят.

Вот тебе и летучая почта, думал я про себя. Казак назвал меня летучей мышью, а Начальник его поросёнком. Синонимы, положим, довольно близкие к натуре, но, за всем тем, они не приятно щекотили моё ухо.

– Разве не знает Исправник, продолжал Есаул, как не безопасны наши дороги? Киргизы как голодные волки рыщут по линии, и вот вчера, середь бела дня, утащили, проклятые, с поля одного казака и трёх женщин. Что прикажешь делать? Наряди, прибавил он, обращаясь к казаку, подводы с русским ямщиком и двумя башкирцами в конвой. Да чтоб дорогой не дремали!

Мы вышли. Минут через двадцать подводы были готовы. Два башкирца, с копьями в руках, с луком и колчаном стрел за плечами, сидели уже на лошадях. Я сел в телегу и вооружённый казак-подводчик, взмахнув кнутом, с молодецким свистом погнался своих бегунов по гладкой дороге.

После тех приветствий, какие я встретил в Вязовском отряде, этот торжественный выезд мой с вооружённым конво-

ем, несказанно радовал мою детскую душу. Звёзды, без месяца, едва, едва освещали степную дорогу. Мёртвая тишина налегла на всю окрестность. В скорби ли о своём положении, или помня наказ Есаула: дорогой не дремать, казак, раскачиваясь на козлах, запел протяжным, заунывным голосом:

«Ты воспой-ка, сирота,

С горя песенку.

Нет-то у тебя, сиротинушки,

Ни хлеба, ни соли, ни кислых щей»

Радость, хотя бы она была и детская, не может быть безпрерывна: природа возмёт своё и я, измученный душевными волнениями днём, убаюканный горемычным напевом подводчика, сладко задремал в своём скрыпучем экипаже. Долго ли пробыл я в этой приятной забывчивости, не могу сказать; но вдруг встрепенулся, когда подвода остановилась и раздался громкий возглас казака; *кто едет?* Я приподнялся, гляжу... и в темноте ночной испуганный взгляд мой рассмотрел пять, или шесть человек на лошадях, едущих прямо на нас.

– Киргизы? спросил я подводчика, прижимаясь к нему всем существом своим.

– Молчи! отвечал он шопотом; дело плоховато.

Кто едет? Во второй раз крикнул казак, возвысив голос до угрожающего тона... Не было ответа. Мороз пробежал по всем жилам моим; смертный испуг остановил, кажется, бие-ние сердца; я обнял шею казака и чуть не со слезами просил его воротиться.

– Нишни, мальчуган, отвечал он мне, сняв с плеч ружьё и взводя курок; я с таким вороньём не раз уже управлялся. Потом свиснул; конвойные башкирцы, наострив пики, встали по обеим сторонам телеги.

– Кто едет? Отвечай! я стрелять буду, закричал казак; наводя ружьё.

– Разъезд, – казак-башкурт, было ответом на окончательный вопрос моего озлобленного подводчика.

– Так это разъезд, закричал казак, соскочив с козел и бросив мне, чуть не в голову, своё заряженное ружьё. Разъезд... повторил он, вынимая из за пояса нагайку. Да разве у этого разъезда нет языка? От чего не отвечали на мои три оклика?.. От чего сами прежде не окликали?.. А..? Кто старший?

– Минь (Я), отвечал один из Башкирцев.

– Иди же ко мне?.. и прежде, чем тот мог понять в чём дело, казак стащил с лошади несчастного *миня* и дул его нагайкой во всю свою казачью мочь, приговаривая: вот тебе за *бельмес*; вот тебе за незнание военной артикулки! А это для радостной встречи! Это для будущего свидания! И, между тем, нагайка его жгучей молнией вилась около толстых боков оторопевшего башкирца. – Наконец кончилось это чувствительное нравоучение. Казак бойко вскочил на козлы, весело крикнув: конвой, вперёд! и телега быстро покатилась.

Восток уже ярко алел. Вдали виднелась Красногорская крепость и медный вызолоченный крест на её церкви блестящем перуанского золота горел в высоте небесной.

– Ну, барчёнок, полно дремать! хочешь – в две минуты доставлю; на водку не пожалеешь? отрывисто спрашивал казак, обращаясь ко мне.

– Не постою, приятель, отвечал я.

– Так я же за то потешу тебя. Потом, взмахнув нагайкой, погнал своих бегунов во всю конскую прыть и громкая, весёлая песня огласила безмольную окрестность:

«Ах как во поле берёзынька стояла,

Как во поле-то кудрява стояла...

Далее следовали присвисты до такой степени утомительные, что даже конвойные, приблизившись к нам, с громким хохотом кричали: «Иван, дядя Иван! твой ум вовсе кончал: «Врёте, я только ума набираюсь, отвечал весёлый казак, молодцом влетая в первую улицу Красногорской крепости. Ну, Ваше Благородие, куда прикажете ехать, спросил он меня, предполагая, что у меня есть знакомые.

– В Орскую крепость, отвечал я смеясь.

– Ну нет, сударь, эта дорога мне не по тракту. Гей, конвойный тащи сюда старосту. Да чтоб подводы в одну минуту были готовы; а мы заедем к моей тётке просвирне, да с устатку хлебнём горячей водицы с душистым шалфеем.

В крепости всё ещё покоилось под влиянием сладкого, утреннего сна и, по этому, я не только не встретил на улицах ни одной живой души, но, сверх обыкновения, даже лишён был удовольствия быть облаянным от сторожевых собак, которые при встрече проезжего, всегда и везде с таким радушием принимают на себя эту приятную обязанность. По этой же самой причине, я не ранее, как чрез час мог дожждаться

подвод и когда солнце во всём блеске своём уже сияло на восточном горизонте, я выехал из Красногорской крепости.

Вся дорога, начиная от Оренбурга до Гирьяльской крепости, не представляет взору ничего занимательного. Она идёт по правому берегу Урала, по плоской возвышенности, кое где усеянной небольшими, обнажёнными пригорками. Скучный, утомительный путь. Но с этого пункта, т. е. от Гирьяльской крепости (ныне станица) природа принимает более разнообразный, привлекательный вид. Влеве, по дороге, встречаются горы, хотя покрытые тем же печальным ковылом, но уже весьма значительной высоты, которые служат, как бы передовыми отрядами известных по географии Губерлинских гор. Вправе виднеется зеленеющий лес, густою полосою тянущийся по обеим берегам Урала; а это, в соседстве с пустынями Киргизских степей, составляет особенную прелесть.

Я довольно быстро и довольно весело подвигался вперёд. Obviously последнее. Ни прежде, ни после я терпеть не мог в дороге ямщиков-флегматиков, которые увальнем сидят на своих козлах и играют в *молчанку*. Но, благодаря покровительствующей мне судьбе, в настоящем пути я не встречал этой неприятности. Из Гир[ь]яльской крепости мне дан был подводчик, хотя довольно пожилых лет, но неутомимый говорун. И чего он не насказал мне на двадцати-пяти-вёрстном пространстве до Озёрной крепости? Между прочих линейных анекдотов, относившихся большею частью до Киргизских разбоев, он рассказал мне один, довольно замечательный: об особенном способе ловить журавлей.

Мы ехали между полей, засеянных хлебом. Рассказывая о том и другом, не относя впрочем, своей плодovитой речи собственно к моей особе, подводчик вдруг обратил моё внимание на один пригорок, где ещё видны были остатки бывшего шалаша. «Вот и журавлиное поле, сказал он мне. Ах, Господи ты мой Боже! Сколько хохоту было в прежние годы над этим журавлиным полем. Я вот сей час расскажу тебе, прибавил он, понюхав табаку. Года три тому назад, эту поляну засеивал мой сосед, Фёдор Иванов, – человек больно добрый; но упаси Господи как прост, – что твоя Маланья Сидоровна. Хлеб у него тогда родился славный; да на беду журавли повадились каждую ночь выплясывать на его жильё, и по утру бедный сосед находил свои снопы истрёпаннными, как после проклятой пугачёвщины. Что делать? Караулить хлеб по ночам –

нельзя: Киргизы чуть не из за дворов народ таскают; воеет с горя бедный Фёдор. Наша козацкая молодёжь с испокон века любит проказничать. Как не помочь в таком горе приятелю? Вот и собрались к нему человек пять; и давай горевать вместе, да набирать ума-разума. Ах мы пустые головы, закричал один. Что мы ещё думаем? Да ты, Фёдор купи ведро вина, разлей его в горшки, да и разставь около хлебных копен. Ведь друг любезнейший, сам ты голова умная, сам ты знаешь, что после сытной пицци – шибко пить хочется; а журавлям, чем лететь на Урал – поило под носом. А, как хватят нашей русской водицы, с непривычки перепьются, как на свадебной гулянке, и тогда руками их бери.

Всхлопнул руками от радости мой горемычный сосед; а в дальний ящик наш брат казак умного совета не станет откладывать. Вино было куплено, розлито в горшки и разставлено чуть ли не по всей жнитве. На другой день, приехав на поле, к несказанной радости Фёдор увидел все снопы свои целыми; но не нашёл ни одного журавля ни пьяного, ни трезвого и ни одной капли вина в горшках, – всё осушили долгоносые. Что, спрашивали Фёдора, добрые советники, когда он воротился с поля, много ли привёз? – Да ни одного долговязого пострела, отвечал весело Фёдор; но затем, братцы, снопы крылом не тронуты. – Эка ты напасть какая, говорили проказники; знать стая-то большая, а вина было мало, порядком вишь не забрало, – уплелись. – Не пожалею и двух вёдер, с горячностью отвечал мой сосед, а уж уподчую дорогих гостей. И вот на другую ночь была поставлена для журавлей та же ловушка, только в два ведра мерой и та же вышла история: хлеб цел, но ни журавлей, ни вина не было и духу.

– Ну, прибавил рассказчик, обращаясь ко мне, понял ли в чём секрет?

– Как не понять, отвечал я смеясь. Проказники по ночам пили вино и пугали журавлей, – от того и хлеб оставался цел.

– Гм!.. отвечал подводчик; правда твоя. Мы долго смеялись над маланьиной простотой моего соседа. Ведь не разсудила же его умная голова, что русскому человеку не понутру заморское вино; а как же журавли то будут пить казацкое поило?

Рассказывая в настоящее время давно слышанное мною от моего подводчика, об его способе ловить журавлей, – мне невольно пришёл на память подобный же анекдот: об осо-

бенном способе *бучить бельё*, происшествие позднейшего времени, при котором я был очевидным свидетелем.

Лет за пять пред сим, я на короткое время приезжал в Оренбург. Нетерпеливое желание взглянуть на места, где провёл я лета своего сиротствующего детства, где, под влиянием благотворительной руки, развились первые мои понятия, – вызвало меня из душного города в открытое поле. Возвращаясь с прогулки чрез старую слободку, я увидел в одном переулке необыкновенное стечение народа. Весьма естественное любопытство повлекло меня к этой толпе, где я нашёл Частного Пристава с несколькими военными Офицерами, стоявшими около полуразрушенной избы и близ неё горько-плачущую женщину. Признак случившегося несчастья был очевиден, – любопытство моё удвоилось.

И вот что я услышал от Пристава: Женщина эта, возвращаясь в город из Бердинской станицы, нашла при дороге, близ рощи, пушечное ядро, оставшееся, должно быть на поле, после артиллерийского ученья. Занимаясь стиркою белья по заказу, Гаврильевна (так, кажется, звали женщину) как нельзя более обрадовалась своей находке. Потому что по собственному опыту знала, что раскалённый чугунок, опущенный в бук, лучше всего очищает бельё. Возвратившись домой, она на другой же день приступила к своей прачешной стирке. Приготовив бельё и склав в печку дрова, она закатила туда ядро; потом, подложив огня, отправилась за водой. До озера, откуда слободские жители пользуются водой, – было не так близко. Наконец Гаврильевна возвратилась и при первом взгляде на свою хату, чуть не умерла от испуга и горести: ни окон, ни дверей, ни печки, ни потолка не осталось в её маленькой избушке, – всё это выбучилось.

По самому верному соображению должно полагать, что ядро было начинено. Частный Пристав, производя розыск об этом происшествии, с действительным состраданием, но и не без улыбки говорил плачущей женщине: вот, старая дура, какой отличный способ выдумала бучить бельё.

Часу в одиннадцатом дня я приехал в Орскую¹ крепость –

¹ Здесь, скорее всего, опечатка в тексте. Речь, видимо, идёт об Озёрной (Верхне-Озёрной) крепости. Автор проехал Красногорскую крепость и Гирьяльский разъезд. От Озёрной крепости примерно двое суток езды до Орской крепости.

и как здесь начальствовал Комендант, то мой открытый лист следовало представить ему. К несчастью его не было дома и я, в каком то тревожном ожидании, расхаживал по платформе крепостной гаубтвахты, у которой остановилась моя подвода, и где, в смиренном положении на пёстрых, полинялых сошках, расположено было ружей шесть или восемь, перед которыми ходил часовой в обыкновенной форме, но весьма не одобрительной наружности.

Моё ожидание не было продолжительным. Через полчаса, или не много более, с гаубтвахтой поравнялась небольшая тележка, запряжённая в одну лошадь, которую управлял мужчина, в неопределённом костюме и в кожанном картузе странной формы, с длиннейшим козырьком. Не заметив, что часовой отдал ему честь ружьём, я не только не оказал проезжающему должной вежливости, но даже не обратил на него никакого внимания; между тем как он, укоротив бег своей лошади, пристально рассматривал меня. О, дорого, несказанно дорого поплатился я за свою глупую беспечность, или лучше сказать – детскую неопытность.

В след за уехавшей тележкой с гаубтвахты со всех ног бросился Ефрейтор, придерживая одной рукой болтающийся сзади тесак, а другой – заткнутый на груди за португею мой открытый лист. Минут через пять меня потребовали к Коменданту. Не знаю от чего, – сердце моё болезненно сжалось в груди. Я вошёл в приёмную комнату. В зале у окна, за каким то рукодельем сидела дама, не молодых уже лет, но весьма привлекательной наружности. Она с любопытством поглядела на меня и вышла. В ту же минуту послышался твёрдый шаг Коменданта и мужчина высокий, плечистый, с суровым выражением лица, молча остановился передо мной. Я поклонился.

– Что ты за человек? Спросил он меня грубо.

– Нарочно-посланный от Капитан Исправника к Г. Коменданту Орской крепости, отвечал я не твёрдым голосом.

– Это я уж знаю и без тебя, крикнул он грозно. Отвечай: кто ты такой.

– Сын умершего Орского Священника, отвечал я смиренно, несколько не понимая важности данного мне вопроса.

– Ба, ба, ба! Медленно заговорил Комендант, возвышая голос до угрожающего тона. Попович... и изволит прогуливаться на обывательских подводах. У Исправника в кармане

взятка звенит, а кто везёт у того живот подвело...

– О, не то; ей Богу не то! Заговорил было я.

– Молчать! Крикнул он. Подавай сюда конверт.

Трясущеюся рукою я вынул из бокового кармана нечто в роде носового платка, в котором бережно был завернут конверт, с заветным куриным пером на печати. Я подал его Коменданту, и сквозь едва сдерживаемые слёзы встретил устремлённый на меня, из боковой комнаты, сострадательный взгляд виденной мною дамы.

– Хорошо, сказал Комендант, осмотрев конверт. Я отправлю его сам по назначению. Гей, Ефрейтор! Крикнул он. Солдат явился. – Посадить этого молодца в арестантскую! Да вели заготовить рапорт; я отправлю Поповича в Оренбург.

Сильнее, убийственнее этого удара в моём положении и ожидать было невозможно; а потому я только смутно могу припомнить: как суровый солдат вытолкнул меня из прихожей, как привёл на гаубтвахту и потом, сунув в какую то мрачную конурку с небольшим окном за железной решёткой, захлопнул дверь, закрепив её железною цепью; – я почти без чувств повалился на грязные нары.

Не могу определённо сказать: как долго продолжилось моё бессознательное, мертвенное положение. Наконец, неясный луч размышления засветился в разбитой голове моей; я мог уже понять, размыслить о бедственном моём положении и слёзы, горькие слёзы ручьём полились из отяжелелых глаз. Рыдая, я припоминал, что бедная, слепая мать моя, предвещанная письмом о моём скором прибытии, уже ждёт меня, после долговременной разлуки, со всем материнским нетерпением; любящее сердце её уже летит ко мне на встречу и вот... я завтра, с половины пути, в кандалах буду отправлен в Оренбург; и, Бог весть, доведётся ли мне когданибудь прижаться хотя раз к тоскующему сердцу моей бедной матери.

Смеркалось. Благодетельные слёзы облегчили несколько стеснённую грудь; их заменили частые, тяжёлые вздохи и, в тишине моего мрачного заключения, вдруг слышу: громкий разговор солдат в караульной комнате внезапно утих; чрез минуту – цепь звякнула, дверь отворилась и ко мне вошла старушка почтенного вида.

– Что, мой голубчик тяжеленько тебе?

Этот неожиданный вопрос, заключающий в себе столько добродушного, родственного участия, возобновил во мне

горькую тоску, – я снова зарыдал. Старушка плакала со мной вместе.

Скрепив сердце, в бессвязных словах я рассказал ей печальную повесть моего сиротства; рассказал с каким пламенным нетерпением, после трёх-летней разлуки, я желал увидаться с моею матерью и, не имея никаких средств проехать такой дальний путь от Оренбурга до Орской, я воспользовался благодеянием доброго Исправника.

– Не тужи много дружёк мой, говорила старушка, выслушав меня. Бог милостив! Ведь ты тут нисколько не виноват. Вот, нать-ко тебе, прибавила она, вынимая из под кофты бутылку молока и белый хлеб. Это посылает тебе наша добрая Комендантша. Покушай на здоровье, да ложись с Богом спать.

По уходе моей благодетельной посетительницы, обхождение со мною караульных солдат совершенно изменилось. Мне ласково предложено было проходиться по платформе. Вечерний воздух много освежил меня; но более всего успокоительная речь доброй старушки. По предложению солдат я лёг спать не в душном казamate, нов месте с ними на крыльце, и крепок, крепок был сон мой после таких тяжёлых, ещё не испытанных мною потрясений.

Меня разбудил трескучий звук зоревго барабана. Я быстро приподнялся, и... (никогда не забуду этой минуты) передо мной стоял Ефрейтор, держа в руках мой открытый лист и драгоценный конверт, с куриным пером.

– Подводы готовы, сударь, извольте вставать, сказал он мне, вручая все принадлежности *летучей почты*. Г. Комендант свечера отдал приказ отправить вас на заре.

Умом – я не мог ещё обнять всей полноты моего блаженства; только вещее сердце сильно трепетало в груди, как трепещет в гнезде птенец ласточки, при её появлении с питательной пищей.

Наконец...

«Кончен, кончен дальний путь... В шесть часов вечера на другой день я был уже под родной кровлей и горячими поцелуями отирал слёзы плачущей от радости матери моей.

(Оренбургские губернские ведомости. 1855.
12, 19, 26 февраля, 5 марта)

II. Михаил Владимирович Лоссиевский

В 1877 г., со 2 июля в Москве начала выходить новое издание – политическая, общественная, экономическая и литературная «Русская газета», ответственный редактор и издатель А.А. Александровский. Само название подчёркивало её позицию – около славянофильства. Среди разделов газеты с первого номера присутствовала большая внутренняя корреспонденция, редакция изначально стремилась максимально широко показать жизнь российской провинции.

И уже со второго номера, где появилась заметка из Оренбурга, Южный Урал был достаточно представлен на страницах нового издания. Доминировал сначала оренбургский материал – перепечатки из «Оренбургского листка» и «Оренбургских губернских ведомостей» (№ 10, 32, 50, 53), иногда больших размеров статьи из Оренбурга (№ 13, 22, 24, 26, 31, прибавление к № 40), о местной железной дороге (№ 17, 38). Кто-то из оренбуржцев усердно снабжал редакцию (анонимно). Помимо корреспонденций в «Русской газете» существовала рубрика «Хроника русской жизни», где в основном помещались перепечатки из провинциальной прессы. Из Уфы лишь в № 14 мелькнул отчёт уфимского попечительного о бедных комитета за 1876 г., да в № 83 помещена перепечатка из уфимских «ведомостей» о школе.

Как всякое новое издание, редакция «Русской газеты» искала способных корреспондентов на местах, тем более, что с № 62 газета перешла на больший формат и лучше стало с местом для обстоятельных статей из «глубинки». Или редакция договорилась, или из Уфы сами предложили свои услуги, но с октября 1877 г. в «Русской газете» начинают появляться обстоятельные статьи из Уфы, однозначно свидетельствующие, что автор местный житель, человек весьма образованный и достаточно осведомлённый, знакомый с литературным творчеством.

Первая и вторая его статьи, а стиль везде одинаков, были напечатаны анонимно, в затем появилась подпись «Л.» Под эту аббревиатуру из уфимского «пишущего» сообщества той

эпохи подходит фамилия Лоссиевских. Краеведением и сочинительством увлекались оба – отец и сын. Владимир Степанович Лоссиевский (фамилию сначала писали как Лосиевский) (1808–1891) начал публиковаться с 1847 г., оставив большое литературное наследство в виде статей о природе Башкирии¹.

Однако, анализ корреспонденций в «Русской газете» заставляет предположить, что автором являлся Лоссиевский-младший, сын: Михаил Владимирович Лоссиевский (до 1850–1884). В первую очередь на это наводят постоянные упоминания об уфимском театре, из которых очевидно, что автор лично смотрел постановки, канкан и актрис. Вряд ли 70-летний В.С. Лоссиевский этим увлекался.

Краткую биографию М.В. Лоссиевского и две его работы – «Башкирская легенда о месяце» и «Пугачёвский бригадир Салават и Фариза» первым после долгого забвения опублико-

¹ *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 33–34 и др.; *Рахимкулов М.Г.* Лосиевский Владимир Степанович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. А–О. Уфа, 2008. С. 60. Из формулярного списка за 1848 г. коллежского секретаря Владимира Степановича Лосиевского – землемер Лесного отделения, 39 лет, православный, из священнических детей, имений не имеет. Служба: «по увольнении из Полтавской семинарии в службу вступил в Слободско-украинское Губернское Правление Копиистом» (31 октября 1832 г.), подканцелярист (24 марта 1833 г.), канцелярист (12 августа 1833 г.). «В следствие предложения находившегося в городе Харькове по делам службы Г. Сенатора Обер Берг Гауптмана и Кавалера Молчанова был командирован в Канцелярию его для письмоводства и за исполнение возложенной на него обязанности с надлежащим успехом и таковою же деятельностью равно и за хорошее поведение получил от него Г. Сенатора 24 Сентября 1834-го года признательность». Затем губернский регистратор (22 декабря 1833 г.), признательность за скорейшее окончание дела от Губернского правления (31 августа 1834 г.). Переведён в Оренбургскую губернию 22 декабря 1834 г., коллежский регистратор (31 августа 1835 г.). «По открытии при Оренбургской Казённой Палате землемерской Вакансии» после испытания в математических науках и в практическом межевании при чертёжной Палате служил в должностях младшего землемера (с 24 апреля 1836 г.) и штатного землемера (с 1 января 1837 г.). С 1837 по 1 июля 1839 г. прикомандирован от Департамента государственных имуществ к полковнику Генерального штаба Гунину для разделения свободных казённых земель в Оренбургской губернии переселенцам. По открытии в Оренбургской губернии Палаты государственных имуществ, поступил штатным землемером по лесному отделению с 1 июля 1839 г., губернский секретарь (31 августа 1839 г.), коллежский секретарь (15 мая 1846 г.), награждён полугодовым окладом. Женат, карандашом приписано «имеет дочь Марию 2 лет, находится при нём» (ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2467. Л. 1356–1357).

вал М.Г. Рахимкулов¹. Но с тех пор, помимо кратких энциклопедических заметок², полная биография М.В. Лоссиевского так и не восстановлена. Он, кроме Уфы, печатался в Оренбурге и Казани³. А основные биографические сведения о нём перепечатывались из некрологов, опубликованных в № 45 уфимских «ведомостей» и № 46 за 1884 г. в «Оренбургском листке». Там говорилось, что 2 ноября в Уфе после долговременной и тяжелой болезни скончался «на 35 [в «оренбургском листке» на 31] году жизни» сотрудник «Уфимских губернских ведомостей» и «Оренбургского листка», действительный член Уфимского губернского статистического комитета, член-сотрудник Общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества Михаила Владимирович Лоссиевский. «Покойник, – сообщало оренбургское издание, – не окончил курса в университете по болезни, недолго служил учителем французского языка по той же причине. За то все досуги свои посвящал научным исследованиям, участвовал во многих газетах в качестве сотрудника и корреспондента»⁴.

Биография М.В. Лоссиевского пока в деталях не изучена. Так, в 1878 г. не имеющий чина Михаил Владимирович Лоссиевский исправлял должность помощника начальника газетного стола⁵. До начала 1880-х гг. оба Лоссиевских, отец и сын состояли членами Уфимского губернского статистиче-

¹ Башкирия в русской литературе. Т. 2 / сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1964. С. 104–112.

² Лоссиевский Михаил Владимирович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. А–О. Уфа, 2008. С. 60.

³ В отдельных справочниках М.В. Лоссиевскому приписывается авторство работы: *Лоссиевский М.В.* Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903. 16 с. (Башкортостан в печати до 1917 года. Уфа, 2003. С. 156). Под этим же названием «Кое что о Башкирии и башкирах (в их прошлом и настоящем)» работа опубликована в 1904 г. (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. Уфа, 1904. Приложение). Однако фамилия автора не указана. В тексте же статьи приводятся сведения за 1895, 1897, 1902 гг., когда оба Лоссиевские, сын и отец, уже давно скончались. М.В. Лоссиевский никак не мог являться автором данного сочинения.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1884. 10 ноября; Оренбургский листок. 1884. 11 ноября.

⁵ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г. Отдел III. С. 2.

ского комитета. Если за отцом, Владимиром Степановичем Лоссиевским на 1881 г. числился участок Удрякский в 700 дес. 960 саж. земли¹, то сын, по всей видимости, не имел недвижимости.

М.В. Лоссиевский дебютировал в местном краеведении в середине 1870-х гг. В 1875 г. в уфимских «ведомостях» печатается его статья о татарах (сабантуй и пр.) «Из нравов и обычаев инородцев Уфимской губернии»², затем выходит материал Лоссиевского о чувашах³. В газете иногда одновременно публиковались отец и сын. С № 28 за 1876 г. начинает печататься большая обобщающая статья М.В. Лоссиевского «Из далёкого прошлого (К истории заселения Оренбургского края)»⁴. На эту работу откликнулся Р.Г. Игнатъев, тем более, что Лоссиевский активно использовал его материалы. Заявлялась переписка⁵, два уфимских краеведа нашли друг друга и в газете «Оренбургский листок» в июле 1876 г. выходит их совместная работа «Шайтановы мухи (башкирская легенда)»⁶. Дружеские контакты уфимских историков-краеведов продолжались и далее. Когда Р.Г. Игнатъев возглавил «Минские губернские ведомости», в 1878 г. он публикует статью М. Лоссиевского «Солнце и луна в народных легендах и заговорах северо-западного края»⁷. А в 1881 г., будучи редактором «Оренбургских губернских ведомостей», Руф Игнатъев печатает этнографическую заметку М.В. Лоссиевского и статью «Оренбургская губерния сорок лет назад»⁸.

В 1877 г. выходит большая работа Лоссиевского «Обряды присяги у инородцев Уфимской губ. – магометан и язычни-

¹ Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение к № 12.

² Там же. 1875. 18, 25 октября.

³ Там же. 29 ноября, 6, 20 декабря.

⁴ Там же. 1876. 10 июля и др.

⁵ Переписка Р.Г. Игнатъева и М.В. Лоссиевского // *Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период)/составитель М.И. Роднов. Т. VI: 1875-1879, 1862, 1864 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2012. С.179-182.*

⁶ Там же. С. 58–61.

⁷ Минские губернские ведомости. 1878. 25 февраля. См. также: *Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 24. Видимо, это был переработанный вариант статьи Лоссиевского «Солнце и луна в легендах и заговорах обитателей Оренбургского края, в связи с легендами о солнце и луне других народностей» (Уфимские губернские ведомости. 1876. 6, 13, 20 ноября).*

⁸ Оренбургские губернские ведомости. 1881. 29 августа, 19 сентября.

ков»¹, в связи с русско-турецкой войной он рассуждает о турках².

Именно в этот момент, в 1877 г. М.В. Лоссиевский начинает сотрудничать с московской «Русской газетой». Его авторство уфимских корреспонденций подтверждает одновременно публиковавшийся здесь анонимный материал в № 97 и 118 «Русской газеты» под названием «Из истории заселения оренбургского края (Историко-археологический эпизод)», где пересказываются выводы Р.Г. Игнатьева о княгине Анне, чуди, упоминается и сам Руф Гаврилович. Беглый взгляд позволяет утверждать, что это несколько изменённая статья М.В. Лоссиевского «Из далёкого прошлого», незадолго до этого вышедшая в Уфе. В своих письмах из Уфы Михаил Владимирович повествует о самых важных событиях в жизни горожан: погоде и ценах на продукты, коммунальном хозяйстве, криминальном мире и театре, вообще культурной среде Уфы. Крайне любопытны его сообщения об угрозе изменения русла реки Белой и восприятию уфимцами сводок с русско-турецкой войны. К сожалению, мне не удалось просмотреть подшивку «Русской газеты» за следующие годы, возможно, сотрудничество редакции с М.В. Лоссиевским продолжилось.

Очень активно М.В. Лоссиевский участвовал и в первой частной газете Южного Урала, издававшимся И. Евфимовским-Мировицким «Оренбургском листке». В 1876 г. в Оренбурге у М.В. Лоссиевского выходят статьи «Башкирская легенда о месяце» (№ 24), «К истории заселения оренбургского края» (№ 30) и др. В 1877 г. в «Оренбургском листке» публикуются художественный рассказ (№ 6), стихи (№ 7), другие произведения (№ 17, 25), статья о солнце и луне (№ 34), об Ишпарсовской волости (№ 42). Более того, Лоссиевский поставлял в «Оренбургский листок» корреспонденции из Уфы (№ 40), где не всегда толерантно отображал уфимскую действительность. Так, в оренбургской газете появился стишок за подписью «А-сский», где в частности говорилось:

На горах прибельских
Роза не цветёт
Лишь репей злодейский
Всюду к платью льнёт.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1877. 23, 30 апреля, 14 мая, 4 июня.

² Там же. 12 ноября.

Чортов Городиш[ко]
Блещет красотой:
Страшная грязьца,
И во всём застой.
Каждый год собирают
В нём для мостовой,
Но куда девают –
Знает домовой!¹

Явный намёк на Уфу в упоминании знаменитого Чёртова Городища на окраине города. Немало публикаций Лоссиевского выходит в «Оренбургском листке» в 1878 г. Критика уфимской действительности, что не скрывается и в корреспонденциях в «Русской газете», не могла нравиться редактору официального рупора «Уфимских губернских ведомостей» – Н.А. Гурвичу. Видимо, поэтому на рубеже 1870–1880-х гг. работы М.В. Лоссиевского редки на страницах уфимского издания.

В 1880 г. в «Оренбургском листке» выходит большой историко-археологический этюд М.В. Лоссиевского «Из неизданных арабских и татарских хроник оренбургского края» (№ 47, 50, 51, № 8 за 1881 г.), где частично пересказываются материалы Р.Г. Игнатьева, а в № 49 публикуется его заметка из Мензелинского уезда, затем он рассказывает об археологической находке в Оренбургском уезде². В начале 1880-х гг. М.В. Лоссиевский сотрудничает с крупнейшей газетой России – «Свет», издававшейся в Санкт-Петербурге. В 1882 г. у него там вышли даже стихи³. Вероятно, он мог отправлять корреспонденции и в другие центральные газеты.

В Уфе Лоссиевский принимал участие в подготовке второго издания книги Жуковского⁴, в 1882 г. выходит его статья «Черемисская свадьба»⁵, в 1884 г. – уже работа М.В. Лоссиевского-Уфимского «Основание города Мензелинска»⁶, а в ноябре Михаил Владимирович скончался. Он прожил недолгую жизнь, но сумел сделать много для уфимского краеведе-

¹ Оренбургский листок. 1877. 21 августа.

² Там же. 1881. 1 марта.

³ *Роднов М.И.* Свет из Петербурга. Уфа, 2010. С. 60.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1878. 26 августа.

⁵ Там же. 1882. 6 ноября.

⁶ Там же. 1884. 17 марта, 28 апреля, 26 мая.

ния, изучения истории нашего края. Полная публикация его произведений и составление исчерпывающей научной биографии ещё ждёт своего исследователя.

М.И. Роднов

Письма об уфимской жизни

№ 7. Корреспонденция в № 71

Из Уфы. С самого начала осеннего сезона наш город об­ратился в нечто в роде грязной Венеции; благодаря постоянно перемежающимся то дождю, то снегу, на некоторых улицах, на мощение которых собираются мостовые деньги сряду уже несколько лет, проезд сделался почти невозможен, не говоря уже о проходе, во время которого не спасают никакие сапоги, ежеминутно грозящие наполниться полужидкой грязью. На таких главных пунктах города, как базарная площадь, крайне рискованно подходить к мясным и другим лавкам, для закупки провизии – грязь чуть не поколена ужасает самых храбрых и только истинная нужда гонит покупателей через эти топи, в которых тонут и ругаются, ругаются и тонут и продавцы и покупатели. Как ухитряются попадать на крыльцо общественного собрания, перед которым во всю улицу стоит огромное глубокое озеро грязи, остаётся неразъяснённым. Везде грязь – то жидкая, то густая; ужасающая грязь. Ночью полуживые фонари, и то на некоторых только главных пунктах города с двадцатипяти тысячным населением обо­его пола, около полиции, губернаторского дома и проч. едва освещают небольшие пространства, а такие громадные районы, как вся старая Уфа и окраины новой, стоят в глубокой тьме – твори яже хочещи, никакие фонари не осветят творящихся там драм, никакие вопли не призовут отсутствующих, за исключением времени обхода блюстителей общественного спокойствия. Дурная погода сильно повлияла на порчу дорог, затруднив до крайней степени подвоз разных припасов из окрестных деревень; цены поднялись сильно; так воз сена дошёл уже до 3 р. 50 коп. сер., овёс до 75–80 к.

и т. д. Почты заметно уже запаздывают – вместо 7 суток проходят из столиц 8 и 9.

Из общественных вопросов обращает на себя внимание вопрос об уклонении подгородной реки Белой от своего течения в протекающую не более полуверсты реку Дёму, что в близком будущем грозит оставить город без воды и много изменить его значение, как сплавной пристани, так как река Белая прорывом в Дёму оставит город верстах в 4–5. Причина такого уклонения из году в год – река Уфа, впадающая выше города в Белую и своим напором оттесняющая течение её в сторону от естественного русла, вследствие чего Белая ежегодно рвёт левый луговой грунт берега и всё ближе и ближе подходит к р. Дёме. Событие это настолько потрясло апатию граждан Уфимских, что они принялись сочинять проекты, назначать комиссии и осмотры прорыва на месте, но по всей вероятности всё-бы дело и окончилось комиссиями и вместе с ними залегло в долгий ящик, еслиб, как слышно, в этом деле не принял участия уроженец г. Уфы, известный П.Ф. Базилевский, который будто-бы решил увековечить в Уфе своё имя, приняв на свой счёт издержки по прорытию канала, для провода воды в Белую из р. Уфы к самому городу.

В городском общественном имени И.Ф. Базилевского, театре в первый раз ещё играет драматическая труппа. Театр снял Уфимский помещик и адвокат Круторожин, обративший некоторое внимание на удобства публики; так им уменьшены несообразные цены за места, устроено в некотором роде фойе и проч. Но публика пока, вероятно благодаря постоянному ненастью, мало посещает представление.

(Русская газета. 1877. 15 октября)

№ 8. Корреспонденция в № 85

Из Уфы, 25 октября. Вот уже дня четыре, как по р. Белой показался лёд и сегодня густые массы его покрывали реку почти сплошь; холод становится довольно ощутительным и с 15 числа стали усиливаться морозы, которые доходят по утрам от – 1 ½ до 5° (по Реом.). Дни стоят ясные, солнечные. Комиссия по прорытию канала р. Белой, о которой я писал

в прошлом письме, уже покончила подготовительные работы и дело пока стоит за беловым планом. Сверх канала, предложенного проектом, комиссия нашла необходимым провести и ещё один канал, немного выше первого, за устьем р. Уфы, через луку, которую огибает р. Белая. Но этот последний канал может быть проведён во всякое время, и в нём не предстает такой существенной необходимости, как в первом, на том основании, что ещё год или два – и Белая должна была бы изменить течение, прорвавшись в свой приток Дёму через мягкий, луговой грунт, по которому она уже и прорыла углубление. Такое отступление Белой от коренного течения у города может повести ко многим неудобствам: городу придётся содержать два моста – через старое и новое русло, перенести хлебные лабазы к новой пристани, не говоря уже об отсутствии под городом проточной воды. Слухи носят, что к сооружению канала будет приступлено нынешней же осенью, и это было бы тем удобнее, что рабочие руки теперь дешёвы и кубическая сажень земли может обойтись недороже 1 р., или немного более. Кроме канала город хлопочет и о проведении водопровода, в чём также принял участие г. Базилевский и вручил на этот предмет г. губернатору 3000 руб. Вообще пожертвования г. Базилевского для Уфы, как места родины, громадны: он помогает и учебным заведениям, и престарелым чиновникам и проч.

На днях оканчивается приём лошадей по конской повинности, которая, как новинка, привлекала ежедневно массы зрителей, особенно с приездом приёмщика. Конская повинность, в виду того, что лошади сильно изнурены, запоздавшими крестьянскими работами, по случаю дурной погоды, недала тех результатов, какие ожидались от неё в нашей губернии. Браковка была громадная.

По ходатайству городской думы в городе разрешены народные чтения, на расходы по которым городская управа ассигновала пока 50 рублей. Теперь идут приготовления к открытию этих чтений. Насколько чтения вызваны настоятельной необходимостью и привьются ли они у нас – сказать трудно.

Наднях нашею труппою давалась известная пьеса «Змей Горыныч», которая произвела на публику большое впечатление. В Уфе теперь идут уездные земские собрания, а в декабре последует открытие губернского.

В местное управление общ. попеч. о раненых и больн. воинах по мужскому комитету, с 22 августа по 9 октября, поступило денежных пожертвований 3121 р. 8 к., из них произведено расхода 508 р. 61 к. Вообще жертвы на пользу воинов у нас идут довольно успешно; так в склад О.Н. Левшиной, кроме материальных пожертвований, с 9 по 20 октября поступило 1318 р. 32 коп., а с 5 сентября – 2500 руб., из них же на лицо 1681 р. На 1500 руб. заказано в Златоустовском уезде 300 тулупов.

(Русская газета. 1877. 5 ноября)

№ 9. Корреспонденция в № 96

Из Уфы. Послучаю последних военных событий, так радостно отзывающихся в сердцах всех русских людей, наш город принял особенно праздничный вид – на всех главных улицах, на всех более или менее значительных домах чиновных особ или коммерсантов развеваются флаги, что Уфа видит ещё в первый раз, так как раньше о таком заявлении сочувствия успехам нашего оружия в борьбе с врагами, кажется, и не подозревали, по крайней мере флаги, появившиеся первоначально у домов начальствующих лиц привлекли толпы народа с самыми разнообразными толками о такого рода торжестве. Напряжённое внимание, с каким у нас следят все вообще за ходом военных событий, высказывается в большом числе подписчиков на телеграммы. Около думы, вывешивающей телеграммы на улице, у входа, постоянно толпится низшая братия, и грамотей из среды её, хотя и по складам порой, но удовлетворяет томительное ожидание почтеннейшей публики, – и какие возгласы, какие толки слышатся на этих сборищах по поводу, напр., штурма Карса, или взятия в плен целой армии Мухтара.

С г[о]родским нашим театром что-то всё не ладится – сборы очень и очень умеренные, и главная поддержка, как носят слухи, содержателя труппы заключается в буфете. Первый месяц будто-бы убытку понесено содержателем театра до 600 р. с. Недавно случился такой казус. С самого начала сезона афиши печатались в частной типографии А. Блохина, который, вероятно, в виду неудачного хода театраль-

ных дел, накануне бенефиса г-жи Соколовой отказал выдать напечатанные уже афиши, пока ему антрепренёр не выплатит долг. Положение бенефициантки было критическое: нет афиш – нет сбора и пропадает бенефис. К счастью бенефициантки её выручила губернская типография, в которую передал все заказы и антрепренёр, с условием выплачивать деньги каждый раз, тотчас же, по отпечатании афиш и билетов. В театре предполагаются маскарады, не поправят-ли хоть они несколько дела антрепренёра и не выведут ли из апатии нашу публику. Вследствие того, что единственный порядочный оркестр в нашем городе, увеличенный музыкантами, приглашёнными из Казани, играет в театре, наше общественное собрание должно лишиться удовольствия давать семейные танцевальные вечера и балы.

В недавнее время Уфа обзавелась своего рода валетами... [много об уголовных преступлениях]... Один из наиболее опасных, а потому и наиболее требующих надзора полиции по праздничным вечерам, пунктов есть место против театра, в так называемой архиерейской слободе, глубокий овраг, который, спускающийся до р. Белой, служит очень удобным убе[жищем] для тёмных субъектов: ограбил, избил и свалился в овраг кубарем – поди ищи молодца.

А дерзость грабителей, между тем, доходит уже до грандиозных размеров! В ночь на 3 ноября, из церкви во имя Александра Невского, находящейся на горке, против казарм губернского батальона, со взломом замков выкрадены 5% билеты с выигрышами 1-го и 2-го займа числом три; билет государственного банка второго выпуска под № 35 434, под лит. В; в 500 р., именные, принадлежащие также церкви, билеты – непрерывно доходный 4% бил. госуд. казн. 1859 г. 1 ноября за № 1147 на сумму 143 р. и билет волж.-кам. коммер. банка от 11 января 1874 г. за № 16 949 в 500 р. Приведут-ли к удовлетворительным результатам поиски похитителей – неизвестно; во всяком случае сообщим об этом.

От тёмных сторон нашей жизни перехожу к более светлым. 21 ноября, назначен у нас концерт с живыми картинами в пользу комитета для оказания пособия вдовам и сиротам пострадавших на войне. Программа концерта составлена довольно удачно и из исполнителей, по примеру прошлого сезона, можно указать на Е.П. Бестужева, симпатичный голос которой известен публике, также как и удачное исполнение

контральтовых партий и на сопрано – О.П. Тихомирову, которая иногда грешит тем, что берётся за вещи, свойственные только контральто. Живые картины с неизбежными – «Демоном», «Фаустом» и сражениями «на Шипке». Пожелаем успеха доброму делу. Недавно, 13 ноября, отправлен из Уфы транспорт для больных и раненых воинов на 13 подводах. На устройство нашего госпиталя, находящегося около Елизаветграда, в д. Петровке: на его отправление и содержание израсходовано всего по 1 ноября 18 903 р. 67 коп. Для перевозки больных и отправки выздоровевших при госпитале имеется 3 пары лошадей; продовольствие, получаемое больными, составляет: два раза в день чай с белым хлебом, на завтрак одно кушанье, на обед три и на ужин два. По прибытии транспорта с больными, они отправляются в баню или моются в ваннах Выздоровевшие отправляются в Елизаветград к уездному воинскому начальнику до Шестаковки и далее по железной дороге, в госпитальных тулупах и валенках.

В воскресенье, 13 числа, произошёл у нас первый опыт народных чтений, который не удался только тем, что народ собственнно на этом чтении блистал своим отсутствием, если не считать двух-трёх мужичков, тоскливо поглядывавших на разряженную интеллигенцию во круг себя, да на чтеца-неудачника, что-то мямлившего себе под нос о Севостополе. Чтение из физики прошло более удачно. Чтения предполагаются производить каждое воскресенье.

А.

(Русская газета. 1877. 24 ноября)

№ 10. Корреспонденция в № 107

Из Уфы. До сих пор тёплая и безснежная погода долго мучила нас бездорожицей; езда – ни санная, ни тележная, много влияла на базарные цены; но наконец, 29 ноября, выпал снег до 3 вершков глубины, и термометр (Reom.) с -4,8° и изредка -10,0° сразу понизился на -17° и даже -20°. Дорога установилась, и первый же съезд на базар из окрестных деревень понизил цены на продукты – муку, сено, овёс, дрова и проч.

День получения телеграммы о сдаче Османа-паши со всей армией отпразднован у нас особенно торжественно: го-

род украсился флагами, и хор военной музыки, с разрешения воинского начальника, играл в гостинном дворе и получил изрядный гонорар от купцов – редкие из них давали по 3 и по 5 р. с., больше по 10 р.; затем, вечером с 6 ч., этот же хор играл у подъезда театра, антрепренёр которого известил в этот день, что всем составом труппы на сцене будет пропет народный гимн «Боже царя храни», что привлекло громадную массу зрителей, восторг которых по поводу гимна был необычайный – требования повторения не умолкали.

На сцене в этот день давались истинно провинциальные пьесы: «Казнь безбожному», «Двенадцать не спящих дев», и, – как пикантная приправа – всеми действующими лицами был исполнен канкан из «Орфея в аду» причём слово «канкан» на афише выдавалось крупным шрифтом, а сама афиша изображала нечто в роде громадной простыни. – Первый театральный вольный маскарад представлял крайне печальное зрелище: вольных масок не было совсем, кроме 2–3 актрис; кавалеры, явившиеся в весьма скудном числе, выглядели из прохода в партер и имели удовольствие видеть, также как и любопытствующие в ложах, кадрили в 2 пары, изображённую актёрами и актрисами. При начале маскарада возбудился вопрос: дозволяется ли путешествовать в нём в шляпах или нет? Вопрос был разрешён удовлетворительно, и шляпа торжественно украшала головы какого то господина, сидевшего на сцене с маской, да двух актёров, уныло бродивших по партеру с своими масками. «*Fi donc!*¹ говорила мне одна *belle dame*², кто же решится бывать на этих маскарадах, ведь тут рискуешь встретить Бог знает кого!» – Да ведь существуют же эти маскарады в других городах и посещаются публичкой, да ещё как посещаются-то! Ah, *c'est autre chose*³!» Вот и разубеждай тут и доказывай, что *c'est la meme chose*⁴. Впрочем, антрепренёр не отчаивается и 2 декабря назначил ещё маскарад; посмотрим, что выйдет из этого.

В декабре предстоят у нас выборы в городские головы и в председатели в губернской земской управы. Говорят, выборы будут бурные, так что голова, как слышно, не удержится –

¹ Тьфу (франц.).

² Красивая дама (франц.).

³ Ах, это что-то другое (франц.).

⁴ Это одно и то же (франц.).

против него дескать, всё купечество и мещанство, хотя, по мнению многих он-де много принёс пользы городу: устроил ремесленное училище, составил смету будто бы на 2 моста через 2 небольших оврага, вымостил улицу, на которой стоит его дом, и другие, и если весной и осенью и бывает на этих улицах и других грязь и непроходимые топи, то это, говорят, «воля Божья, – ничего не поделаешь».

А.

(Русская газета. 1877. 11 декабря)

№ 11. Корреспонденция в № 119

Из Уфы. (Корреспонденция «Русской Газеты»). Начинаю настоящее письмо с того, что всего более интересует в настоящую минуту население нашей губернии. Вот уже и половина почти декабря, близки и праздники, а мы всё ещё не имеем снегу даже настолько, чтобы везде был санный путь, – в некоторых местах дорога, положительно, ни санная, ни тележная; сельское население бьётся, мучается и едва успевает удовлетворять потребности городских жителей. Съезды на базарах хотя и бывают очень большие, но цена на все продукты, несмотря даже на то, что она отчасти и понизилась сравнительно с осенней, положительно заставляет опускать руки, – особенно достаётся бедному классу жителей и несчастному мелкому чиновничеству, еле-еле перебивающемуся с 20 по 20 число: не бывало примера, чтобы репа или картофель продавались у нас счётом – теперь же каждая штука репы, средней величины, стоит 1 ½ – 2 коп. Благодаря такому положению дел, закуп идёт в нашей губернии плохо: из Бирска, например, пишут, что дела там идут из рук вон плохи; реки хотя и покрылись льдом, но снегу нет и дороги скверны; привоза хлебов почти нет, – цены вообще высоки. На ближайших пристанях, в Бирском уезде ржаную муку покупают от 60 до 63 к., овёс 40–45 к., семя льняное от 1 р. до 1 р. 40 к., горох сырой 55 и 65 коп. за пуд; рожь на ближних мельницах ссыпают от 58 до 62 коп.; гречу на крупянках, за 30 вёрст от пристаней, по 65–68 коп. за пуд. Рожь настоящего года легковесна – от 37 до 40 фунтов в мере; овёс 25–26 фун.; греча тоже легка и слаба и купленная почти у всех согрелась. На Топорнинской пристани цены почти те же, и

подвозов почти нет. В Стерлитамакском уезде по мельницам и на выставках, в разстоянии до 40 вёрст от города, рожь покупают по 50–52 коп., гречь по 55 коп. и овёс до 42 к.; привозу мало. В самой Уфе, в привозе нет почти вовсе ничего; что же касается до базарных цен, то мука ржаная стоит 75 к. пуд, пшеничная от 85 до 90 коп., горох лучший 70 коп., греча до 1 р. 40 к. и овёс от 45 до 50 коп. При этом надо заметить, что на нижнем базаре, около Белой, цены несколько ниже, чем на базаре верхнем, в центре города, и разница колеблется между 5–10 коп. Сравнивая Уфимскую губернию с Вятской, оказывается, что и там дела не только не лучше, но ещё, пожалуй, и хуже; так жатва озимых и яровых хлебов повсюду там была окончена в половине августа, но уборка их с полей, особенно яровых, несколько замедлилась и продолжалась, по случаю холодной и ненастной погоды, до половины сентября; причём хлеб, оставаясь на полях, от непрерывных дождей, подвергался во многих местах порче. Из официальных сведений оказывается, что урожай озимовых и яровых хлебов нынешнего года гораздо хуже предшествовавших лет и не только неудовлетворителен повсеместно, но даже в уездах Малмыжском, Уржумском, Елабужском, Нолинском и Яранском, отличавшихся особенным плодородием, совершенно плох. Во всех этих местах яровые хлеба крайне плохи, так что почти все крестьяне, без исключения, не собрали даже и семян, и вообще яровые хлеба были до того редки и низки, что почти не было возможности их жать, а приходилось вырывать с корнем; с овина крестьяне намлачивали не более трёх пудов овса. Старых запасов ярового хлеба положительно нигде нет, так что, при обсеменении полей будущей весной, нужда в яровом хлебе будет громадная. Озимых хлебов у большей части домохозяев, пожалуй, не останется и на зимнее продовольствие. [далее идёт анализ положения в Вятской губернии] Недостатка в рабочих силах, во время уборки хлеба, в Уфимской и Вятской губерниях не было; заработная плата колебалась между следующими цифрами: одному рабочему, на хозяйском содержании, без лошади, платилось от 30 до 40 коп., с лошадью, от 40 до 60 коп.; на своём содержании – без лошади от 40 до 60 коп., а с лошадью – от 70 коп. до 1 руб. сер. Переходя затем к Пермской губернии, увидим, что там мука, овёс и рожь, как и в за-уфимских селениях, по случаю плохого урожая в последних,

довольно дороги: муку покупают по 70 и более коп., а овёс по 45 коп. и выше, и в будущем весьма мало надежды, чтобы эти припасы могли быть дешевле. Подвоз рыбы тоже мал, и рыба, по обыкновению, дорога; не дешевле ни сколько продаётся она и в г. Екатеринбурге; солёная же рыба сравнительно дешевле прошлого года.

Останавливаясь пока на этом беглом обзоре хозяйственно-экономического состояния приуральского края, обращаюсь к Уфе и, за неимением ничего особенно выдающегося в строе болотно-монотонной общественной жизни, брошу мимоletный взгляд на наши – общественно будто бы увеселительные и вместе с тем благотворительные, на что у нас так падки – развлечения. Хороший сбор с последнего концерта, о котором я имел уже случай говорить в одном из своих писем, послужил к тому, что любители и любительницы наши придумали ещё один концерт (на 12 декабря), тоже с благотворительной целью, но антрепренёр городского театра г. Круторожин, уступивший для прошлого концерта здание театра, уборные, декорации и оркестр, оказался уже не так уступчивым, лишась, благодаря концерту, сборов почти на 3 недели, так что любителям и любительницам пришлось избрать местом своих вокально-инструментальных этюдов здание общественного театра и удовольствоваться единственным сносным театральным оркестром, только с 11 часов вечера; а между тем г. Круторожин в тот же день, в который был назначен концерт, т. е. 12 декабря, назначил, в ознаменование этого дня, как для столетнего юбилея в Бозе почившего Государя Императора Александра Павловича, бесплатный народный спектакль с пьесой «Параша Сибирячка» и в афише заявил, что желая ознаменовать этот день, он, за занятую им ложу, вносит 25 руб. в пользу воинов, раненых под Плевной, и к тому же приглашает и посетителей, буде они пожелают, для чего (т. е. принятия пожертвований) будет находиться в театральной кассе, в день представления, полицейский чиновник с особой книгой, в которую будут вноситься имена жертвователей, и затем отчёт о сборе будет помещён в местном органе – «Губернских Ведомостях».

С начала эта реклама не пропускалась было полицией, но г. Круторожин недаром адвокат: требование письменного, т. е. официального отказа устранило недоразумения.

Л.

(Русская газета. 1877. 29 декабря)

III. Николай Владимирович Ремезов

Биография и основные труды Николая Владимировича Ремезова (1855–1915) неоднократно публиковались и хорошо известны¹. В советскую и постсоветскую эпохи он известен своими разоблачительными книгами о расхищении башкирских земель, а также рядом работ экономического характера. Но начинал Н.В. Ремезов как автор этнографических, публицистических статей. Далее публикуются работы «раннего» Н.В. Ремезова, которые, наверняка, основывались на материалах, собранных во время частых разъездов автора (землемера по профессии) по Уфимской губернии. По всей видимости, редактор неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич, в таком большом объеме печатавший Н.В. Ремезова, хотел в лице молодого землемера найти замену своему бывшему основному автору на историко-краеведческую тематику Р.Г. Игнатьеву. Тот уже был стар, проживал в Оренбурге и мало сотрудничал с уфимской газетой. Конечно, у Ремезова был более низкий образовательный и культурный уровень, но Николай Владимирович отличался бойким стилем, умением заметить интересный материал, а также ценной являлась его профессия. Он много ездил по Башкирии. Но Н.В. Ремезов жил двойной жизнью, в эти же годы (1881–1883 гг.), печатая милые этнографические заметки в уфимском официозе, он под псевдонимом «Певцов» в казанских газетах публиковал разоблачительные материалы об уже давно закончившемся и запрещённом правительством расхищении башкирских земель (а также широко осуждённом российской прессой, начиная со статей П.И. Добротворского)².

Можно предположить, что Н.В. Ремезова отнюдь не прельщала перспектива повторить судьбу Р.Г. Игнатьева – нище-

¹ Ремезов Н.В. Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986; Акманов А.И. Ремезов Николай Владимирович Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 5. II – Советы / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа, 2009. С. 282; др.

² Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 39–42.

го престарелого краеведа, всю жизнь скитавшегося, не имевшего ни кола, ни двора, многочисленные статьи которого были плохо известны даже в соседних губерниях и быстро забывались в самой Уфе. Ему хотелось славы и гонораров сейчас и сразу.

Ранние работы Н.В. Ремезова в уфимских «ведомостях» содержат массу интереснейших наблюдений по истории и этнографии нашего края.

М.И. Роднов

№ 12. Путевые записки

Табынск 8 марта 1881 года.

Село Табынск при начале своего существования здесь, в башкирском крае, было основано монастырскими крестьянами, ещё в конце 1600 годов и составляло небольшую слободу, называвшуюся Монастырскою. В 1736 году здесь определено Кириловым построить крепость. Причина возникновения крепости объясняется так. Мурза Клыч Арасланов, (потомки которого и теперь проживают в деревне Сеитбабиной (Мурзанаевой) верстах в 20 от Табынска), предводительствовал небольшою шайкою башкир, и желал отложиться от России. Он умел делать порох, но у него небыло орудий; хотя и были ядра. Тогда он просверлил дуб, из него сделал пушку. Зарядивши, шайка поехала пробовать её по Монастырской слободке; поставили среди дня на Воскресенской горе, находящейся от поселения в 4–5 верстах и выстрелили. Удар был удачен. В слободке упала какая то деревянная башня. Перепуганные жители стали приготовляться к обороне и послали в Уфу гонца с известием о происшествии, а Клыч Арасланов с товарищами ушёл в горы. Вскоре здесь появились присланные из Уфы казаки с атаманом и они положили основание крепости, которая и названа *Табынскою*. Как большинство старинных крепостей в этом крае, она была обнесена тыном, валом и в разных местах устроены были батареи, сохранившиеся до сего времени. Одна из таких батарей находится теперь в середине села и занята постройками; другая находится на острове при устье Усолки в Белую, образуемом этими реч-

ками, третья у Воскресенской горы, зовущаяся ныне местными жителями городком и четвёртая близ р. Усолки в 3-х верстах от села. Первая невидна, а последняя хорошо сохранилась. Как только Клыч Арасланов проведал о постройке крепости, то собрал большую шайку. Они снова появились на Воскресенской горе, утвердились на ней и стали стрелять в крепость из пушек, ружей и из луков стрелами. Последними они наносили вреда больше, чем первыми. Казаки сначала отбивались и наконец взяли гору приступом, а башкиры бежали. Казаки победили, но эта победа досталась им очень дорого: они не досчитались половины своих товарищей, а башкиры валялись горами и редкий из них воротился здрав в свои родные, горные аулы. На этот раз Клыч-Арасланов напал на крепость не с целью уже пробы своих дубовых пушек, а с твёрдым намерением вытеснить отсюда русских. До тех пор местность эта принадлежала башкирам и тут были у них роскошные кочёвки и даже зимовки. Некоторые из существующих урочищ, находящихся вокруг Табынска, имеют совершенно чистые башкирские названия, доказывающие их древнюю принадлежность башкирам. Так озёра *Булаково*, *Сабаево*, и *Шумаево* названы так потому, что возле них жили башкирцы Булак, Сабай и Шумай, имена собственные непереводаемые на русский язык; речка *Бурдылда* названа так, тоже по имени башкирца жившего около этой речки; *Тар-елга*, (узкая речка); *Карамалы-елга* (Вязовая речка); озёра *Ак-куль* (Белое), *Как-куль* (непереводное на русский язык), *Тачи-куль* (Найди-озеро), *Уразбай-куль* (Ураз имя башкирца, а куль по переводу равно озеру), *Явлы-бай* (Явлы имя башкирца, бай богатый)). Затем все другие названия урочищ состоят из совершенно русских имён: *гора Воскресенская*, названная так потому, что вышеписанная битва была в Воскресенье и на эту гору после по Воскресеньям ходили молиться Богу; около этой горы протекающая речка носит тоже название *Воскресенки*; *Атаманская канава* – это небольшая речка, которую прорыл на свои средства и помочами, дослужившийся до этого звания из местных казаков, атаман Гребеньщиков в 1820 – 30 годах, для постройки первой здесь мукомольной мельницы, которая потом п[о]ступила в казну и теперь находится в её ведении под именем *Гребеньщиковской*. Вершину этой канавы составляет р. Воскресенская, которая до прорытия канавы, уходила в болото; но когда получилась возмож-

ность стекать воде на низ, то болото вскоре высохло и обращено в пашню; рр. *Ольшанка*, *Усолка*, названная так по солёной воде; озёра Кривое, Рыбное, Карасево, объяснение происхождения их названий совершенно лишни, так как они весьма точно определяют свои качества.

Село Табынск расположено по правую сторону реки Белой, при устье р. Усолки, на равнине. С севера, востока и юга его окружают горы верстах в 5 от самого поселения, покрытые лесом, а с запада, так называемая арёма, т. е. поёмное весною место, заросшее мелким дровяным лесом. Выходит что село по своему местоположению не представляет удобный и выгодный стратегический пункт для постройки крепости, как наприм. Уфа, Бирск, Заинск и др., а Табынск расположен как бы в котловине и скорее представляет больше выгод для нападающих, чем для охраняющих. Но она была важна тем, что здесь шла большая дорога на нынешние Авзянские заводы, а в то вр[е]мя соединявшая зауральских башкир с прибельскими, и ещё тем, что своим существованием обеспечивали возникавшие здесь новые поселения и устраивавшиеся Богдавленский завод и вероятно мысль о постройке крепости и завода исходила одновременно. Когда же были построены Авзянские и Белорецкие заводы, то по существовавшей дороге стали доставлять отсюда в них хлеб и другие провианты. Магазины, где хранились эти припасы, существовали здесь ещё на памяти старожилков. Когда был проведён новый, коммерческий тракт от Стерлитамака до Верхнеуральска, чрез сказанные заводы, то дорога близ Табынска была брошена и поросла лесом, так что летом езда по ней невозможна и если иногда зимою проезжают, то только для хозяйственных потребностей в лес.

Первые поселенцы Табынской крепости были казаки, которые водворясь здесь, вытеснили башкир в другие дальние места. Вскоре к казакам стали прибывать для заселения и службы белопахатные солдаты. Это сословие не платило никаких податей и было обязано селиться во вновь заведённых крепостях и при случае отбывать военную службу. Из таких поселенцев в Табынске осталось только несколько дворов: Шапошниковы, Карасевы, Канонеровы, Барисовские и др., а остальные ещё в 40 годах разошлись по сторонам.

Название *Табынск* произошло, по моему мнению, (провенному лицами хорошо знающими башкирский язык и

башкиром, знающим хорошо русский язык (чиновником) от башкирского слова *Табын*, имя родоначальника или семейного главы одного башкирского рода, именующегося Табынским, и в настоящее время распавшегося на несколько более мелких родов или тюрб: Дуван-Табынский, Кси-Табынский, Тюкун-Кси-Табынский, Биш-аул-Табынский, Калчир-Табынский и др., и названа крепость так потому, что она построена была в середине земель, принадлежавших Табынскому башкирск[о]му роду и следовательно, судя по названию, отдалённые башкиры сразу определяли её местонахождение.

Первые поселенцы захватили в своё владение не только ту местность, которая считается теперь за с. Табынским, д. Антоновкой и д. Татарским Сасыкулем (последняя заселилась до 1800 годов по припуску от табынцев, для гоньбы подвод), но гораздо шире; именно: гора Курман-тау, место поселения Богоявленского завода; р. Чесноковка с местом бывшего солеваренного городка, были некоторое время в их владении и отошли от них с устройством богоявленского завода, который был сооружён при содействии того же Кирилова, во владение Мясниковых; а даже по левую сторону между Белою и озером Ак-куль, как и гора Курман-тау отошли по решению споров башкирам в 1820 годах.

На южном склоне Воскресенской горы, есть несколько довольно глубоких, но сухих воронкообразных ям. В боку одной из таких ям, есть отверстие в гору – это пещера. Мой рассказчик кр. Борисовский посещал её с двумя казаками в 30 – 40 годах исключительно из любопытства. Они отправились в неё летом, после обеда, захвативши по сальной свече и один лом. Несмотря на то, что пробыли там очень долго, они не достигли конца пещеры и принуждены были воротиться, так как свечи догорали, а когда вышли, то стояла уже ночь. Дышать им было в ней свободно и свечи горели хотя и тускло, но всётаки достаточно освещали своды. Пещера это состоит из нескольких отдельных гротов, соединённых между собою небольшими отверстиями, в которые однако человек проходил свободно. Эти корридоры идут на расстоянии от 1 до 2 сажен. Дно пещеры неровное и на нём валялись камни довольно значительной величины, а свод состоял из громадных висячих камней, готовых ежеминутно упасть. В стены они часто ударяли ломом и всегда получали звук, доказывающий, что здесь естественная стена. При обратном выходе

они заметили в стене одного из гротов как бы заваленный вход камнем, резко отличающимся от других. После ударов в него, посыпался песок и самый камень будто стал таять. Они ещё повторили удары, песок всё сыпался, а потом показался за небольшим отверстием ещё грот – боковой; но неимевши запасных свечей, они должны были отказаться от дальнейшего и воротились. Полагают, что этот грот был завален нарочно одним из подвижников, обитавшим и умершим в этой пещере. Заинтересовались они и решили отправиться в этот грот в следующее Воскресенье; но это им не удалось. «Бог видно не допустил», вздохнув, глубокомысленно заключил мой собеседник и перешел к другому рассказу.

Бывший на речке Чесноковке, в 4 верстах от Богдавленского завода, монастырь и солеваренный городок, были разграблены разбойниками-башкирами, ещё до устройства Табынской крепости. Но разбойникам не удалось почему то унести с собою награбленное богатство и они бросили его в одну из пещер, а вход закрыли плитой. Эта пещера находится на левой стороне р. Чесноковки, в 3-х верстах от её устья в речку Усолку, немного ниже горы, которая зовётся *Белым камнем*. Невзначай на эту пещеру натыкались многие; но кто ходил искать её нарочно, то не находил, как будто её не существует. Входи[т] же в эту пещеру решались немногие и преимущественно башкиры. Богатство, положенное в ней состоит, как гласит предание, из золотых и серебряных монет и вещей, и лежит оно недалеко от входа на полу совершенно открытым. Когда башкиры, набрав добычи столько, что в силах были поднять, хотели выходить, то делались слепыми, почему и не находили выхода. Побросавши набранное, зрение им возвращалось снова и когда они вторично взяли казну, с ними повторилось тоже. В страхе они опять бросали набранное и выбегали. Эта молва ходит в народе уже давно и смельчаков ещё не появлялось. Один из хороших приятелей рассказчика, почтенный старичёк-казак, когда то живший в Табын[с]ке, но выехавший на Оренбургскую линию, нарочно приезжал оттуда, чтобы воспользоваться этим кладом. Он видал его и прежде, а теперь, вероятно узнавши секрет как заполучить его, явился сюда и отправился один к Белому камню. Но сколько он ни ходил, всё не попадал на пещеру. Уставши, ему захотелось заснуть. День был летний, тёплый и он лёг под дерево и заснул. И чудный ему приснился сон.

Приходит к нему какой то человек, берёт за руку и ведёт с собою к одной молодой осине, велит влезть на неё и смотреть на западную сторону, где была пещера. Затем велел ему слезать, но когда казак слезал, то обломил у дерева сучёк, который и упал на землю. Затем они снова отправились на место, где он спал; уходя от него неизвестный сказал, что напрасно старик беспокоится, его жизнь уже закатывается. Проснулся казак – и чудо, будто всё это случилось с ним на яву. Отправляется он к осине и действительно находит возле неё сломленный сучёк. Он влез на осину, посмотрел к западу и увидал пещеру, но туда уже не пошёл, а воротился в селение и рассказал случившееся. Он уехал обратно на линию и после говорили, что в скором времени, по прибытии домой, он отдал Богу душу.

Н. Ремезов.

(Уфимские губернские ведомости. 1881. 9 мая)

№ 13. Васильев вечер в деревне новой Панковой (уфимского уезда)

Вечер накануне нового года (1-го января), называется Васильевым. Время это – середина святок, празднование которых известны и более или менее однообразны везде; но помимо их, в этот вечер русскими крестьянами некоторых деревень уфимской губернии совершается особый обряд называемый *коляда*. Обряд этот в д. Ново-Панковой состоит в следующем. Девушки, ещё в сумерки, собираются в какуюнибудь избу, преимущественно в ту, в которой они устраивают посиденки и вечёрки, где дожидаются вечера и уговариваются относительно устройства празднества. Лишь только вечер наступит, они, в сопровождении целой толпы ребятишек, отправляются по селению и подходя к крайнему дому, стучат в окно со словами:

- Дедушка, посконна борода, не спеть-ли Авсянку?
- Ненадо, отвечают из избы смеясь, – плохо чествуете.
- Дедушка, золотая голова, вели спеть девушкам Авсянка!
- Ненадо, опять тут отвечают из избы.

Тогда девушки начинают уже приставать, стучат в рамы, стены и перебрасываются с находящимися в избе хозяевами,

остротами, шутками и т. п.; наконец из избы слышится голос: спойте!

Всё быстро успокоивается, наступает тишина – и девушки общим и дружным хором начинают петь песню старику хозяину.

«Мы ходили, мы гуляли
По святым вечерам.

Ой Авсень, ой Авсень!¹

Мы искали поискали
Семёнов² двор.

Семёнов-то двор
На прикрасе стоит.

На прикрасе стоит
На крутой на горе.

На крутой на горе,
Столбы точёные.

Столбы точёные,
Позолоченные.

Посередь-то двора
Стоит горенька нова.

В этой гореньке
Краватушка тесова.

На краватушке
Перинушка пухова.

На перинушке
Семён государь.

Для Семёна-то
Маринушка³,

Середь-то их
Малы детушки.

Не светел-то месяц –
То Семён государь.

Не красно-то солнце –
То маринушка.

Не часты-то звёзды –
Малы детушки.

Ой Авсень, ой Авсень!»

¹ Этот припев повторяется после каждых двух строчек – прим. автора.

² Имя хозяина двора – прим. автора.

³ Имя жены хозяина – прим. автора.

Ой Авсень, ой совсем! шутливо прибавляют они и за тем быстро переходя с плавного и серьезно-торжественного напева на весёлый и скорый, приплясывая поют:

«Коляда, маяда,
Подавай пирога,
Не дашь пирога
Я корову за рога!»

– Ух!!!... начинается суматоха... Из избы выходит хозяйка и выносит поющим нарочно приготовленные разные съедобные пироги, каракульки, а некоторые богатые – и деньги. Но как бы специальным [в]ознаграждением за песни преимущественно служат поджаренные свиные ножки, которым иногда посвящаются целые присказки.

Если в доме есть женатый сын, то ему поют особую песню:

«Летел голубь ворковал
Ворковал, сударь, ворковал,
Ворковал, сударь, ворковал.
К терему припадал
Припадал, сударь, припадал,
Припадал, сударь, припадал¹
Что в тереме говорят?
Иван жену величат,
Семёныч жену величат.
Ты Матрёнушка моя,
Васильевна ты моя.
Роди сына сокола
Лицём белым, как и я.
За заслугу за твою
Куплю нитку жемчугу.
Носи жемчуг не жалей,
Качай дитя, да лелей

Затем начинают петь его жене:

По сеням было по сеничкам
По частым переходичкам.
Тут гуливала погуливала
Молода душа боярыня
Матрёна Васильевна.
Она буживала, побуживала

¹ Припев в этой форме повторяется после каждого стиха – *прим. автора.*

Своего ли друга милова
Григория Семёныча
Уж ты встань проснись, милый друг,
Пробудись, душа, отецкий сын.
Оторвался у нас ворон конь,
От столба, столба точёного,
От колечушка серебряного,
От другого позолоченого.
Он ворвался во зелёный сад.
Весь зелёный сад примял притоптал,
Он и со вишнею и грушею,
Со чёрной ягодой смородиной,
Со цветами со лазоревыми,
Со духами со анисовыми.
– Нетужи, моя боярыня,
Матрёна Васильевна,
Наживём¹ мы с тобой зелен сад
И с вишнею и грушею,
Со чёрной ягодой смородиной,
Со цветами со лазоревыми,
Со духами, со анисовыми».

Если в доме есть холостой парень, то ему поют:

«Розан мой розан
Виноград зелёный.

А кто у нас холост,
А кто не женатый?

Розан мой розан,
Виноград зелёный².

Николай-то холост
Семёнович не женат.
По горницы ходит,
Манер³ выступает.
Манер выступает,
Сапог не ломает.
Сапог не ломает,
Чулок не марает.
В зеркало глядится,

¹ Или: отольём – прим. автора.

² Этот припев повторяется после каждых двух строк – прим. автора.

³ Манерно, фигурно – прим. автора.

Сам собой дивится.
Хорош уродился
Пригож снарядился.
На крыльцо выходит, –
На коня садится.
На коня садится:
Под ним конь веселится.
Он плёткою машет;
Под ним конёк пляшет.
К лугам подъезжает:
Луга зеленеют,
Луга зеленеют,
Цветы рацвetaют;
Цветы рацвetaют,
Пташки распевают;
Пташки распевают,
Девушки встречают;
Девушки встречают,
На руки примают,
За столы сажают
Вина наливают.
Вина не простого
Любит холостова.
– С вина пьян небуду
Я вас не забуду:
Поеду жениться
Заеду проститься».

Кроме той песни, которую поют девушки женатому сыну,
если в доме ещё есть женатые сыновья, то им поют:

«У голубя, у сизова
Золотая голова,
У голубушки головушка } 2 раза.
Серебряная.
Тут и голубь, тут и сизый:
Василий Государь.
Тут и голубь, тут и сизый:
Семёнович государь.
Что сиза его голубушка:
Просковьюшка.
Что сиза его голубушка:
Михайловна.

Большой братец, малу братцу } 2 раза.

Позавидовал жене.

Кабы эдака жена } 2 раза.

У меня, братец была

Я умел-бы разумел } 2 раза.

За женою как ходить

За женою как ходить } 2

Хорошо её водить.

Я бы летом, я бы тёплым } 2

На коляске прокатил.

Я зимою студеною } 2

В новых крашенных санях

В новых крашенных санях, } 2

На лихих бы лошадях.

На извощике кафтан } 2

Тонко-серого сукна.

Тонко-серого сукна, } 2

И Московского шитва

Уж вы нути-ко, ребята } 2

Приударьте вы коня

Приударьте вы коня } 2

Распотешьте молодца

Я за то его потешу } 2

Что один сын у отца.

Единое детище,

Любимое взглядище».

Или:

Виноград расцветает,

Виноград расцветает,

А ягода, а ягода } 2 раза.

Созревает.

Виноград сударь,

Виноград сударь,

Виноград сударь } 2

Григорий государь.

А ягода, а ягода

Матрёнушка душа

А ягода, а ягода } 2

Васильевна хороша

Им люди, им люди

Им люди дивовалися

Им добры то дивовалися. 2
Что хорош,
Что пригож,
*Во совете друг живёт } 2 раза.
Во великой во любе*

Не дивуйтесь люди,
Не дивуйтесь добры
А вы сами, а вы сами
Такого-же хороши
А вы сами, а вы сами
Во великой во любе».

Когда песни будут спеты всем взрослым обывателям избы, толпа отходит к другой и т. д. обойдут всё селение. Во время сильных морозов девушки входят по приглашению в избы и уже поют там. По окончании обхода все собираются в общую избу, где проводили сумерки и всё набранное разделяется поровну между участвующими.

Затем время до полуночи употребляется на приготовления к гаданиям. В этих гаданьях конечно принимают большее участие девушки, как более интересующиеся своей судьбой, но и парни почти с таким же любопытством заглядывают в будущность. Темами для гаданий наиболее служат: выход замуж, женитьба, жизнь или смерть, солдатчина и т. п. Для гаданий девушки расходятся иногда по своим домам, а иногда производят это общию компаниею; также и парни, но последние большою частью гадают в одиночку.

Для гаданий служат весьма разнообразные приёмы, большою частью зеркало, для вызова жениха или невесты, и литьё растопленного воска или олова в ковш воды, чтобы определить смерть или жизнь, смотря по вылившейся фигуре, (гроб значит смерть). Но и кроме этих двух популярных приёмов, народ создал очень много интересных посредников с будущим. Так девушки, для определения: выйдут они замуж в следующем году или нет; за богатого или бедного; как будут жить, счастливо, весело в согласии, или наоборот; разрешают все эти разнообразные вопросы одним приёмом – гаданьем чрез посредство петуха. Для этого в избе ставят на пол ковш с водою и рядом с ним кладут горсть зёрен какого либо хлеба, и снявши с наседла сонного петуха ставят его пред водою, и зёрнами загадывают о женихе. Если петух начнёт «корчиться», то значит муж будет ленивый; если запо-

ёт – весёлый и добрый, а если при пении начнёт махать крыльями, то – безпокойный и злой; если будет воду пить – пьяница; зёрна клевать – богатый и добрый; а если запрыгает и закричит – драчливый.

Второе гаданье состоит в том, что девушки целой компанией отправляются к бане и недоходя сажен трёх останавливаются; желающая гадать подходит к бане и кладёт правую руку в дымовое окно и загадывает о своём женихе. Если на руке почувствуется прикосновение чего то неизвестного мохнатого и тёплого, то результат благоприятный, а если жёсткого и холодного, то на оборот: Это повторяют поочерёдно все девушки. При этом гадании часто случается, что ребяташки, узнав в какой бане будут гадать девушки, из любопытства забираются в неё раньше их прихода и затем сообразно с девушкой и её желанием гладят их руки шубою, лучиною или просто рукой.

Третье гаданье состоит в том, что девушки по одиночке выбегают на перекрёсток, загадывая о женихе, и в какой стороне послышится звук: ржанье ли лошади, лай собаки и т. п. – значит в той стороне живёт и жених.

Четвёртое. Отправляются по одиночке к проруби и оставившись лицом к месяцу, так чтобы на проруби небыло видно тени, смотрят в воду, приговаривая: [«]суженый, ряженный покажись ко мне». Через некоторое время в прорубе должно показаться лицо жениха.

Пятое. Девушка печёт пирог (пресный) и «развязавши на себе все узлы», снимая крест, распустивши косу и в одной рубашке садится за стол, на который должны быть положены в противоположной от неё стороне пирог, нож и вилка. При этом она приговаривает: «суженый, ряженный приди ко мне поужинать». В избе кроме неё не должно быть никого, также как и никто не должен знать о том что она гадает. Суженый приходит, садится с противоположной стороны и тут девушка рассматривает его. Чтобы явление исчезло, она должна перекреститься и сказать «аминь».

Шестое. Девушки раздевшись, бросаются в сугроб снега и быстро встают. Если к телу снег пристал, то выйдет замуж за хорошего и богатого жениха, а если на оборот, то за бедного – или вовсе не выйдет.

Седьмое. Парни садятся верхом на лошадь, завязав ей глаза на дворе и выезжают на улицу, направляя её из ворот

прямо. Куда она сама заворотится и пойдёт, т. е. в какую сторону, там живёт и невеста.

Осьмое. Девушки выбегают из избы и спрашивают прохожего: «как зовут жениха?» ответ его и будет искомое им, а если ответ получится безсвязный, то замуж не выйдут. Тоже делают иногда подбегая к какой либо избе.

Кроме описанных гаданий существует много и других.

Когда гадания кончатся, то девушки и парни собираются опять в общую избу и тут уже начинается вечерка – танцы, песни, игры и т. п., которые часто продолжаются до света.

Мне передавали, что в селе Шемяке, уфимского уезда, в Васильев вечер на перекрёстках улиц раскладывают огни (костры), если нет ветра, которые поддерживаются до свету следующего дня, и молодёжь возле этих огней, окарауливая их, поёт песни и пляшет. Тут бывают и взрослые мужики и старики, которые обыкновенно держатся в стороне.

Этим огнём сжигается старый год и очищается новый, как весной очищаются огнём поля от сорных трав...

Николай Ремезов.

(Уфимские губернские ведомости. 1882. 2 января)

№ 14. Этнографические наброски. Судьба

Вера в сверхъестественную определённую положения вещей, называется *фатализм*. Это название происходит от латинского *fatum* и по русски означает – рок, судьба. Верование в судьбу было у всех народов как в древности, так и теперь, и, может быть, будет всегда у людей до тех пор, пока умственное развитие достигнет своей апогеи в массе народа. Но это, конечно, едвали возможно. Люди всегда будут, по своим индивидуальным и физиологическим условиям жизни, различаться в своих умственных способностях – и это будет вечным признаком существования веры в судьбу, как и в счастье. Судьба и счастье – это близнецы и одна без другой существовать не может.

Эта вера в судьбу была в древности у римлян, от которых позаимствовано и самое название, и она же служила основанием магометанской религии. Я бы мог привести длинную историю этого верования, прошедшего все века и у всех народов, но достаточно и этих указаний. Я остановлюсь на

этом веровании у обитателей уфимской губернии.

Всем известна русская пословица: «чему быть – того не миновать»: это – судьба. В песнях также часто упоминается это слово; например в песне «Не брани меня родная», есть такой прекрасный стих:

«Знать судьба моя такая,
Что должна его любить!»

Но всего интереснее и поэтичнее изображает судьбу предание у башкир. Судьба, по этому преданию, олицетворяется в женщину с одним глазом на темени. Она потеряла своих детей (а это было очень давно), и с тех пор по ночам ходит по земле и ищет их между людьми. Она подходит к спящему человеку, осторожно берёт его и поднимает к глазу. Если она признает его за своего ребёнка, то целует и бережно кладёт опять на землю. Она следит потом во всю его жизнь и невидимо помогает ему, отчего этот человек становится счастливым и про него говорят, что «судьба ему покровительствует». Если же в приподнятом человеке судьба не признает своего ребёнка, то бросает его и мстит ему во всю жизнь. Этот человек становится несчастным, и что он ни захочет сделать, и что он ни делает, ему всегда неудача. Эти несчастные люди на земле всегда говорят: «меня постигла роковая судьба!»

Николай Ремезов

(Уфимские губернские ведомости. 1882. 23 января)

№ 15. Корреспонденция Н.В. Ремезова от 30 января 1882 г.

Уфа. 30 января 1882 года.

Наша общественно-увеселительная жизнь крайне бедна своим содержанием: клуб, катанье и гулянье по Казанской улице – и только. Другого ничего нет, и обывателям предоставляется проводить время по домашнему, патриархальному... Всякое нарушение этой патриархальности, в роде спектаклей и концертов любителей, составляет для нас *событие*, которое нельзя обойти молчанием. Насколько они редки, на столько и *неоценённые*. Насколько внимательно к ним относится общество, видно из того, что оно с каким то лихорадочным нетерпением ждёт их – недождётся и бросается на

них с какою то жадностию. Это выражается в том, что ни в один спектакль или концерт не оставалось в залах ни одного свободного места и часто даже не хватало билетов для входа. Подобное явление крайне важно.

высказавши взгляд на положение общественно-увеселительной жизни города, мы не можем не приветствовать такого отрадного явления как любительские спектакли и концерты и пожелать при этом более частого их появления. Мы вполне разделяем то мнение, что легко только сказать устроить концерт или спектакль, но не так то легко это выходит на деле. Для тех, кто не знает, кто незнаком со всеми сопряжёнными при устройстве спектаклей трудами и хлопотами, мы и решились высказать, что к подобного рода деятельности лиц можно относиться только с чувством глубокого уважения и благодарности. Да и перед тою целью, которой жертвуется труды и время – целью *благотворительною*, мы преклоняем голову. Наск(о)лько нужно много труда и умения устроить благотворительный спектакль или концерт, настолько же много труда, времени, способности и даже личных денежных затрат, для участвующих в них. Мы не пускаемся в критическую оценку самого исполнения задач, да здесь и не место, для нас важна лишь та цель, с которою устраиваются они, а цель эта *святая*. Это становится для нас тем более важным и отрадным, что приводит к сознанию, к убеждению, в существовании между нами людей, желающих служить обществу своими способностями и уделить ему на пользу часть своего труда и времени, что теперь составляет насущную потребность и что в свою очередь нельзя не приветствовать с живою радостию.

Подобные мысли были вызваны концертом любителей 29 января, о котором мы немного и распространимся. Концерт этот устроен с благотворительной целию; сбор назначен в пользу оканчивающих курс гимназистов, почему и преобладающий элемент участвующих в нём были воспитанники гимназий. Об исполнении последними своей задачи мы и сочли не лишним сказать несколько слов. Хор гимназистов исполнял свои пиесы весьма не дурно и было заметно, что в подготовке пиесс участвовал опытный руководитель. Хором управлял гимназист Брюсянин; в особенности выдавался голос гимназиста Забусова, милый дискант, с каким то грустным бархатным оттенком. Гимназисты Николаев (тенор) и

Барсов (баритон) исполнили дуэты весьма живо и с чувством. Гимназистка Курбатова (soprano) исполнила в особенности хорошо две русские песни. Все исполнения вызывали гром(к)ие и долгие рукоплескания.

Присутствующему в концерте нельзя было не заметить той отличительной черты, что когда исполнялись *русские песни* общество следило за пением с особенным вниманием и исполнение их вызывало истинный восторг, торжество и привет.

Николай Ремезов
(Уфимские губернские ведомости. 1882. 6 февраля)

№ 16. Этнографические эскизы. (Воспоминание)

При проезде моём через Иштерьяковский винокуренный завод, (при котором раскинулась небольшая деревушка), находящийся в Мензелинском уезде, в центре башкирских селений, в горах и в лесах, мне рассказывали следующий случай, происшедший в нём незадолго до моего приезда.

В магометанский праздник «Курбан-Байрам», у башкир той местности существует обычай, в котором не малую роль играют куриные яйца. В этот праздник башкирские молодцы, пешком или верхами на лошадях, ходят по своему селению из двора в двор и им дают по одному или более, смотря по щедрости хозяина, куриных яиц. Все собранные яйца складываются в лукошко (род корзины) и к нему привязывают дугообразную ручку. Это лукошко ставится где нибудь в поле, на видном месте. Затем молодцы, отъехав от лукошка версты на 4 и более, становятся в ряд и по данному сигналу скачут к нему. Первый подскакавший должен схватить лукошко за ручку, ускакать от своих сотоварищей и обмануть их, переменив путь свой по собственному усмотрению. Если это удаётся, то счастливец ожидают безконечные похвалы и подарки девушек, а лошадь получает славу скакуна на целый округ, чрез что ценность её значительно увеличивается.

Незадолго до моего приезда в Иштерьяк, по случаю Курбан-Байрама, в окрестных башкирских селениях происходила описанная скачка и одному удалцу посчастливилось подцепить лукошко, с которым он и понёсся далее, по дороге

через селение, затем мимо завода и усадьб. Обогнув последние, и прикрытый ими, от гнавшихся за ним с гиком и шумом сотоварищей, он ускакал по тропинке в близ растущий кустарник.

В усадьбе в это время у управляющего был обед. За столом сидело его семейство и гости. Они видели, что мимо окон проскакал башкирин и не обратили на это ни малейшего внимания. Но вдруг с ужасными криками несётся целая ватага башкир, более пятидесяти человек; они скачут во всю мочь чрез деревню, останавливаются около дома управляющего и кто в ворота, кто чрез забор, бросаются во двор искать похитителя; некоторые даже бросились в дом. Обедаящие до того перепугались, что схватились за ружья... дамы попадали в обморок, а дети подняли страшный визг... хаос царил полнейший. Мущины наконец встали в оборонительное положение и с взведёнными курками ружей, приготовились встретить незваных гостей. Но вот одному из башкир, как то удалось рассмотреть похитителя скачущего по горе недалеко от усадьбы. Несколько возгласов – и вся компания бросилась на лошадей и снова поскакала. Но удалец уже своё дело кончил и посмеиваясь дожидался товарищей.

Николай Ремезов.

(Уфимские губернские ведомости. 1883. 1 января)

№ 17. Этнографические эскизы.

Легенда о происхождении курительного табака

Прежде люди не знали о табаке и не курили его, а табак пошел в ход так. Один человек очень бедный, любил девушку очень богатую и она также любила его, но тайно от своих родных. Они много раз виделись, также тайно, в поле и в лесу. Только им не захотелось продолжать свою тайную любовь и они желали повенчаться. Молодой человек и стал свататься за эту девушку; но богатый её отец, братья и другие семейные и родные с позором выгнали его из своего дома за его нахальство, как они называли это сватанье. После этого родные девушки стали следить за нею, и влюблённым уже не представлялось ни малейшей возможности свидеться. В скором времени молодому человеку нужно было ехать очень да-

леко – заморе. Тогда, перед отъездом, он пошел проститься хоть с теми местами, где они виделись, и на них в знак памяти нарвал целую охапку листьев большой травы. Когда он поплыл морем, то жевал эту траву: он предполагал, что трава предохранит его от заболевания зубов – цынги, которая появляется у моряков. А когда он приехал на землю, то листья эти высохли и он начал их курить, потому что он заметил, что трава дурманит голову и в этом находил успокоение в разрыве с милой. Когда другие узнали, отчего у него не болели на море зубы и дурманит голову, то стали делать тоже, и с ними были те же последствия, а после по их примеру стали жевать и курить эту траву много людей и назвали её «табак», от поговорки того молодого человека, который, когда рвал траву, то приговаривал «ну моё дело теперь совсем табак», то есть не возвратимое, потерянное.

Записано с подлинных слов рассказчика в с. Берёзовке Уфимского уезда.

Приметы.

Если у человека нос холодный, то это верный признак его смерти. (Д. Любимовка Бирского уезда). Если в избе заведутся чёрные тараканы, то лошади и вся скотина будет «к дому».

Если тараканы будут уходить из избы толпами в поле – быть пожару. (С. Рязановка Стер. уезда). Если человек в молодости так крепко спит, что нужно слишком большое усилие, чтоб его разбудить, с ним под старость будет водянка.

Весною, если поймать первого попавшегося шмеля и завязать его живого в тряпочку, в узелок, значит поймали счастье. (Д. Миловка Уфимского уезда).

Если кукушка кукует на *голый лес* (т. е. весною, когда ещё лист на деревьях не распустился) – к неурожаю. (Там же).

От испуга ребят парят в бане, причём на каменку кладут траву чертополох. (Д. Растреляева Бирского уезда).

Чтобы придать лицу здоровье, свежесть и белизну, нужно после первого весеннего грома и дождя умыться дождевой водой. (Уфа).

Верба распускает почки за месяц до наступления зимы. (Д. Семёновка Бирского уезда).

Чтобы водились пчёлы, некоторые пчеловоды первый рой одевают в саван и зарывают его под воротами своего дома. (Д. Максимовка, Уфимского уезда).

Если змею ударить потным кнутом, то она делается по-

корною и не может принести ударившему её человеку вреда (потный кнут тот, которым бьют вспотевшую лошадь. С. Монастырь Казанской губ. на Каме).

От ужаления пчёл самое лучшее средство в туже минуту провести по ужаленному месту сталью (ножом и т. п.), которая уничтожает живо боль и опухоль. (д. Растреляева Бирского уезда). Как говорят мужики-пчеловоды, это лучшее, радикальное, испытанное средство.

Николай Ремезов.

(Уфимские губернские ведомости. 1883. 29 января)

№ 18. Этнографические эскизы. Крестьянская свадьба в селе Ургуше, Бирского уезда

Когда парню исполнятся лета, т. е. 18–19 тогда родители его подумывают об его женитьбе и высматривают невесту сообразно своему взгляду. Большею частью выбор невесты вполне зависит от воли родителей, а жених остаётся в стороне; только если сын бойкий, он указывает невесту сам и в таких случаях всегда на ту девушку, с которою он заранее «спознался». Такой оборот дела крайне не одобряется крестьянами и родителями, а в особенности если невеста не по их вкусу. Приёмьши могут вступать в брак с детьми принявших их лиц.

При вступлении в брак между женихом и невестой отношения в летах существуют весьма различные. Большею же частью невесты бывают старше женихов. Парню напр. 18–19, невесте 23–25; но невесты старше этого возраста считаются уже отжившими, и их сватают, или тогда когда они богаты, или же те мужчины, которые старше или, по крайней мере, их сверстники.

Браки бывают двух родов: добром или убёгом. Первый брак совершается обыкновенным образом, второй же разделяется на два вида: с согласия стариков невесты и тайно от них.

С согласия своих стариков невеста бежит тогда, когда не на что играть свадьбу и дать приданое, что весьма часто случается у бедных. Но это согласие держится в большой тайне и родители невесты пируют у жениха на третий день свадь-

бы. Тайным же убёгом венчаются только тогда, когда родители невесты после сватанья откажут. Самое название *убёгом* уже показывает, что невеста идёт замуж с полным желанием, и подобные случаи бывают зачастую, когда она с женихом «спозналась» заранее. Если же не так, то, во всяком случае, если жених только нравится, её уговаривает к тому какая-либо из родственниц жениха и он сам. Все метрические сведения в таких браках собираются тайно. Жених припасётся к свадьбе совершенно и уговорит попа; невеста же в назначенный час уходит из своего дома, под видом куда-нибудь в гости и т. п., потом и в церковь. Крестьяне к подобным бракам относятся весьма индифферентно: «двое жить будут – третий не мешайся».

После венчания, когда отпирают свадьбу, или даже ещё во время пиროвания на другой день, кто-либо из родственников жениха – отец, мать, братья, их жёны, или ещё кто есть из близких – отправляются к отцу невесты и просят их принять дочь. «Спесивые» «величаются» чрезвычайно долго с месяц и два, а потом соглашаются принять и назначают для этого день, к которому припасают пиво, вино, и другие принадлежности пиროвания. Молодые в назначенный день узнают всё ли готово к их приходу и потом идут с родственниками. По приходе в избу, молятся Богу, невеста бросается в ноги к отцу и матери с прощением, муж же её и другие родственники стоят. Старики обыкновенно прощают и просят новобрачных и их родственников садиться, а потом накрывают на стол, молятся Богу и начинают угощаться «жениховым вином», привезённым им нарочно с собою. Во время пирования совершается как-бы *запой*, на котором присутствуют позванные родственники невесты, а потом пируют у жениха, у родственников и т. д. Богатые этот круг совершают в неделю, бедные попируют только за столом в доме стариков невесты.

Если у брачащихся нет отца с матерью, то их место заступают крестные, братья, снохи, тётки, дяди, одним словом старшие родственники, а если нет и их, когда напр. женятся с чужой стороны, то – по выбору жениха из своих знакомых.

Случаются браки и по несогласию брачащихся, но чрезвычайно редко. Не считая в данном случае за пример к тому, я расскажу следующее наблюдение над житьём-бытьём подобных супругов. В соседнем с Ургушем селе Байках одно

семейство, занимающееся торговлей весьма обширной, женило своего сына 18 лет на девушке также из богатого дома 23 лет. Но эта пара была не любя друг другу, несмотря на то, что и родился сын у них, они жили несогласно. Муж пьянствовал, безобразничал, бил жену и редко называл её по имени даже. Жена же более кроткая только хлопотала по дому. Они жили в общем доме при родителях мужа и несмотря на то, что стариками принимались весьма энергичные меры, побои, розги, ничего не помогало. Муж так опротивел всем домашним и жене, что они с нетерпением ждали когда он уйдёт в солдаты, тем более, что был на очереди. Несмотря на подобного мужа, жена всётаки оставалась верна ему и безропотно, даже скрытно от других переносила его ругань и побои.

Браки по принуждению хотя и бывают, но очень редки. Они могут быть только тогда, когда парень опознавшись с девушкой, обольстит её при этом обещанием, что возьмёт её замуж, между тем не исполнит, а девушка забеременит. В таком случае обезчещенная девица отправляется с жалобой к священнику, который призывает парня и усовещивает его жениться. Если священник ничего не сделает, то жалуются старосте, миру, который, разобравши на сходе дело, уговаривает парня, предварительно освидетельствовавши девушку чрез повитух в справедливости её заявления. Так как по большей части все отношения между парнями и девушками известны миру, укрыться в деревне в сердечных или иных отношениях очень трудно – то мир и принимает сторону обиженной; но всё это заступничество ограничивается только упрёками и если парень не пожелает жениться, то мир принудительных мер не принимает. Был впрочем один случай, когда забеременившая девушка обратилась с жалобой миру на обольстителя. Последнего вызвали на сход, но он отказался и указал, что она имела сношения с прочими. Миру, конечно, это было не безызвестно и он в просьбе девушке отказал.

Когда родители вздумают женить сына, и невеста уже намечена, тогда отец с матерью или ближайшие родственники жениха, если нет стариков, отправляются в дом невесты. При входе помолются Богу, их приглашают садиться. После некоторых разговоров, обыкновенно имеющих, конечно, заключение, относящееся к цели прихода, женихов отец гово-

рит:

– а мы пришли к вам за большим, за хорошим делом; у вас есть невеста, а у нас женишок, с хорошей вестью – со сватаньем.

Так как по большей части приход сватов уже известен заранее, то подобное предложение не составляет новости, и родители невесты, а также и родные успеют уже вдоволь наговориться. Почему если желают дочь выдать замуж, то в чрезвычайно мягких выражениях начинают отнекиваться, что она ещё молода, нужна в дому, что не припаслись к этому и т. д. Обыкновенно подобные разговоры сводятся к тому, что просят дать подумать, посоветоваться с родными, так что сваты иногда ходят до трёх раз и более. Если же не желают отдать, то говорят: «нет отдачи, нечем!» И родители жениха после ещё некоторых разговоров, когда уже совсем убеждаются, что не отдают, уходят. Случается, что если невеста «на славе», то сватов соберут враз иногда от пяти женихов, тут же отец невесты выбирает тех, которым думает отказать, прямо: «нет невесты, не отдадим, ступайте поищите про себя другую». После такого категорического ответа, сваты, немного посидевши, уходят. Иногда так отказывают всем, но если пришли сваты от женихов «по мыслям», то им уже говорят совершенно в иных выражениях и просят навестить после.

Когда уже окончательно надумают отдать, то просят прийти за окончательным ответом: это уже значит, что отдадут, и в назначенное время сваты приходят; им говорят, что отдать согласны и чтобы они приходили с женихом. Невеста определяет своё решение во время сватанья, так что к окончательному решению уже оно известно.

Время сватанья весьма разнообразно, «как поталанить»: если скоро, то дни два три, а если долго – с неделю. Свадьбы совершаются по осени, но большею частью «в большое промежованье» – с крещенья до масленицы.

После окончательного ответа сваты являются уже с женихом, приносят лагуны браги и вина. Они садятся по лавкам, а отец невесты собирает родственников, когда все соберутся, то зажигаются пред иконами свечи и молятся Богу. Сват свату, мать матери и т. д. сколько наберётся пар, дают руки, а третий сват или гость разнимает, у мужчин свой, а у женщин другой – это окончание сватанья. Потом жених садится за стол, с ним рядом по правую руку отец, по левую

мать, рядом с отцом сват, а вино стоит под божницей, между женихом и его отцом; около них за стол садятся также родственники жениха, сколько их придёт, а невестины родственники садятся где попало. Потом вино ставят на стол и наливают, а потом «потребуют» невесту, которую выводит её родственница из-за занавески в той же избе. Все в это время встают, она выйдет, помолится Богу, сделает всем поклон, мать жениха «отодвигается» от него и рядом становится невеста. Затем жених берёт налитый стакан, благословясь отпивает от него глоток и передаёт невесте; она тоже отпивает глоток, поцелуются и опять жениху отдаёт и так передают до трёх раз и целуются, После этого жених с невестой берут поднос со стаканами, не выходя из-за стола и отец с отцом, мать с матерью берут вино чёкаются и пьют, затем невестин отец или брат подводит попарно гостей и все чёкаются и пьют, так повторяется до трёх раз если богатые. Затем накрывают на столы припасают ужин и ставят на столы вино в больших чашках, из которых один какой нибудь гость просится разливать. Во время ужина девушки, подружки, невесты, поют сначала жениху и невесте, а потом и всем гостям песни, за что их дарят деньгами. Когда поужинают, гости остаются пировать, жених отправляется катать на лошадях девушек, а невеста уходит в «куть» к бабам. Когда жених воротится, то все начинают собираться домой. Все прощаются в избе, а жених берёт невесту за руки, выводит её на крыльцо, поцелуются, садится в сани и уезжает, а невеста возвращается в избу.

Этот вечер называется *просватанье*.

Николай Ремезов.

(Уфимские губернские ведомости. 1883. 11 июня)

№ 19. Поземельные меры в Уфимской губернии

(Николая Ремизова)

Когда башкирия была полудикою странною, в ней, само собою разумеется, не существовало никакой поземельной меры; но когда она была присоединена к России, то в ней уже начинают вводиться и русские поземельные меры: является *четверть* или $\frac{1}{2}$ казённой десятины; *десятина* или 3 каз. дес.; *копна* или $\frac{1}{10}$ каз. дес.; *верста* или 416 дес. 1600 са-

жен. Теперь эти меры составляют уже только историческое воспоминание, так как они при генеральном межевании в 1800 г. были переложены на казённые десятины. Последние по закону определяются в 2400 квадратных сажен, или 80 сажен длины и 30 саж. ширины. Но и эта законная мера существует в губернии только для законных определений пространства, где то требуется; на самом-же деле собственно *казённая десятина* встречается в практическом сельскохозяйственном применении весьма редко, а существуют другие поземельные меры, знакомство с которыми и составляют цель настоящей статьи.

Существующие поземельные меры по своему назначению служат для определения трёх видов поверхностей, а именно: пахатных земель, сенокосов и лугов, почему и имеют *три* главных вида.

Мера для определения пахатных земель губернии почти у всех частных владельцев и только частью у крестьян составляют *десятину*, которая по пространству своему бывает различная: а) 2400, б) 2500, в) 3200 и г) 3600 квадратных сажен. При этом каждая из этих десятин, при одном и том же пространстве квадратных сажен, имеет не одинаковые размеры в длину и ширину или неодинаковую фигуру. Так десятина в 2400 кв. саж. имеет или 40 саж. ширины и 60 длины, или 30 саж. ширины и 80 длины; в первом случае она называется «сороковою», а во втором «тридцаткою». Десятин[а] в 2500 кв. саж имеет или по 50 саж. длины и ширины, или 100 саж. длины и 25 ширины. Десятина в 3200 квад. саж. имеет 40 саж. ширины и 80 длины и называется «сороковая хозяйственная», а десятина в 3600 кв. саж. имеет квадратную форму по 60 саж. во все стороны и называется «шестидесятная хозяйственная».

У башкир стерлитамакского уезда, Резановской и других волостей, существует мера *круг*, который имеет 100 сажен в квадрате и составляет таким образом 10 тысяч квадратных сажен; четверть такого круга образует десятину в 2500 квад. сажен.

В той же местности существует и другая подобная-же поземельная мера *гнездо*, имеющее 80 саж. в квадрате, или 6400 квадратных сажен.

В южной, степной местности губернии, при редком населении башкиры отдают под пашни свои земли *концами*, ко-

торые не имеют строго определённой меры, а во время отдачи выедут с плугом в степь и *окоужат*, т. е. опашут бороздою, примерно такое пространство, которое съёмщик в состоянии обработать: богатый – окружит много, а бедный – поменьше; сколько же в опаханном пространстве десятин той или другой меры, – как для тех, так и для других не составляет никакого интереса.

Переезд – составляет половину, а *осьминник* – четверть десятины, какой бы то нибыло меры; на северо-востоке бирского и севере златоустовского уездов *переезд* составляет у крестьян определённую меру 1600 квад. саж. и имеет или 80 саж. длины и 20 ширины, или 40 саж. в квадрате; половина этого пространства составляет *полпереезд*.

Загон у башкирских припущенников, и *полоса* у крестьян не имеет строго определённой меры, а бывают различны; они означают только долю земли, доставшуюся на душу в поле; при чём в одной и той-же деревне, но в разных полях, загоны и полосы имеют и различную меру не только в длину и ширину, но и в площади.

Пай также не имеет в пахатных землях определённой меры, а означает известную долю земли, которая приходится известному лицу из общего владения. Это название встречается только у тех крестьян, которые приобрели землю покупкою *на паях*.

Мерою для определения сенокосных земель, служат *десятина*, по большей части казённая; *пай*, заключающий в себе или три, или четыре казённых десятины и имеющий различные фигуры, смотря по расположению местности, и *угол*, который не имеет никакой меры, а означает только известное пространство лугов, приблизительно на стог, два и т. д.

Мерами для определения лесных земель служат *квартилы*, *лесосеки*, *делянки* и *сажени*. Первые две, т. е. кварталы и лесосеки, не имеют определённой меры и бывают весьма различны, смотря по качеству и сорту лесного пространства, по качеству и сорту лесного насаждения, цели хозяйства и т. п. причин; *делянка* же преимущественно составляет казённую десятину, а *сажень* составляет пространство в ширину своей величины и длину того размера, который имеет *делянка*.

(Уфимские губернские ведомости. 1883. 26 марта)

IV. Истоки провинциальной историографии на страницах губернских изданий

Провинциальная пресса в значительной степени была той «площадкой», на которой появилась и расцвела региональная историография, где публиковали свои работы краеведы-любители. Научные сборники были большой редкостью для провинции, составители адрес-календарей и памятных книжек тоже не часто включали какой-либо исторический раздел. История провинциальной прессы Урало-Поволжья изучается¹, и при этом анализ журналистики приоткрывает «мир» краеведов, так сказать, «второго эшелона». Кроме Р.Г. Игнатьева, Н.А. Гурвича, В.В. Зефирова, В.С. Юматова, отца и сына Лоссиевских и других ведущих уфимских краеведов, изучением прошлого и настоящего (для них) нашего края занимались многие иные любители, исследователи, но не так активно и плодотворно. Далеко не у всех были материальные в первую очередь возможности для исторических изысканий. Приходилось зарабатывать хлеб насущный, кормить семью и лишь урывками выкраивать время для любимого увлечения. Подобным краеведом «второго уровня» был бухгалтер из Златоуста Иван Иванович Меньшов, материалы о котором помещены в последнем, пятом разделе данного сборника.

Здесь же собраны статьи из самых разных изданий, связанные с историей Южного Урала и Уфы. Необходимо отметить, что очень часто краеведческие публикации XIX – начала XX вв. были небольших размеров, что во многом объяснялось журнальным форматом самих газет той эпохи. Подобные «малые» формы сложно издавать и лишь специальная подборка аналогичных работ позволяет представить читателям забытые имена и забытые труды скромных подвижников на ниве любви к истории своего края. Особый интерес представляет практически не изученная тема – работы краеведов

¹ См., напр.: *Сергеев В.Д.* Из истории вятских газет. 1838–1917. Учебное пособие для студентов факультета журналистики. Вятка (Киров), 2002; *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009; др.

из соседних регионов, где затрагивается история Башкирии.

Открывает подборку уникальная статья, подготовленная наверняка самим редактором неофициальной части издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфеновым, подобной которой не было и уже вряд ли когда-нибудь появится – пофамильный список всех подписчиков газеты. Это интереснейший материал, свидетельствующий о степени формирования образованного общества в провинции, в значительной мере как раз интересующегося краеведением. Газета тогда стоила весьма дорого, но и в Уфе и в Оренбурге среди подписчиков преобладали купцы, мещане «и других сословий лица», дворянско-чиновнический социум, среди которого была велика доля служащих, на время прибывших в наш край и не проявлявших слишком большое любопытство к нему, явно уступал.

Далее священник Софотеров характеризует Уфимский женский монастырь. Статья написана с целью привлечь внимание потенциальных благотворителей, в монастыре рухнула строившаяся каменная церковь, но в сведениях современника встречаем массу важных подробностей о начале истории когда-то украшавшего нашу Уфу монастырского ансамбля.

Работа известного вятского краеведа П.Н. Кульгинского¹ содержит ценные воспоминания о башкирском бунте, предания о котором уже в XIX в. постепенно исчезали из народной памяти. А небольшая заметка К. В – кого, вышедшая в 1851 г. в Уфе, хотя и не богата конкретными фактами, но ярко передаёт общую атмосферу страха перед пугачёвскими полчищами. Фамилию автора можно приблизительно идентифи-

¹ Священник Пётр Никитич Кульгинский (1798–1855), автор ряда исторических очерков, статья «Акаевщина», по мнению А. Кукулина, ошибочно приписывается ему (http://www.elabuga-foto.ru/homeland/_pugachevtsy.html), хотя в газете имеется подпись. И.В. Корнилова (Елабуга) относит эту работу к творчеству Кульгинского (см.: *Корнилова И.В.* Историко-краеведческие исследования православных священнослужителей Елабуги во второй половине XIX – начале XX вв. // <http://do.gendocs.ru/docs/index-10328.html?page=7>). Самая известная работа Кульгинского: Пугачёвцы и Пугачёв в селе Тресвятском, что ныне город Елабуга, в 1773–1774 гг. Очерк, составленный в 1845 г. священником П.Н. Кульгинским. Сообщ. в 1879 г. П.М. Макаровым // Русская старина. 1882. Т. XXXIII (есть в Интернете в библиотеке «Руниверс»). См. также: Краеведы Елабуги / Авторы-составители Н.М. Валеев, И.В. Корнилова. Елабуга, 2007; др.

цировать как Воецкий, другие фамилии уфимских дворян не подходят.

В 1854 г. в «Самарских губернских ведомостях» печатается небольшая, но крайне любопытная статья о событиях 1730-х гг., в которых всплывают образы «злодея» Тевкелева и «доброего» князя Урусова. Автор, охарактеризовавшийся как «А. Л.», не нуждается в представлении. Именно так подписывал свои работы знаменитый журналист и краевед Поволжья Андрей Филиппович Леопольдов (1800–1875), первый редактор «Саратовских губернских ведомостей» с 1838 г., а с 1852 г. он возглавил неофициальную часть новых «Самарских ведомостей»¹. Князь Василий (у Леопольдова отчество указано не верно) Урусов скончался в Самаре от цинги в 1741 г., а его сыновья Александр и Михаил Васильевичи Урусовы на рубеже 1770–1780-х гг. купили землю у княгини А.Ф. Белосельской на юге Симбирской губернии (Сызранский уезд) и судьба этого знаменитого дворянского рода России оказалась связанной с Поволжьем².

Многолетний редактор неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич приглашал авторов из простого народа, в том числе Ф.А. Семёнова, как сам редактор выразился, человека, принадлежавшего «к описываемой среде, что ещё больше придаёт верности» его рассказу о простонародных свадебных обрядах в Уфе. Это редкий образец описания быта рядового, небогатого городского населения, тем более ценный, что автор сам относился к этому слою жителей.

Затем А. Аксаков жалуется на буйства башкир, Владимир Сосфенов, возможно сын бывшего редактора Ивана Прокофьевича Сосфенова³, провёл ревизию всех колоколов уфимских храмов. Ценность собранных сведений понимали уже современники, не случайно Н.А. Гурвич включил эти данные в свой юбилейный сборник⁴. Пристав Хлебодаров повествует

¹ Леопольдов А.Ф. Самарский журналист и краевед / публ. П.С. Кабытова // Классика Самарского краеведения: Антология / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002. С. 44–74; Википедия; др.

² *Поддубная Р.П.* Пушкиниана Южного Заволжья Самарского края. Самара, 2012. С. 381–394 и др.

³ *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы. С. 97.

⁴ *Гурвич Н.А.* Юбилейный сборник в память празднования 300 летнего юбилея города Уфы. Всеподданнейший адрес. Высочайшая благодарность. Ста-

о селе Нагайбак, а некий Н. Ч. (фамилию установить не удалось, Чиков?) приводит интереснейшую информацию о Благовещенском заводе, вплоть до археологии.

Многие из этих авторов, краеведов, просто любителей старины за свою жизнь опубликовали одну – две заметки, но собранные ими сведения являются ценнейшим материалом об истории нашего края, за что потомки сохранят свою признательность скромным труженикам прошлого.

М.И. Роднов

**№ 20. Список лицам, подписавшимся на издание
Оренбургских Губернских Ведомостей в 1847 году,
по времени подписки**

В городе Уфе с уездом.

Чиновники:

А.И. Манжос, И.М. Андрянов, Е.М. Филипович, В.П. Росинский, С.С. Ахлебинин, Г.М. Сергеев, И.Я. Минятов, Ветер. Вр.¹ Соболев, В.А. Конопацкий, Шт. См. Уф. Уч.² Сосфенов, К.С. Эльдекрон, А.О. Каминский, Ф.А. Жабицкий, Баш. Стр.³ Кузнецов, Э.А. Виктовский, А.П. Тевкелев, В.Е. Кублицкая, Э.П. Ляхов, Ф. Лер, П.Т. Лихарев, Хорунжий Умитбаев, И.С. Андрянов и М. Судаков.

Купцы и других сословий лица:

И.А. Нестеров, П.А. Кадкин, П.Н. Кадкин, С.Т. Калмацкий, К.И. Блохин, Г.Д. Воронин, Т.И. Шарков, И.А. Кадкин,

ты из газет по поводу юбилея. Описание празднеств. Письма, телеграммы, речи. Город Уфа по однодневной переписи 19/IV 1886 года. (Статистич. и историч. данные). Хроника достопамятных событий. Уфимские церковные колокола. Уфа, 1887. Источник: Каталог библиотеки Уфимского Общественного Собрания. Уфа, 1909.

¹ Ветеринарный врач. Далее приводятся только очевидные расшифровки сокращений в статье.

² Штатный смотритель Уфимского училища.

³ Башкирский стряпчий.

Ив.И. Мамин, Т.Т. Беляков, И.Н. Блохин, Ф.А. Бельшев, И.К. Бендер, П.Е. Паршин, М.А. Сурков, А. Капитонов, М.А. Ряхин, А. Кутузов, Г.Г. Жуков, В.С. Губанов, Уп. Бл. Зав.¹ Кайгородов, И.Л. Крюков, И. Бисярин, Ив.Ф. Филатьев, Приказчики в имениях: Максимов, Ф. Захаров, А. Фалезов, Е. Иванов, М. Ефимов, Г. Демидовской; тептярские старшины команд: № 1-го, 2-го, 3-го Абдулвахитов, 4-го, 5-го, 10-го Гальмин; помощники старшин: № 10-го Гальшин, № 3-го Мухамет Каримов.

Места:

Архангельская Заводская контора.

В городе Оренбурге с уездом.

Чиновники:

Викулов, Шт. Рот. Жидков, М. Хоменко, Пом. Крашенинникова, Майор. Калугина, А.И. Курандович, Част. Пр. Зеленович и Гурьев, М.Е. Бедрин, Г.С. Воронцев, Свящ. А. Троицкий и Еф. Пикторов, Есаул Девлетшин, Ив. Милютков, Пом. Кап. Никифоров и Покатилов.

Купцы и других сословий лица:

Управ. вин. от.² Гуляев, пер. гильдии Горячевы, В. Бочаров, Сузьдянев, Е. Лебедев, Е. Борматин, Г. Алексеев, Д. Ковалев, И.Ф. Путолов, А.М. Дюков, Е.И. Мякинков, А.Я. Путолов, И.В. Лебедев, Г.П. Лебедев, Г. Панфилов, Н.Ф. Гребнев, М. Шагин, В. Бочеров, В. Пеньков, В. Авдеев, С. Ольденбург, И. Мокке, П. Оглодков, Н. Акалаев, С. Бирханов, Х. Мукаев, Ф. Девышев, П. Нохтев, М. Чаплыгин, Д. Потапьев, Г. Скворцов, Е. Проскуров, Д. Иванов, Ф. Завьялов, М. Миндовский, Н. Веденский.

Места:

Оренбургское уездное училище, Преображенская Заводская Контора, Орская Крепость, Ташлинская Вотчинная Контора.

¹ Управляющий Благовещенским заводом.

² Управляющий винными откупами.

По Уральскому войску:

Командиры: средней, нижней и верхней дистанций, как равно и Гурьева городка; начальники: внутренней Уральской линии и Чижинской дистанции; управляющие станицами: Илецкой, Сакмарской и Башкирским отделением; комиссары округов: 1-го, 2-го и 3-го.

В городе Стерлитамаке с уездом.

Чиновники:

В.Н. Авдеев, Л. Васильев, Шт. Кап. Еселев, Прап. Иванов, А.В. Левашев, С.И. Полчанинов, Попеч. Баш. кантонов¹, Кант.² Резяпов, Шт. Кап. Карский, Лек.³ Травин, Фрель, К.А. Ушаков, Т.С. Таганаев, Нач. 7-го Башк. кантона.

Купцы и другого сословия лица:

В.И. Нестеров, Я.М. Мамыкин, Исм. Зюбеилов; Тептярские старшины: № 1-го, 3-го и 5-го.

Места:

Уездный Суд, Приходское Училище, Питейная Контора, Воскресенская Заводская контора, Петровская вотчинная контора, Богоявленская заводская контора и главная контора Кагинских заводов.

В городе Бузулуке с уездом.

Чиновники:

Генерал-Майор Рейх, Майор Тихановский, Г.С. Поздюнин, Окр. Нач. Яновский, П.И. Панаев, Н.Н. Тихановский, ст. пр. Быстрицкий, Н.И. Сипайлов, Князь Л.С. Кутушев, В.Зах. Новосильцев.

Купцы и других сословий лица:

П. Пудовкин, А. Сухов, Стар. № 1-го Байбурин.

Места:

Питейная Контора.

¹ Попечитель (попечители?) башкирских кантонов.

² Кантонный (начальник).

³ Лекарь.

В городе Бугуруслане с уездом.

Чиновники:

С.В. Азиков, Н.П. Рычков, Л.А. Богуславский, Е.И. Грузовский, А.И. Исаков, А.И. Юматов, Т.С. Лобанов.

Купцы и других сословий лица:

П.С. Абаймов, И.Г. Гаврилов, Ф. Попов, Е. Бабушкин, старшины: № 1-го и 2-го[,] А.И? Усачев, Т.Ан. Казаченков, П. Дулин, П.Н. Казаков, Н. Кортамышев, В.С. Кононов, Д.Н. Стрельников, Н. Зеленецкий, Т. Тенаев, Кацелябин и Чекалов.

В городе Бугульме с уездом.

Чиновники:

М.В. Глумилилин, Н.Н. Тимашев, Н.М. Чекалов, Окружный Нач. Горновский, П.А. Жуков, М.И. Пасмуров, уезд. Почмейстер, Д.П. Мартынов, Ф.Н. Микунов, П.П. Щиголев.

Купцы и других сословий лица:

Упр. отк. Осетров, пр. Евреинов, Смышляев, Ап. Старков, Арк. Старков, Ив. Колтовский и Ф. Блохин.

В Белебеевском уезде:

Стр. Башк. Сокуров, нач. кан. Есаул Сыртланов, П.И. Синельников, упр. кан. Хорунжий Юнусов, И. Медведев, Тептярские старшины: № 1-го А. Абдулгафаров, № 3-го Габатов, № 5-го Абдиев, № 6-го Галиев, № 7-го Ахметов, № 9-го А. Федоров, № 10-го Рахметь Ульшин, № 11-го Курманаев, № 12-го Тамбаев, № 2-го Адулвзхитов, № 13-го Абдряшитов, № 14 Миндишев, № 15 Бикмухаметов, № 22 Абдулсатар Салимов, № 20, 21, 19, 17 и 18-го.

В городе Мензелинске с уездом.

Окр. Нач. Юрьевич, Шт. Кап. П. Аристов, У. вр. А. Янушкевич, Протоирей Шильнов, Попеч. Башк. кан. Майор Лелюн, Башк. стр. Скорятинов, Е.М. Пальчиков, Упр. 11 Башк. кан. Султанов, В.Н. Фищев, Тит. Сов. Лукин, Н.П. Катанский,

Свящ. Соболев, Упр. им. Пасмурова Маленков, Бургом. Н. Якунин, стар. № 1-го Зюлькарнеев.

Места:

Питейная контора.

В городе Бирске с уездом.

Чиновники:

Над. Сов. Юферов, Майор Е. Дувинг, П.А. Поляк, Кол. Сек. Ахмаметев, пом. кант.¹ Сагит Шарипов.

Купцы и других сословий лица:

Н. Мещеряков, С. Галанов, М. Уткин, Д. Балаев, Петр Синебрюхов, А. Протопопов, А. Афонасьев, Д. Письмогин, тептярские старшины: № 26 Салихов, № 3-го Мунасыпов, № 29 Бикташев, № 32 Адзитаров, № 24 Я. Зайтов, № 28 Нурлин, № 2 Сабанов, № 20 Кутлубаев, № 20 пом. ст. Абдулов, № 23 Абдряшитов, № 16 Курабаев, Н.Ю. Манаев, Н: 17 Ниязов, Н: 18 Казанчин, Н: 14 Абдувалиев, Н: 12 Султанбеков, Н: 13 Марзакаев, Н: 2 Абдулсатаров, Н: 5 Хабибуллин, Н: 8 Амиров, Н: 6 Шарипов, Н: 1-го Тойкин, Н: 7 Абсалямов и Н: 3 Рахметуллин; мещ. Свирский, М. Соловьев, тептярь Абсалям Фейзуллин.

Места:

Уездное училище, Городническое Правление, Ангасяцкая зав. контора.

В городе Троицке с уездом.

Чиновники:

Н.И. Демостико, К. А. И. Попов, Земский Исправник, Стар. Зас. Давыдов, К.С. Ахметов.

Купцы и других сословий лица:

П. Бакакин, Пор. В. Шишковский, В. Зарубин, Н. Дмитриев, Абдулвагитов, И. Лебедев, Е. Зарубин, И. Сорокин, девица Т. Костарева, К. Козицын, Т. Вексильев, Я. Блинов, упр.

¹ Помощник кантонного начальника.

пит. сб.¹ Кукольников, С. Сорокин, И. Шишкин, П. Лебедев, А. Андреев, Ушаков, Краюхин.

Места:

Звериноголовская крепость и Кизильская крепость.

В Екатеринбурге.

Кол. Асс. П.И. Уржумцов.

В городе Челябине с уездом.

Чиновники:

Окр. Нач. Долгрейн, Аудитор А. Кореневский, Г. Шанторин, Н.В. Южаков, Стр. Ячменев, упр. баш. кант., Протоиерей Аврамов, Св. Кочнев, Ив. Быстрицкий, Св. В. Ильин, Св. Апустин, Вет. вр. Марченко, Протоиерей Буров, Ст. пр. А. Серебряков, Свящ. Розмаринов, Св. Кочнев, ст. пр. С. Колотинский, ст. пр. В. Галявинский, И.П. Воротовов, нач. Баш. К. Бикметев, упр. 1-м баш. кантоном.

Купцы и других сословий лица:

А. Горячев, М. Пегов, Гр.Гл. Мотовитов, Е. Бахмутов, Ф. Перескоков, А. Ганчиков, Г. Ганчиков, С. Чичилапов, Кудрин, Е. Вяткин, З. Остаин, В. Пеньковский, Т. Гореванов, В.С. Соколов, Н. Жилин, И. Завьялов, В. Пупышев, Ф. Ахматов, Абрам и Ефим Смолины, Н. Новиков, А. Мотовилов, А. Плотников, С. Шараутов, Л. Маренов, М. Смолин, М. Моренов, И. Хлызов, К. Попов, И. Бузыгин, П. Овчинников, А. Паршин.

Места:

Акцизная питейная контора.

В г. Верхнеуральске с уездом.

Чиновники:

Князь Багратион, упр. зол. пром. Ястребов, И.Е. Дуров, Ф.И. Сипайлов.

¹ Управляющий питейными сборами.

Купцы и других сословий лица:

А. Батуев, Е.С. Копьев, Д.А. Соснин, упр. сбор. Ф. Котов, Ф.Г. Суворов, П.В. Разсохин, Ф.А. Макаров, П.С. Разсохин.

Сверх того Оренбургские Губернские Ведомости высылаются во все губернские и уездные присутственные места и Становым, как равно и во все церкви городов и уездов.

(Оренбургские губернские ведомости. 1847. 29 ноября)

№ 21. Уфимский женский монастырь

(Сообщено Свящ. Софотеровым)

Женская обитель, существующая в г. Уфе, получила первое начало своё Мензелинского уезда в сельце Бетьках в 1826 году, по благословию уже почившего св. жизни старца, настоятеля общежительной¹ Глинской пустыни, Игумена Филарета, с дозволения бывшего Епархиального Преосвященного Амвросия под именем Бетькинской Общины. В 1832 году, по просьбе настоящей Настоятельницы², Преосвященным Михаилом, бывшим Епископом Оренбургским и Уфимским, община эта переведена в г. Уфу, и существовала под тем же именем в Сергиевской улице. Желание сестр основать монастырь, труды и полное самоотвержение Настоятельницы долго оставались тщетными.

Представления трёх Епископов: Амвросия, Аркадия и Михаила, о необходимости в Оренбургской Епархии женского монастыря, оставались не исполненными; но чего хочет Бог, тому неможет препятствовать человек. Он восхотел прославить имя своё, и явил милость жаждущим спасения. Все труды и попечения Настоятельницы увенчаны успехом при настоящем Преосвященном Иоанникии, попечения коего в сём благочестивом деле способствовали скорейшему исполнению желания жаждущих иноческой жизни. Почему в 1838 г. 26 Февраля Бетькинская община и восприяла существование своё под именем Благовещенского женского монастыря,

¹ Курской губернии – прим. автора.

² Игуменьи Филареты, коей полная признательность принадлежит за устройство этой обители. Р. – прим. редакции газеты?

вместо состоявшей в Казанской Епархии заштатной Чебоксарской Спасо-Геронтьевской пустыни; но приняв бытие вместо Геронтьевской, юная обитель неприняла её устава. Ещё в 1826 году, получивши благословение от благочестивого Филарета на своё существование, она в тоже время получила и составленный им устав, одобренный бывшим Епископом Амвросием, которым до сего времени и руководствуется. Не удержав устава помянутой пустыни, обитель сия не удержала и названия её. Не принадлежа к числу штатных монастырей, она называется монастырём потому, что на всеподданнейшем докладе Его Сиятельства, Г. Обер Прокурора Св. Синода Графа Протасова, Государь Император изволил наименовать её не пустынею, а монастырём, в котором по штату положено, кроме Настоятельницы-Игуменьи и Казначей, быть 15 монахиням с числом послушниц, какое позволяют собственные способы обители. ныне же на лице состоит: 1 Игуменья, 1 Казначей, монахинь монастырских 8, рясофорных 8, указных послушниц 10, в качестве послушниц 3, живущих по паспортам 57, итого 88 человек. При монастыре учреждено с 18 Августа 1846 года девичье училище, в коем по штату положено и на лице находится 12 учениц. В училище закону Божию обучает местный священник, а две из числа сестр наставницами в разных рукодельях. След. в монастыре находится 100 человек, которые по уставу общежительных монастырей содержатся общими трудами. А потому и поступающие в оный, с полными силами до среднего возраста, принимаются с условием трудиться для общей пользы обители; желающие же посвятить Богу остальные дни жизни, в старческом возрасте, вносят в монастырь не менее 100 руб. ассигн. в год, за что пользуются кельею, прислугою и общею трапезою, повинуюсь всем правилам монастырского устава и духовного регламента. Так как монастырь сей утверждён вместо Спасо-Геронтьевской пустыни, то и жалованье, получаемое ею 300 руб. асс., в виде милостыни, обращено в пользу монастыря, с обменом и самых угодий, принадлежавших пустыни. Угодия сии, состоящие из 150 дес., отведены монастырю, из земли, принадлежавшей прежде казакам, жившим в г. Уфе, по левую сторону р. Уфы, между Онучиным озером. Дача сия, кроме того, что сам монастырь пользуется лугами, доставляет ежегодно около 120 руб. асс. Кроме этого пользуется Всемилоостивейше пожалованною мельницею в Бирском уезде на

р. Бирю, которая приносит ежегодно доходу 300 р. асс. Всего монастырь получает от этих дач 420 руб. асс. Имеет двухэтажный, каменный дом, пожертвованный Г-жею Степановою, доставивший в течении 5 лет 500 руб., за исключением употреблённых на поправку 4000 руб.; но как ныне по печением Настоятельницы он совершенно устроен, то может доставлять доходу гораздо больше. Других источников к благосостоянию монастыря нет. –

Пространство земли, занимаемое монастырём состоит: по Усольской улице из 85 саж., а по набережной из 72 в длину, в ширину от передней линии в верхнем конце к р. Белой из 87½, а в нижнем конце 55 саж.; в окружно[с]ти же из 199½ десятин. Вся эта земля уступлена за 4000 р. асс. жителями г. Уфы, имевшими на всём этом пространстве 10 ветхих и убогих хижин. Монастырских зданий 8. Первое место из них занимает деревянные двухэтажный¹ корпус, в котором помещается большая часть сестёр, пред глазами коих, на южную сторону, – зимою окованная льдом, а весною разливающаяся на большое пространство р. Белая, плавающий лес, сёла и поля, летом усеянные стогами сена и разного рода скирдами хлеба, радующими сердца поселян и самых сестр, скудные доходы коих и бывают достаточны только при всей дешевизне жизненных потребностей; западные окна корпуса обращены на весь город Уфу, находящийся в садах и прекрасных рощах; с восточной и западной стороны виды ограничиваются строящеюся каменною стеною; второе место занимает на запад от него другой, двухэтажный, меньшей величины, деревянный дом, в котором помещаются лица благородного звания и к трудам чёрным не способные; третье здание на восточную сторону – флигель; четвёртое здание – гостиница для странствующих, состоящая из двухэтажного флигеля на самом берегу р. Белой; пятое здание – службы, состоящие из каменного каретника, конюшен и лабаз; шестое – деревянные амбары; седьмое – две бани и восьмое – флигель для прачной. Все эти здания обносятся каменною стеною, в высоту 4½, а в толщину 1¼ арш.; по углам её строятся башни. Сверх того при монастыре устраивается сад.

При существующем монастыре находится одна, бывшая Богоявленская, а ныне Благовещенская, очень ветхая цер-

¹ Нижний этаж из дикого камня – прим. в газете.

ковь, построенная около¹ 1736 года, другая каменная приходившая уже к окончанию, к сожалению монастыря, в 26 число Мая 1845 года разрушилась. При деревянной церкви отдельно таковая же осмиугольная колокольня, при кресте которой представлен² из листового железа держащийся Ангел. По ветхости колокольни колокола с неё сняты и повешены на 2-х столбах под крышею. Хотя церковь и древняя; но редкостей в ней нет, кроме 2-х крестов с мощами, вещей заслуживающих особенное внимание. Кресты сии серебрянные под золотом, из коих один большой величины, на обороте против частей мощей с следующими надписями: под надписью: а) і. н. ц. і. перст гроба Господня³; б) перст Пресвятой Богородицы; перст места лобного⁴. Под чеканным изображением правой руки Иисуса Христа кровь Иоанна Предтечи, кровь Св. Апостола Павла, кровь муч-Агафонгельса, мощи Евангелиста Матфея, Апостола Андрея, риза Лазаря четверодневного; под изображением левой руки: Св. мощи Богоматери Анны, Св. Анастасии узореш., Дмитрия Солунского, муч. Меркурия, Сергия Радонежского и Александра Невского. Под изображением главы и шеи Спасителя: Св. мощи великомуч. Пантелеймона, Евстафия, Плакиды, Феодора Стратилата; под подножием: Св. мощи Гурия, Варсонофия, Германа, Архиепископов Казанских и чудотворцев; ниже сего подпись: «1032 года, построен сей честный крест, вместо ветхаго креста вновь, в котором было сребра весом толикое число, да подаванием христолюбцев в пополнение положено толикое число в, при бытности Архимандрита Германа». В Уфимском старом кресте было 62½ золотника; ещё к нему прибавлено серебра 140 золотников. 2-й, меньшей величины, пожертвованный в 1838 году при открытии монастыря, во время

¹ Частию сие предание оправдывает надпись на кресте – прим. в газете.

² Некоторые говорят, что Ангела, держащегося за крест видели во время Пугачёвского бунта; а другие, помнящие приступ Пугачёва к г. Уфе, говорят, что видели Ангела в сём положении и во время пожаров 1805 г. – прим. в газете.

³ а. Вся надпись на кресте церковной печати – прим. в газете без указания места сноски в тексте.

⁴ б. Должно разуметь перст из гроба Пресвятой Богородицы – прим. в газете без указания места сноски в тексте.

в. Есть предание устное, что доказывает надпись креста сего, что на месте, где теперь женский монастырь, был некогда мужеский. – прим. в газете без указания места сноски в тексте.

проезда Настоятельницы из С. Петербурга чрез Москву, Его Высокопреосвященным, Митрополитом Московским Филаретом с следующей надписью: «мощи Св. Иоанна милостиваго, Священном. Власия, Георгия, Пантелеймона, Дмитрия Митрополита, пр. Татьяны, первомуч. Феклы, Евдокии и прочих Святых». Все эти части вложены в крестах из кипарисного дерева.

В Благовещенской церкви девичьего монастыря отправляют богослужение священник, диакон и хор клирошанок этого монастыря. Священнослужители монастырской церкви пользуются только из дач монастырских травю и дровами; других пособий обитель оказать духовенству не может. Были замечательные вклады; но они почти все в пользу монастыря, а не духовенства. Первое пожертвование было 1837 года в 4000 руб. от всегдашнего благодетеля монастыря, Московского купца, почётного гражданина и кавалера Алексея Ивановича Лобкова. Сие пожертвование важно потому в особенности, что монастырь в то время не имел ни каких средств к первоначальному существованию. 1838 года при утверждении монастыря были довольно важные пожертвования Митрополитов: С. Петербургского Серафима в 500 руб. асс., Киевского Филарета в 500 руб., Московского Филарета из 600 руб., Грузинского Ионы в 1000 руб. ассиг. Главное же по сумме пожертвование было сделано 1842 года 28 Марта Г-жею Анисьею Степановною Степановою, на каменную для монастыря церковь, состоящее из 34 000 руб., утвари на 5000 руб., каменный двух этажный дом на площади в 12 000 руб., всего на 51 000 руб. асс. В то же время было положено Казанскою купчихою Марьею Семёною Чижовою 5000 руб. асс. в Оренбургский Приказ Общественного Призрения, с тем, что бы тремя процентами с сей суммы пользовался монастырь на общую трапезу, поминая вечно за псалтирным чтением имени, означенные в билете усопших её родственников, а одним процентом пользовались священнослужители, за поминовение их на проскомидии. Много и других пожертвований на таком же условии, не менее 100 руб. асс. К числу важных благотворителей при первоначальном устройстве монастыря принадлежат: Российские Великие Князья и Княжны, Царица Грузинская Мария, Царевна Томара и царевичи Георгиевичи. Были также важные пожертвования С. Петербургских и Московских купцов, желающих скрыть свои

имена, что бы Бог за их тайные добрые дела воздал явно. Из всех этих пожертвований скажем только о последнем – бывшем в 1846 году, состоящем в 2000 руб. асс., пожертвованных на колокол, который уже вылит и доставлен в монастырь, весом 83 пуд. 24 ф. (по 38 руб. за пуд); но как величина колокола превышает с доставкой пожертвованную сумму 1226 руб. 80 коп., то монастырь, надеясь на промысл Божий, для уплаты сего долга ожидает подобных благотворителей. Кроме сих пожертвований были ещё из серебра, жемчуга, алмазов, бралиянтов и других камней, которыми ныне и убрана шитая золотом плащаница для Благовещенской церкви. Неодним золотошвейным занятием сёстры монастыря доставляют некоторые выгоды ему; они также убирают иконы фольгою, жемчугом, шьют синелью и шерстями; но эти занятия, и в особенности золотошвейное, не доставляют в здешнем городе значительных выгод монастырю.

А потому новый монастырь, не имея других значительных выгод, имеет самый главный и существенный недостаток в храме. Хотя и есть деревянная церковь; но она, как ветхая, приходит, при всех стараниях поддерживать её, к разрушению; новая же каменная церковь, быстрая постройка коей радовала сердца сестр и граждан, разрушением своим привела монастырь в большую горесть, и потому в особенности, что он к пополнению сего важного ущерба и недостатка ни каких мер, кроме горячих слёз и тёплых молитв возсылаемых Богу, Всесозидающему, принять не может. –

(Оренбургские губернские ведомости. 1847. 31 мая)

№ 22. Акаевщина¹

Камские прибрежные жители Вятской и все Оренбургской губерний, по преданиям сохранили в своей памяти два события, или можно сказать, две значительные в здешних местах эпохи: первая известна под именем Акаевщины, или Алдаровщины, а вторая – Пугачёвщины. Теперь, сколько возможно было собрать сведений, пишется о первой; она бы-

¹ Благодарю С.В. Голикову за помощь в поиске этого материала. См.: Голикова С. Народная религиозность русского населения Урала XVIII – начала XX веков. Екатеринбург, 2011.

да более полувеком ранее Пугачёвщины, но причина, что она исчезла в памяти народной та, что событие сопровождалось ужасом, грабежом, пожарами, убийством. Название Акаевщины, или Алдаровщины усвоено потому, что начальниками эпохи были Акай и товарищ его Алдар-Бай; последнего простой народ называет иногда Арбдаем.

Казанский историк Г. Рычков был здесь в прошедшем столетии, внимая преданиям народным, слышал и об Акае, о нашествии которого рассказывали ему особенно около Трехсвятского жившие старики. Полагая, что это лице какоенибудь знаменитое, историческое, он отнёс событие ко временам дальнейшим и преобразил Акаю в Аксак-Темира. Далее строение каменной крепости, которой остатки известны под именем Чортова городища, он приписал ему же; но такому завоевателю, каков был Тамерлан, строение каменных зданий приписать нельзя, а особенно, будто он полюбив местоположение города, провёл в нём некоторое время среди веселия и покоя, что не-свойственно было Тамерлану, как заметил Г. Эрдман, то же здесь бывший в 1824 году.

По преданиям – Акай был Татарин, наездник, оставивший по себе память ужасного разбойника, который вместе с своим товарищем Алдар-Баем появились со своими шайками в Оренбургской губернии лет за 100 с лишним перед сим. Они видя, что по взятии Казани, власть политическая утверждается и Христианство распространяется, вздумали положить тому пределы – возмущением. Набрали многочисленные толпы из Татар и Башкирцов и пошли с огнём и мечём на Русских. В Оренбургской губернии они сделали ужасные опустошения: пожары и кровь жителей означали следы их. Испуганные жители оставляя свои жилища сокрывали своё имущество в местах, которые считали безопасными от огня и поисков злодея; но Акай ловил их, мучил, пытая где они скрыли своё богатство и наконец умерщвлял. Особенно он ненавидел храмы Божии и на них истощал всю свою ярость: ограбивши, сожигал их и без всякого милосердия умерщвлял Христиан. Город Мензелинск, отстоящий от Елабуги в 60 ти верстах, он взял, выжег и приблизился к берегам Камы, на правом берегу коей по её течению, селения принадлежали тогда Казанской губернии. Приближение его к берегам Камы было во время жатвы хлеба. Закамские жители избрали из среды своей сторожевых, чтобы они их уведомяли, где

находится злодей со своими шайками. Если по уведомлению их, он находился далеко, то они выходили на свои поля, жали хлеб и клали его в суслоны со страхом и без надежды, чтобы он послужил им для пропитания. Когда же сторожевые уведомляли, что он находится близко, то они оставляя свои жилища и поля на жертву врага, для спасения своей жизни бежали к Каме, садились в приготовленные заранее лодки, плоты, паромы, переправлялись на здешнюю сторону реки, в ожидании новых вестей закамских. Акай со своими полчищами приходил на самые берега Камы; селения Русских за рекою были истреблены; но хлеб на полях бывший не сжатым и в суслонах, он оставял в целости. Такое его милосердие происходило не из жалости к крестьянам, но чтобы воспользоваться их трудами для прокормления своего сброда, если по истреблении всего, он отощает в степях Оренбургских, и если ему не откроется другого раздолья злодействовать в иных местах.

Оно открылось. Долго Кама служила границею его хищничества; но ни кем незащищаемая, она не могла удержать его. Жители здешней стороны предчувствовали беду, что рано или поздно Акай посетит и их. Такое предчувствие было не без основания. Татары, бывшие тогда многочисленнее, нежели ныне в сравнении с Русскими, в здешнем уезде, слыша о силах их единоплеменника и единоверца, подняли головы свои высоко и враждебно обходились с Христианами; ибо в то время все нити, связывающие народ с начальством прервались. Русские упали духом, тяготясь неотразимую грозою, а Татары показывали явные признаки возмущения, питаясь самыми нелепыми мечтами: может быть возстановить упавшее царство Казанское и сделаться снова повелителями Русских. Едва ли не такая мысль заплуталась и в голове Акая, омраченной фанатизмом. Он со всеми своими силами переправился чрез Каму выше села Пьяного бора и по берегам реки пошёл на Казань. Татары, здесь живущие немедленно к нему присоединились и тем увеличили и без того значительные его силы. Селения Русские исчезали в пламени; после разграбленных храмов Божиих оставался только один пепел, кровь Христиан лилась реками. Шайки его разсыпались на дальнейшее разстояние – и везде было одно и то же; вся страна сделалась пустынею, и в этой пустыне оставались неприкосновенными селения Магометанские с их мечетями и возвы-

шающимися над ними безобразными минаретами, откуда неистовый крик мусульман разносился по пустынным окрестностям, как крик торжества зловерия над ослабевающим Православием.

Устрашённые жители таким ужасным нашествием, оставляя всё скрывались в лесах, логах – кто где мог. Многие прибежали в село Тресвятское, полагая найти в нём надёжное пристанище, ибо оно имело тогда крепость и военную стражу.

По преданиям – крепость повелел устроить ещё Иоанн IV Васильевич по взятии Казани для защиты от нашествия Татар и Башкирцев. Село Тресвятское, в различном расстоянии одна от другой, было обставлено пятью деревянными башнями, которые носили названия по местам, где они стояли: 1-я по дороге в город Сарапул называлась Сарапульскою; 2-я близ Никольской церкви – Никольскою; 3-я по дороге в луга – луговою; 4-я по дороге в Казань Казанскою; 5-я Спасскою. Устройство их было таково: внизу сквозные ворота для пеших и проезжих с крепкими запорами; поверх были жилые покои для приезжающих купцов и чиновников; на крыше стоял двуглавый Орёл – герб России. Стены башен с наружной стороны были проверчены, чтобы в них проходило дуло ружья для выстрелов в приблизившихся неприятелей. Между башнями находился земляной вал, простирающийся по возвышениям с восточной и южной стороны, к чему благоприятствовало самое местоположение, что и делало крепость довольно твёрдою, а особенно в глазах тогдашних врагов. При крепости находилась военная стража с начальником, были при ней бердыши, ружья и чугунные пушки. Но когда линия хищных Башкирцев, быв отдаляема мало по малу силою Русских от берегов Камы, перенеслась за Урал и Оренбургская крепость стала от них на страже, то Правительством здешняя крепость закрыта: военная стража переведена неизвестно куда, чугунные пушки увезены в Казань. В нынешнее время не видно и следов крепости: башни и земляной вал разрушило время, осталась только память о них.

Несчастные, бежавшие от нашествия Татар были принимаемы в село Тресвятское; оно наполнилось народом: дома были недостаточны для приюта всех, теснились в банях, лавках, на улицах; это было в позднюю осень: время было холодное, перепадал то снег, то дождь.

Акай и Алдар, раззоривши и выжегши все окрестные селения, со своими полчищами приближались к крепости; вооружение их довольно было исправно: сабли, копья, ружья и даже несколько пушек. Начальник крепости (чин и имя его забыто) с военною стражею и со многими охотниками, решившимися умереть за свою родину, вышли на встречу, чтобы отразить силу силою и положить конец возмущению. Упорной бой произошёл недалеко от Камы и от нынешней Елабуги; но это сражение со стороны наших довольно было неудачно: многочисленность и дерзость бунтовщиков восторжествовали над искусством солдат и храбростию неисканных в военном деле охотников: с той и другой стороны много пало народу; место, где похоронены трупы сражавшихся и поныне известно под именем *могильника*, где видны и по сию пору насыпи поверх земли, или курганы; оно находится от Елабуги на Восточной стороне по уклону несколько к Югу в 6 верстах, вероятно там, где было сражение.

Остатки разбитого воинства и охотников прибежали в Тресвятскую крепость и заперлись в ней, ещё питаясь надеждою, что она защищаемая, при помощи большого народа, ружьями и пушками отшибёт охоту у злодея взять её силою, с потерею для его полчищ. Надменный победою Акай явился со своими силами в виду Тресвятского на южной стороне в лугах, где и остановился. В стане победителей происходили шум, крик, беготня и скакание на конях: все указывали саблями и копьями на крепость как верную свою добычу, и подлинно им было чем польстить себя! – Сам Акай, посмотревши на Тресвятское, к Северу, увидел в нём три церкви, а на Западе – на крутом утёсе на самом берегу Камы растилающуюся святую Троицкую обитель с двумя церквями, в полной красоте. Какая обильная добыча для Татарина – пять богатых церквей!

Монастырь, красующийся на горе был сооружён по воле Казани, по повелению Царя Иоанна IV Васильевича, на месте идольского капища, которое гнезилось в развалинах Болгарского города; каменная крепость, оставшаяся от него, в то время была ещё не в таком жалком положении, в каком находится ныне. Монастырь имел по своему местоположению живописный вид; он окружён был берёзовою рощею снаружи, с богатым внутри садом из плодовых деревьев, возделанным трудами иноков. Две церкви и келии обители были об-

ведены земляным валом, что в то время необходимо нужно было для принятия таких посетителей, каковы были Акай и Алдар-Бай. В монастыре собрались и приписные к нему крестьяне и все решились защищаться и лучше положить свою жизнь, нежели отдать на поругание храмы Божии.

В Тресвятском, переполненном народом, слышны были стон и вой; жёны и дети усугубляли горечь. Силы человеческие, поражённые врагом, казались им слабыми для защиты, а за тем и крепость – твердынею безнадежною. В таком положении и унынии духа, они прибегли с тёплогою молитвою ко Господу Спасителю пред Его иконою, и *близь Господь сокрушенным сердцем.*

Не горели ни монастырь, ни Тресвятское; но чёрный густой дым лежал над ними и над станом Акая; солнце не просвечивало своими лучами сквозь густоту его; чад жестоко резал глаза. Казалось, что дым и чад собравшись от пожаров, произведённых Акаем во всех местах, разостлался весь над одним здешним местом и остановился неподвижно; ибо время было тихое. Но подул от Севера ветер и мало по малу усиливаясь обратился в жестокою бурю, которая, будто сверхестественною силою понесла дым и чад прямо в стан Акая и закружилась между врагами Бога и людей. Вместо веселия о победе в полчищах произошёл шум смятения и громкое призывание Аллы¹. Недавние победители были в тот же день побеждены и чем? Своим же изчадием. Такой случай поразил и Акай: он с полчищами своими, не сделавши никакого зла ни монастырю, ни Тресвятскому, убежал.

Но Христиане приписали это не случаю, а Промыслу Божию. Когда прошла буря и прояснилось солнце, они не увидели ни врагов, ни дыму и поверглись с благодарностию пред изображением Господа Спасителя, что Он Всемиловитый спас храмы от истребления и рабов своих на Него уповающих от бед и погибели.

Акай отсюда пошёл на Казань; у города Мамадышь переправился чрез реку Вятку, где и потерялись следы его; что там с ним случилось и с его шайками – о том никто ничего сказать не мог. Тем в здешних местах кончилась Акаевщина или Алдаровщина!

Но кто были Акай и Алдар-Бай, и в котором году именно

¹ Рассказывают просто: Татары заплакали.

они здесь проходили? Предания здешние изъяснить этого определённо и верно не могли. Относительно времени, по соображению, они указывают на время царствования Императора Петра I-го Великого. Кто они были и когда – можно сослаться на 1-й том Энциклопедического Лексикона; в нём под собственными именами означены, без всякого сомнения, те самые лица, о которых здесь сказано. Имеющий его под рукою может в том удостовериться легко, а для неимеющих такого источника предлагается из него выписка:

Акай, возмутитель Башкирцев, сын известного бунтовщика Кусюма. (Смот. Сеит).

Алдар-Бай, старшина Башкирский, возмутивший Уфимских Башкирцев в 1707 году. (Смот. Сеит).

Но слово Сеит ещё не вошло в Лексикон; конечно в нём подробнее сказано будет об означенных лицах, а здесь представляется только то, что можно было узнать из местных отголосков давнопрошедшего времени.

С. П. Кульгинский.

(Вятские губернские ведомости. 1847. 23, 30 августа)

№ 23. Воспоминание жителя города Уфы о пугачёвском бунте

Бывают дни, которые резко запечатлеваются в памяти людей. Таковые дни общественных радостей и бедствий. Из рода в род передаётся память об этих днях и, кажется, будет передаваться вечно. 1812-й год памятен для всей России, и она никогда не забудет его. Памятен для неё и 1774 год; она помнит и его. Но страны, которые не были свидетельницами действий *Пугачёва*, знают о нём и помнят его слабо, потому что они не испытали тех бедствий, какие испытал наш край.

Пугачёв!!! Сколько воспоминаний пробегает в голове, при одном этом слове! Сколько самых ужасных и разительных картин представляется в воображении!... Нет! никогда не забудет наш край такого плачевного события! Он вечно будет его помнить! Не забудет его и Уфа, потерпевшая не мало от изверга и сообщника его Чики! Она не забудет тех злодейств какими обезсмертил своё имя этот оскорбитель невинности, чести и всего, что свято для человека. Да и что доброго мож-

но было ожидать от того, кто, забыв свой долг – повиновение престолу – дерзнул принять на себя имя святотатственное – самозванца. Уфа помнит это и будет помнить долго. Она не забудет того страха, с которым ожидала решения своей участи. Долго не было для неё избавителя. Истинная мать народа – Великая Екатерина была далеко. Она не могла скоро услышать стонов страждущих детей своих. Наконец Она узнала и нашла нам спасителя. В пределах наших явился облечённый доверенностию Императрицы – Александр Ильич *Бибиков*. Но и этот великий муж ошибался в выборе себе сподвижников. Генерал *Ларионов*, побуждаемый им к защите Уфы, не оправдал надежд своего начальника. – Ошибка исправлена! Нашёлся *Михельсон* и – Самозванец пал. Битва между селом Чесноковкою и деревнею Зубовкою, близ Уфы решила участь нашего города. С тех пор счастье оставило Самозванца. Не стало удачи ему нигде, куда бы он не посылал своих сообщников. Невинность нашла себе защиту; убийство, – единственный его спутник, не находило себе жертв: оно лишилось их. Витиевато-пошлые речи его любимица и секретаря *Подурова* не могли ослепить и простолюдина; все его знали и величали не иначе, как *Емелькой Пугачём*. Славный *Михельсон*, ревностный защитник Престола, по всюду истреблял злодеев. Торжествовал наш край, а с ним и *Бибиков*.

Но дознано вековым опытом, что жизнь человеческая исполнена переворотов. Как день, она с утра бывает светла; пройдёт час, мрачные тучи горя и бедствий носятся по горизонту её, стремительные вихри клеветы и молниеносная злоба разят всё, встречающееся на пути. Подует ветер, разгонит тучи; проглянет солнце, весь мир обновится. Но не на долго! Там вдали несётся туча – страшная туча, разрушающая всё здание счастья и радостей! Там неумолимая смерть взмахнула косою – и нить жизни прервана!

Такова в особенности была жизнь *Бибикова*. Удалённый от Двора, он долго был в забвении, пока один неожиданный случай не привёл его к мысли, забыв всё, защищать Отечество. Мысль эта осуществилась, и он спасает наш край. Оружие правды торжествует. Радость была общая.

Но Провидению угодно было испытать нашу веру. Оренбургскому краю надлежало перенести ещё потерю – потерю невозвратимую. Клики радости утихли, их заменили вопли

сетования, но не отчаяния: вера в Бога была тверда.

Бибиков скончался. Предчувствуя свою кончину, он сдал начальство Генерал-Поручику Щербатову. Узнав по слухам и донеся Императрице об освобождении Уфы, этот незабвенный вождь 9 Апреля в 11 часов утра, в г. Бугульме, предал дух свой, на 44 году своей жизни, жалея об отечестве.

Нестало Бибикова, – остался Михельсон. Украшенный славою побед, он, как Ангел-мститель, посланный от Бога для наказания злодеев за погубление невинных, разил злобу. Разбитый в Казани и проигравший после того все сражения, Пугачёв был связан в своей ставке и предан в руки правосудия своими соумышленниками.

Так не стало того, кто поколебал на несколько дней счастье подданных Екатерины; так не стало Пугачёва.

Прошли дни, не стало и тебя незабвенный Михельсон! Но память о тебе сохранится в роды родов ты бессмертен в сердцах Русских и в особенности нас Уфимцев. Россия не забудет тебя.

Вечная память и слава тебе Михельсон!

Вечная память и тебе Бибиков! Державин вполне понял и оценил тебя. «Он был» поёт он о тебе, –

Он был искусный вождь во брани,

Совета муж, любитель муз,

Отечества подпора тверда,

Блюститель веры, правды друг;

Екатериной чтим за службу,

За здравый ум, за добродетель,

За искренность души его.

Он умер, трон обороняя.

Стой, путник, стой благоговейно.

Здесь Бибикова прах сокрыт...

Благоговеем мы, вспоминая ваши великие заслуги.

К. В – кий.

(Оренбургские губернские ведомости. 1851. 22 декабря)

№ 24. Князь Василий Яковлевич Урусов

Князь Василий Яковлевич Урусов есть историческое лицо для Самарской губернии: в чине Генерал-Поручика, он был

послан в Самару, в 1740 году, для продолжения устройства Самарской Линии и образования Оренбургской губернии, после Статского Советника Кирилова и Тайного Советника Татищева. Он прибыл в Самару 17 Августа и осмотрел, что было сделано его предшественниками. Чтобы упрочить существование крепостей, в здешнем крае устроенных, он вызвал в оные купцов для торговли и на службу казаков, старался усилить земледелие в краю новом, где девственные земли представляли обильный источник народного богатства. В самом составе Экспедиции он ввёл более строгий порядок и отчётливость. При нём это государственное дело шло очень хорошо. Помощником его был Подполковник Тевкелев, который находился в Мензелинске. Вдруг вспыхнул бунт в Башкирии. Тевкелев производил строгое следствие о виновных. Башкирские старшины: Алдар-Бей и Сеит-Бей приехали в Самару просить Князя Урусова, от имени всего Башкирского народа, о принятии Башкир в подданство России. Князь Урусов ласкал их и ещё держал в Самаре. Но Тевкелев требовал их к себе в Мензелинск, извещая Князя, что они замешаны в бунте. Князь отпустил их и писал Тевкелеву: пощадить их; но Тевкелев казнил их, как главных зачинщиков бунта. Следствием этой крутой меры было то, что бунт усилился, и требовалось более усилий к погашению его.

Но этому доброму и распорядительному сановнику не было суждено Судьбою довершить устройство края. Он заболел, скончался в Самаре, пробыв здесь менее года, и похоронен в трапезе Казанской Соборной Церкви. Над гробом его, в стене, доселе сохранилась чугунная позолоченная доска с надписью: *Здесь положено тело Его Сиятельства Генерал-Поручика Князя Василия Яковлевича Урусова. Скончался в 1741 году Июля 22 дня. Жития его было 52 года.*

К сожалению, мы более ничего не знаем об этом лице, принадлежащем к древнему и знаменитому в России роду Князей Урусовых.

А. Л.

(Самарские губернские ведомости. 1854. 20 марта)

№ 25. Простонародные свадебные обряды в г. Уфе

Статья Ф.А. Семёнова¹.

В Уфе в низших классах жителей сохранились ещё многие обычаи старины, это – празднование Троицына дня, сеника, дня св. безсребренник Козма и Дамиана, 1 Июля и 1 Ноября или «Кузминок», и свадебные обряды. Последние в особенности замечательны.

Жених и невеста, как бы ни были прежде хорошо знакомы между собою, хотя бы родители жениха и невесты были с[в?] самых коротких и давних между собою отношениях, но во всяком случае, дело не обходится без свахи. Если бы родители жениха и невесты давно сговорились между собою, если бы даже жених сам лично посватался, ему дадут непременно ответ «присылай сваху». Свахой бывает родственница жениха, или какая нибудь ловкая женщина, у которой это дело обратилось даже в ремесло. Сваха отправляется к невесте, где садится «под матицу», чтобы была удача, по приметам старых людей, и, разговаривая с родителями невесты о сторонних предметах, между тем к слову начинает намекать о цели своего прихода и, узнав мнение родителей невесты о женихе, приступает уже к формальному сватовству: «дорогие наши, например, Иван Иванович и Марья Ивановна, я пришла к вам дорогою гостью от господина Петра Семёновича и Анны Николаевны попросить вас взойдти в родство и благословить вашу дочку за большую голову – сочетать законным браком за их – сына Ивана Петровича». – Если предложение принято, то сваха условливается о приданном, о свадебных издержках и за тем начинается угощение свахи. Сваха в тот же день извещает о всём жениха; здесь снова угощают сваху. На другой день жених с отцом, матерью и свахой идут в дом к невесте, где при приходе дорогих гостей зажигается свеча перед иконой. Посидев несколько минут, все встают, молятся на св. икону и потом родители жениха и невесты, а также жених и невеста, дают друг другу руки; невеста при этом иногда дарит жениха платком, за тем назначается день сговора или «рукобитья» и затем посидев недолго, жених, роди-

¹ Читатели наши вероятно не без интереса прочтут эти этнографические очерки, имеющие некоторые местные особенности и сообщённые человеком, принадлежащим к описываемой среде, что ещё больше придаёт верности описанию. *Ред.* [Примечание в газете].

тели его и сваха отправляются домой.

В день рукобитья родня и жениховы гости собираются в доме жениха, а родня, гости и подружки невестины в доме невесты, жених является сюда с родными и своими знакомыми в дом невесты, где его встречают на крыльце будущие тесть и тёща, а девушки подружки невесты поют:

«Не было ветру (2)
Вдруг нагрянуло;
Небыло гостей, (2)
Вдруг наехало
Полон двор, (2)
Саней, да карет;
Полны сени, (2)
Князей, да бояр;
Полон терем, (2)
Всё Княжевецких жён».

Песня повторяется до тех пор, покуда все, поздоровавшись между собою, не усядутся. Между тем невесты тут нет, она сидит в другой комнате, как бы спрятавшись. Сваха с поклоном говорит: «дорогие вы наши свяхоньки, сватушка Иван Петрович желает видеть дорогую вашу дочку, свою наречённую невесту и проводить с весёлостию вечер». Невеста выходит в сопровождении отца и матери и выносит жениху на подносе какойнибудь подарок и рюмку вина; получив подарок и выпив вино, жених и сам дарит чемнибудь невесту, а за тем сваха сажает жениха и невесту за стол, установленный сладкими закусками, и девушки поют:

«Как при вечере было вечера,
При первом было вечере
На машинькином сговоренице
Солетались ясны соколы,
Ясны соколы залётные,
Добрые молодцы заезжие;
Как один-то млад ясен сокол
Он садился под окошечко,
На серебрянную причеленку,
Он разбил, разшиб белилинку
Со белилами, со румянами,
Что никто его не усмотрел,
Усмотрела его сестрица:
Ты родимая сестрица моя

Заприметько ясна сокола,
Уж я рада бы заприметила
Резвы ножки подкосилися,
Ясны очи помутилися».

Затем величают девушки родителей жениха и невесты, их родню и гостей следующей песней, которая и поётся для каждого лица особо, и тот, кому эта песня поётся, должен давать девушкам на гостинцы мелкие деньги.

«У голубя у сизого золотая голова,
У голубушки головушка серебрянная;
Как у сватушки жена
Боярынька хорошинькая,
Позавидовал невестушке
Меньшой-от деверёк:
Кабы едака жена
У меня, братец, была,
Во коляске прокатил,
А зимою студёною
В новых питерских санях,
На лихих лошадях;
Ну-те братцы поскорее,
Приударьте-ко коней!
Распотешьте молодца!
Вы за то его потешьте,
Что меньшей сын у отца».

Затем когда величание женатых кончится, величают, конечно не без денежной благодарности, холостых и вдовых:

«Как у месяца золоты рога,
У Ивана-то пальто драпово,
Кудри чёрные;
Он и тросточкой подпирается
Гулял-то, Иван, в зелёном саду,
Не один гулял, – с инералами;
Господа в саду дивовалися,
Добрим моло[д]цом любовалися:
Уже чей это такой добрый молодец?»

Окончив величание холостых и вдовых, девушки начинают петь во всё продолжение вечера разные песни; но их так много, что еслибы взять труд их выписывать, то составила бы целая книга; есть правда много песен чисто местных, но большую часть их можно отыскать во всех старинных и

нынешних печатных сборниках Русских Романсов и песен. В Уфе на простонародных вечерках вы постоянно услышите романсы, перешедшие теперь уже в народ как-то: «что не ветер ветку клонит», «дуброва шумит», «не брани меня родная», «когда б он знал» и «скажите ей, что пламенной душою», всё это конечно является в страшно искажённом виде,

«Что сам бы сочинитель даже
Своих творений не узнал».

А «хуторок», «Ах подруженьки как грустно» и «Близко города Славянска», – без них не обходится ни одной нашей уфимско-мещанской вечерки. Сюда даже, каким то чудом попала песня Беранже: «как яблочко румян».

Между, тем покуда всё это распевается на вечерках и на вечере рукоблетья, так приходит ночь, и гости уже расходятся на разсвете, но жених и невеста, увы, и не думай об отдыхе, разве на 2–3 часа могут уснуть они, не более. Рано утром жених приносит невесте гостинец и сидит до вечера, а иногда и целую ночь, причём бывають только молодые люди, товарищи жениха и девушки, подруги невесты. Весь вечер проходит в песнях, играх, любезничании молодёжи и в попойке, где иногда подгулявшее наше мещанское юношество грядет:

«Разыгралися ребята,
Всё ребята молодые,
Всё ребята холостые;
Они шуточку шутили,
Новы сани тройкой заложили,
Красну, девку посадили,
Ух...!»

Но вот наступает третий день – и рано утром является сваха *заплести невесте косу*. Невеста, приняв сваху, садится среди комнаты а сваха, мать невесты и девушки заплетают ей косу, убирают лентами, а потом сваха говорит: «повой, повой сударыня, называя невесту по имени и отчеству, повой голубушка надо выть, ведь с родителями разстаться» и – начинает невеста выть и причитывать, что на ум придёт, хотя и нехотя. Покуда невеста притворно воеет и причитывать, родители начинают угощать сваху до самого вечера и это кончается тем, что сваху увозят домой через чур угощённую... Вечером снова приходит жених с товарищами – опять песни и попойка ребят молодых и холостых. Подобное посещение жениха с ребятами молодыми и холостыми продолжается до

самой свадьбы.

На другой день после заплетения косы, сваха, едва очнувшаяся от вчерашнего угощения, рано по утру является расплетать косу, – а девушки подружки уже тут. Сваха, обращаясь к родителям невесты, говорит: «благословите расплести косу, вчера заплетённую». «Бог благословит» отвечают отец и мать невесты; тут мать и сваха расплетают косу, невеста плачет, девушки- подружки плачут, – должны плакать, потому что так принято, – ну и плетут, а сами поют:

«Вострубила трубынька
Рано на заре,
Расплачется девица
По русой косе!
Вечор мою косыньку
Матушка плела,
Горючими слезами примачивала,
Мелким жемчугом унизывала;
Приехала сваха немилостивая,
Стала мою косыньку рвать – порывать,
Мелкий то жемчуг
Ногами топтать».

После расплетения сваха уезжает к жениху приготовить там угощение для девушек. Девушки топят баню и украшают цветами веник, а потом идут к жениху за мылом, где их встречает и угощает сваха, при чём девушки не отказываются и выпить на порядках и затем, получив мыла, идут по улицам с песнями, какие придут в голову – более с плясовыми; одна из девушек несёт веник, убранный лентами. Пришедши к невесте, девушки снова подкрепляют себя... и с песнями ведут невесту в баню, и когда она вымоется то и сами моются в бане. Вечером является жених с своими гостями и всякий гость приносит с собой чтонибудь из съестного и вручает дружке, после того дружка, выбранный из родных или знакомых жениха, холостой или женатый, разсаживает гостей, а сваха идёт звать невесту. Невеста выходит, садится рядом с женихом, но уже ничем не дарит жениха. – Девушки величают всех присутствующих, точно также как и в вечер рукобитья, и поют разные песни; гости опять расходятся на разсвете. – Утром на другой день, часу в 12, дружка привозит невесте башмаки и головной убор – подарок жениха – и назначает время *когда быть невесте готовую к вечно-*

сти... т. е. быть свадьбе. Сказав это, дружка уезжает собирать свадебный поезд. В назначенное время дружка с поездом является к жениху, которого в то время родители благословляют к венцу и все едут к невесте.

Невеста, совсем одетая к венцу, сидит, окружённая родней и подругами, за столом, её уже также перед этим благословили; на конце стола сидит мальчик с палкой в руке и сторожит невесту от женихова поезда. Поезд врывается в комнату, а впереди всех дружка, с плетью или кнутом, кричит на мальчика «прочь, пощёнок!» Мальчик не робеет и требует платы за косу невестину... Начинается торг, что стоит коса, наконец мальчик получает какую нибудь мелкую монету, – много что полтинник, и уходит из за стола. Дружка выводит под руки девушек, а за стол на место их садит жениха и поезжан. Посидев немного все встают, молятся Богу, жених и невеста принимают благословение от родителей невесты, а девушки поют:

«Что не верба к земле клонится,
Не кудрявая преклоняется,
То невеста Богу молится
Перед батюшкой стоячи,
Благословение просючи:
Благослови-ко меня, батюшко,
Благослови меня свет родной
Ко суду Божьему под злат венец,
Со удалым добрым молодцом
Свет Иваном-то Петровичем».

После того дружка, усадив гостей за стол, выходит на двор и там обходит всех лошадей и потом садится на передние сани или тарантас, за тем все выходят, садятся и едут в церковь. – На всяком перекрёстке поезд останавливается и все творят крестное знаменье и молитву. Прибыв в церковь, жених и невеста становятся рядом, лицом к царским дверям, девушки подруги, неучаствовавшие в поезде, так как невеста уже продана, приходят только поглядеть на венчанье и тотчас же отправляются домой. Невесту окружают одни мужчины и замужние женщины.

После церковного обряда новобрачные отправляются вместе с поездом в дом жениха, где садятся за стол, уставленный закусками и вином. – Посреди стола на блюде непременно – круглый пирог и около него вилки. Дружка, после

того как все выпьют и закусят, берёт вилку, втыкает её в пирог; гости встают, а новобрачных дружка ведёт в спальню и запирает на замок. – Все снова садятся за стол, пьют и едят, только дружка по временам встаёт из за стола и часто подходит к дверям спальни и что-то прислушивается – а наконец кричит, стуча в дверь, что пора-де выходить. Молодые выходят... Тут дружка, схватив первую же попавшуюся под руку каменную посуду, швыряет её об пол, гости кричат, стучат ногами и бьют посуду... Затем новобрачные садятся за стол, и сидят недолго; здесь родня и гости дарят молодых деньгами, домашнею птицею и разными вещами, необходимыми для домашнего быта. Получив подарки, молодые опять уходят и пир кончается уже без них. Но это ещё не конец, тут-то и начинается веселье: всякий присутствовавший на свадьбе человек женатый и семейный должен сделать вечер для новобрачных и всех прочих бывших на свадьбе – и так веселье и пиры продолжаются в течение нескольких дней.

Таковы теперь наши простонародные свадьбы в Уфе, таковы-же вероятно они были издревле; ведь наша Уфа существует, слава Богу, около трёх столетий; трёх-сот-летний юбилей города будет в 1874 году.

(Уфимские губернские ведомости. 1869. 1, 8 февраля)

№ 26. Буйство Башкир дер. Исергапова, Бугульминского уезда, Самарской губернии

Как беззащитна, местами, собственность и как затруднительны успехи сельского хозяйства в Бугульминском уезде, можно судить по следующим данным. Соседи мои по имению, Башкирцы деревень Чутей, Красного Яра, Бавлы, Исергапова и Тумберлы, по распоряжению высочайше учреждённой комиссии для наделения Башкир землёю, были в 1863 г. пропорционально размежёваны. Все деревни, за исключением, Исергапова, приняли указанный им надел. Когда в 1865 г. Башкирцам д. Исергапова пришлось по новому наделу уступить Башкирцам д. Бавлы часть своей прежней земли, они отказались на отрез. Бавлинцы обратились с просьбой к уездному начальнику. Покуда земская полиция внушала Исергаповцам повиновение закону, прошёл год, а Бавлинцы

остались всё-таки без земли. Нынешнего года, как только они попытались пахать указанную им по наделу землю, Исергаповцы напали на них и прогнали их с поля. Бавлинцы опять жалуются земской полиции. Становой пристав едет в Исергапово внушать Башкирцам повиновение закону, но Башкирцы объявили ему прямо, что земли своей они Бавлинцам не отдадут. Едет исправник, и его постигает та же участь: Башкирцы выпроводили его из деревни своей с энергическими угрозами. Тогда исправник собирает временное отделение земского суда и отправляется вновь в Исергапово внушать Башкирцам повиновение закону; но и временное отделение принуждено удалиться без всякого успеха. Тогда исправник вторично собирает временное отделение и подкрепляет его понятыми и сотнею не вооружённых солдат, надеясь с их помощью перехватать главных зачинщиков. Но Башкирцы смекнули дело: собрались в один двор, устроили баррикады, вооружились дубьём, топорами и косами, и объявили, чтоб никто, под опасением смерти, к ним не подступал. Исправник располагается лагерем в Исергапове и посылает нарочного к самарскому губернатору, прося выслать команду для подавления мятежа. Губернатор присылает на это чиновника особых поручений, но его постигает общая участь, и 6-го июля временное отделение, потерпевши полное поражение, было вынуждено оставить Исергапово. Уездные власти, сделавши всё возможное, замолкли. Вся окрестность стала с нетерпением ожидать действий губернского начальства...

Между тем Бавлинцы остались без следующей им части лугов и пашни. Как только временное отделение выехало из Исергапова, они вторглись в мою дачу, прогнали всех моих арендаторов, и, под угрозой поджога и убийства, объявили им, чтоб они бросили косить и пахать мою землю, потому что из опасения голода им остаётся только отнять её у меня. Пришла моя очередь обратиться за помощью к земской полиции. Становой пристав поскакал в Бавлу и успел укротить разбойнический порыв соседей моих, – надолго ли, неизвестно. Покуда Бавлинцы не получают своего надела, до тех пор я должен опасаться повторения тех же беспорядков и ещё худшего. Угроза Башкирцев – не пустые слова: они не могут простить мне, что в 1861 г. земли мои были отмежёваны от них. В 1863 г. они сожгли мою мельницу, а в 1864 г. и житный двор мой, полный хлеба, о чём было в своё время напе-

чатано в «Северной Почте»; в продолжение пяти лет они порубили у меня более 6000 деревьев; по этому поводу было подано мною земской полиции до двадцати объявлений; ни по одному из них не состоялось до сего времени никакого решения... Такая безнаказанность и пример, подаваемый Исергаповцами, поощряет соседей моих на всякое насилие. Они делают со мною что хотят. Если я до сего времени не окончательно разорён, то этому я обязан не силе закона, а Провидению.

В продолжение месяца я выжидал известий о том, какие меры угодно будет губернскому начальству принять для водворения порядка; уездный исправник оставался в совершенной о том неизвестности; меж тем наступила самая страда. Исергаповцы не давали Бавлинцам ни косить, ни сеять, ни жать. Каждый сноп, каждый клочёк земли брались с бою; страшные драки совершались почти ежедневно... Я должен был оставить имение своё, предоставленное всяким случаям и дикому произволу Башкир.

По сие время положение дел в околотке моём не изменилось. После отъезда моего драки между Башкирцами продолжались до глубокой осени. В одной из схваток 80 Бавлинцев напали на 6 Исергаповцев и одного из них избили до смерти; об этом деле теперь производится следствие: «девять Бавлинцев посажены в острог». С весной надо ожидать новых буйств, новых драк и новых уголовных дел. Если местные власти не подумают об этом заблаговременно и не примут мер для пресечения этих беспорядков, то последствия могут быть самые худшие. Предупредить их лежит теперь на обязанности губернского начальства; уездные власти разбиты и более тут сделать ничего не могут...

Помещик Бугульминского уезда

А. Аксаков.

24 марта 1867.

(Москва. 1867. 28 марта)

№ 27. Уфимские церковные колокола¹

(Материалы для истории Уфы).

1. Воскресенский кафедральный собор.

Всех колоколов 13.

1. На праздничном колоколе надписи: «Владычице приими молитвы рабов твоих и избави нас от нужды и печали». «1855 года июня дня». «Ни имамы иныя помощи, ни имамы иныя надежды разве Тебе Богородице нам Ты помози на Тебе надеемся и Тобою хвалимся Твои бо раби да не постыдимся». «Отливали в городе Елабуге купецкии братья Афонасий и Александр Шишкины. Весу 521 пуд».

За литъё с доставкой, если положить по 10 руб. с пуда, по стоимости в то время, определится в 5210 рублей.

2. На втором надпись: «Божиею милостию вылит сей колокол в царствование Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича с благословения Преосвященнаго Иосифа Епископа Уфимскаго и Оренбургскаго в город Уфу в кафедральный собор. Отлит в городе Елабуге на заводе купецких братьев Афонасия и Александра Шишкиных. 1851 года июля 26 дня. Весу 250 пудов 15 фунтов».

3. На третьем надпись: (славянским шрифтом того времени): «1786 года июля 31 дня вылит сей колокол в город Уфу в собор Богородице Владычице присно Девы Марии. При державе Благочестивейшей и Самодержавнейшей Великой Государыни Императрице Екатерине Алексеевне всея России и наследнике Ея Благоверном Государе Царевиче Великом Князе Павле Петровиче и при супруге Его Благочестивой Государыни Великой Княгине Марии Федоровне и при Благоверных Государях Великих Князях Александре Павловиче и Константине Павловиче и Елене Павловне тцанием добротных и благочестивых подателей. Весу внем 121 пуд 33 фунта».

«Мастер Чебоксарский Михаил Никифоров Зупков».

На других колоколах надписей и обозначения весу нет.

Стоимость всех колоколов, надо полагать, в 10 000 рублей.

¹ Подобное же описание сделано в Казани и напечатано было в Каз. Губ. Вед. с 1882 по 1886 г. – прим. в газете.

2. Александровская церковь.

Всех колоколов 9.

1. На большом колоколе надписи: «Божиею милостию вылит сей колокол в городе Елабуге в город Уфу к церкви святого Благоверного Князя Александра Невского». «Усердием Уфимского Дворянства старанием господина Губернского Предводителя Георгия Николаевича Тимашева, при архитекторе Александре Хабарове и попечителе Александре Орлове. 1836 года июля дня. Весу 98 пудов 10 фунтов».

3. Спасская церковь.

Всех колоколов 7.

1. На большом колоколе надписи: «Архангельский глас вопиет ти Чистая Радуйся Благодатная Господь с Тобою». «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу». «1850 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 134 пуда 24 фунта».

4. Ильинская церковь.

Всех колоколов 7.

1. На большом колоколе надписи: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу». «Созижду церковь мною и врата ада не одолеют ей». «В вечер, завтра и в полудни повем, возвещу и услышиши глас мой». «1882 года лил сей колокол вятской губ. в городе Слободском купец Николай Алексеев Бакулев. Весу 152 пуда 21 фунт»

2. На втором надпись: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу». «Отливали в городе Елабуге купцы 2-й гильдии Шишкины. 1869 года. Весу 83 пуда 25 фун.»

3. На третьем надпись: «лили Елабужские купцы Афонасий и Александр Шишкины 1872 года. Весу 36 пуд. 3 фун.»

4. На четвертом надпись: «1858 года лили сей колокол вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 10 пуд. 19 фун.»

5. *Троицкая церковь*¹.
Всех колоколов 8.

1. На большом колоколе надписи нет, а высечено вес 117 пуд. 7 фун.

2. На втором надпись «заутра услыши глас мой царю мой и Боже мой. 1830 года сей колокол лили вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 49 пуд. 7 фун.»

6. *Покровская церковь*.
Всех колоколов 8.

1. На большом колоколе надпись: «вылит сей колокол в город Уфу Покровской церкви. 1824 года. Весу 53 пуда. Лил города Елабуги купец Семен Пономарев, в бытность протоиерея Иоанна Бреева».

7. *Сергиевская церковь*.
Всех колоколов 6.

Надписи на большом колоколе нет, весу примерно 30 пудов.

8. *Успенская церковь*.
Всех колоколов 6.

1. На большом колоколе надписи: «Заутра услыши глас мой и Боже мой. Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу». «Лили сей колокол вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. 1851 года. Весу 102 пуда 16 фун.»

2. На втором колоколе: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу» (Кто лил прочесть невозможно). «1871 года. Веса 32 пуд. 31 фун.»

¹ В том же 1887 г. на анкету Академии художеств отвечал священник уфимской Троицкой церкви (бывшего Смоленского собора) Николай Соколов (составлена 4 марта 1887 г.). В частности, на вопрос о памятных событиях он сообщил: «При осаде Уфы пугачёвцами в 1774 г. около церкви стояли батареи и главные нападения бунтовщиков были направлены против Смоленского Собора, который укреплен был тыном» (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 6959. Л. 2, 14).

9. *Никольская церковь.*

Всех колоколов 7.

1. На первом колоколе надписи: «Благовестуй радость велию хвалите небеса Божию славу; созижду церковь мою и врата ада не одолеют ей; в вечере и вполудни повев возвещу и услышит глас мой». «1886 г. Лил сей колокол Вятской губернии в городе Слободском купец Николай Алексеев Бакулев. Весу 121 пуд. 9 фун.»

Орнаменты и образа св. Троицы, св. Николая Чудотворца и св. Александра Невского и Архангелы со трубами вылиты довольно отчётливо.

2. На втором колоколе надписи: «Заутра услыши глас мой и Боже мой». «Созижду церковь мою и врата ада не одолеют ей». «1877 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 59 пуд. 10 фун.»

3. На третьем колоколе надпись: «1876 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 10 пудов».

10. *Иоанно-Предтеченская церковь на кладбище.*

Всех колоколов 4.

1. На большом колоколе надписи: «Блавестите днесь одне спасение Бога Нашего. Заутра услыши глас мой и Боже мой». «1866 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 21 пуд. 7 фун.»

2. На втором колоколе надпись: «1866 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 10 пуд. 9 фун.»

11. *Преображенская церковь на Сергиевском кладбище.*

Всех колоколов 5.

1. На большом колоколе надпись: «Блавестите днесь одне спасение Бога Нашего». «1868 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 21 пуд.»

12. *Благовещенский Женский монастырь.*

Всех колоколов 7.

1. На большом колоколе надпись: «вылит сей колокол в Уфимский Благовещенский женский монастырь. Лил Елабужский купец Афонасий Шишкин во время архипастырства Преосвященнейшаго Епископа Ионикия, при настоятельнице монастыря игуменьи Филарете. 1846 года сентября. Весу 83 пуд. 24 фунта».

2. На втором колоколе надписи нет, весу примерно 20 пудов.

3) На третьем колоколе надпись: «1865 года лили сей колокол Вятской губернии в городе Слободском братья Бакулевы. Весу 14 пудов 29 фунтов».

13. Успенский Мужской монастырь.

Всех колоколов 6.

1. На большом колоколе надпись: «Божиею милостию вылит сей колокол в Уфимский Успенский Богородицкий монастырь попечением архимандрита Никодима. 1845 года июня 5 дня. Лил Елабужский купец Афонасий Шишкин. Весу 59 пуд. 20 фун.»

2. На втором колоколе такая же надпись, того же году. Весу 19 пудов 23 фунта.

Владимир Сосфенов.

(Уфимские губернские ведомости. 1887. 8 августа)

№ 28. Исторические заметки о селе Нагайбаке

Село Нагайбак, русское теперь, первоначально заселено было татарами, бежавшими во время покорения Казани. Они остановились на реке Ике, основали городок, давши название по имени своего предводителя – Нагайбак. Он, говорит предание, был Ханом, делал с ордою частые набеги на русские селения, с целью грабежа. В виду этого, Русское правительство приказало уничтожить городок с его предводителем и населением; но Хан-Нагайбак с своими приверженцами подчинился Русской власти, за что Правительство оставило его в прежнем княжеском достоинстве. Ему была пожалована земля по левую сторону реки Ика, где теперь татарская

деревня Рысаева, в которой проживают его потомки Нагайбаковы. Правительство, наделив их землёю, причислило, к званию башкир. В конце XVI столетия, башкиры эти обратились в православную веру и в то же время городок Нагайбак был переименован в деревню. В начале XVII столетия все деревни, находившиеся по реке с крещёным татарским населением, были переименованы в крепости и заняты усиленно казаками. Крепость Нагайбак была обнесена деревянною стеною и окопана рвом.

В Нагайбаке две церкви деревянные. Летняя высокая, построенная в 1743 году, и сажень в 12 от неё другая зимняя, построенная в 1773 году. В этом же году на крепость Нагайбак было нападение скопища мятежников под предводительством двух Донских казаков из шайки самозванца Пугачёва. Нагайбак после отчаянной обороны был взят и, как продолжает предание, Комендант крепости, Мажаров, и Воевода Рушинский с женою пострадали; с них живых сняли кожу. Следы нападения видны и теперь. На куполе летней церкви с ЮВ стороны видно отверстие, пробитое пушечным ядром. В 5-ти верстах от Нагайбака, на горе, был татарский городок, в котором властвовала Ханка Абейка, как её называют. Городок этот жил разбоем, грабежами и набегами. В один из набегов татары этого городка ворвались в Нагайбакскую церковь и разграбили её. Правдивость этого события подтверждается указом Казанской Духовной Консистории. После нападения скопища Пугачёва на Нагайбак, оно направилось на Уфу и по дороге обстреливало село Бакалы; говорят, что на берегу реки Сюни находили ядра, пущенные мятежниками с горы при сельце Мелькени в четырёх верстах от Бакалов, но следов этого обстреливания не сохранилось. В Бакалах и других деревнях: Старых и Новых Матах, Шерашлях, Усе, Диашеве, Костееве, также как и в Нагайбаке жили казаки под управлением атаманов. В 1840 году Правительство нашло излишним существование крепости Нагайбака, почему всех казаков из крепости и из окружных селений выселило в Челябинский уезд. После ухода казаков Нагайбак переименован в село, а крещёные татары перечислены в Государственные крестьяне и наделены землею.

Пристав 4-го стана, Белебеевского уезда Хлебодаров.

(Уфимские губернские ведомости. 1887. 24 октября)

№ 29. Из старины Благовещенского завода

(Доклад секции «изучения местного края»
Уф. сем.-педаг. о-ва).

Село Благовещенский завод расположено на правом нагорном берегу р. Белой по скалам двух больших увалов и образуемой ими ложбины, по которой протекает речка Потеха, впадающая в р. Белую. Почва здесь преимущественно чернозёмная, подпочва – суглинистая и супесчаная с известковым грунтом. Многие отроги увалов состоят из алебастра и известняка и обрываясь над р. Белой, как бы напоминают своей белизной – отчего произошло название реки. Некоторые холмы – сплошные массы крупнозернистого гравия и шлифованных камней разных горных пород, свидетельствующих об эпохе движения ледников и грандиозном многовековом разрушении высот Урала. С холмов открывается великолепный вид: огромная продолговатая с севера на юг долина с заливыми лугами и урёмами, прорезанная широкой рекой и окружённая могучими увалами, по которым там и сям в синеве лесов пестреют поля и сёла и в разстоянии сорока вёрст ясно виднеется г. Уфа. – Прекрасный уголок «богатого Оренбургского края», воспетого Аксаковым! Но прежде он был ещё лучше и привольнее. Роскошные леса состояли из следующих 23 древес пород: липа, дуб, клён, вяз, ильм, ветла, сокорь (тополь), осина, таль (верба), ольха, берёза, рябина, крушина, черёмуха; полу и кустарники: калина, бузина, боярышник, бересклет, шиповник, смородник, вишневник, бобовник и жимолость. Из ягодных трав клубника, земляника, малина, костеника, брусника, черника, клюква, и сама царь-ягода – княженика; съедобные травы: дигель, шкерда, медуница, дикий лук, дикая редька, пастушёк, ужевник, барчевка, и свирбига; пряные травы: мята, душица, тмин, анис. Многие из перечисленных растений исчезли совершенно. Но лет 50–70 назад благовещенцы пользовались ими полностью. Ягод сушили на целую зиму вдоволь. Из них готовились пироги, кисели и пастилы (варений не знали), в особенном почете были калиновый кисель и «черёмуха – в сусле». Из зверей водились: медведи, которых ежегодно убивалось от 20 до 40 шт., затем зайцы, лисы, волки, рыси, барсуки, белки, хорьки, горностаи, выдры и даже будто-бы соболи, олени и бобры. Из пернатой дичи – утки: кряк, шилохвостень, кархаль, нырок и

проч. виды, гуси, лебеди, казарки, аисты, цапли, журавли, кулики, ягибабы (пеликаны), рябчики, тетерева, глухари, куропатки и перепёлки. Много было пчёл диких и культивированных: по сведениям конторы Дашковых, им крестьяне платили за аренду пчельников с 14 000 ульев. Многочисленные озёра и речки кишели рыбой, плодотворная почва, благоприятный климат, – толи была не благодать! Немудрено поэтому, что здесь с незапамятных времён возникали поселения и за обладание местностью шла постоянная борьба.

Благов. завод был основан в 1757 году (154 г. назад) сначала им владели некие (кажется купцы) Мясниковы, затем помещики Полторацкие и потом Пашковы, от которых он с десятками тысяч десятин окрестной земли был получен Дмитрием Васильевичем Дашковым в приданое за своей женой Елизаветой Васильевной, урождённой Пашковой. А их дети Дмитрий и Андрей Дашковы, недавно умершие, владели именем до нашего времени. Население завода состояло из крепостных крестьян, «пригнанных» из Московской и потом добавленных из Рязанской и, кажется Симбирской губернии. Московский «говор» благовещенцев до сих пор изобличает их происхождение и является почти единственным на сотни вёрст вокруг и в нём-же ясно слышится значительная примесь рязанского наречия с резким произношением «а» и «я» вместо «о» и «е», например: чаво, пашёл, пясок, вядро и т. д. Завод сначала назывался Потехинским по р. Потехе (по-башкирски Ушкала), на которой он стоит и, которая образует три пруда. До его основания на бугристом берегу р. Потехи (где теперь кладбище) стоял укреплённый городок какого-то мурзы (князька) Капчика. Камни развалин были постепенно растасканы благовещенцами на свои хозяйственные надобности, но рвы и валы крепостцы заметны и теперь. На существование городка указывает и башкирское название реки Потехи – Ушкала, что значит «пустой городок». Местность эта прежде называлась «Князьевым полем», а расположенная около него часть села и до сих пор именуется искажённым башкирским словом «Инзой» (индзе – жемчуг), жители же её за нелюдимый и свирепый прежде нрав обзываются «мурзинцами» и «капчиками». По другим версиям не мурза, а самый городок или место называлось «Капчиком» (мешком) и в связи со словом «Инзя» (жемчуг) означало – «мешок жемчуга». По преданиям «Мешок жемчуга» был разрушен какими-то при-

шельцами, основавшими здесь своё поселение. Кто они были, – неизвестно, может быть одною из шаек, подобных шайке Ермака или отрядам русских войск, основывавших в крае крепостцы «засеки» и «остроги», около которых селились русские колонисты. Те-же предания намекают, что башкирская дер. Турбаслы (в 18 вер. от завода) – самое древнее местное селение и что турбаслинцы каждую осень, как только замерзала р. Белая, отправлялись по ней на лыжах в Казань с ясаком т. е. данью. Русским-ли они носили дань или ещё татарам (до падения Казани) – неизвестно, но только против завода «ясашников» грабили, поэтому они может быть и придумали отговариваться «данью», хотя она в виде звериных шкурок могла быть просто их товаром, который они носили сбывать куданибудь в Бирск или Мензелинск. Судя по названиям местностей аборигенами завода были башкиры, каким-то образом обрусевшие и смешавшиеся с благовещенцами, ибо от них только последние могли перенять вышеприведённые отрывки преданий. Да и кроме того, некоторые фамилии благовещенцев башкирского происхождения, например: Киняшев (киняш – совет), Инякин (инякей – маменька), но есть и иные: Качкаев (от черемисского «качкай» – ешь), Асеев (от чувашского «асей» – вроде: эй, эй, стой!). Частенько и изстари также встречаются у благовещенцев типичные монгольские физиономии, являющиеся стало-быть следствием атавизма. Невдалеке от «Князева поля» не особенно давно рабочие срывали для дороги откос холма и находили человеческие скелеты, из чего заключили о бывшем тут некогда «мурзинском» кладбище, но возможно, что находка была чем либо ценным и может быть даже ценным в археологическом отношении. Верстах в пяти от завода на берегу р. Белой есть невысокая гора – Караабызовская (по башкирски кара – чёрный, абызей – дядя). На горе было обиталище шайки Чёрного Дяди. С трёх сторон гора крутообрывиста, а с четвёртой до сих пор виден глубокий ров, через который, старики говорят, был перекинут мост, гнилые остатки которого, прежде ещё были заметны.

Около Караабызовской горы под живописными утёсами известняка и алебаstra есть пещера, называемая «погребком» а в ней – озеро. Прежде (может быть и теперь) оно по зимам будто-бы не замерзало, а летом – наоборот, так что мужики приезжая на покос, накалывали из озера льду, отчего и

назвали пещеру «погребком». Пещера не исследована, но говорят, что далеко продолжается за находящимся в ней озером. К югу от «погребка» над растилающимся по лугам Карабызовским озером на горах приютился маленький посёлок «Городок» и здесь и в «погребке» тоже гнездились разбойники. И все эти места изрыты кладоискателями... но находили-ли они тут какие либо разбойничьи клады, – неизвестно. На севере от завода в 3–4 вер. над р. Белой высится группа Чердынских гор, около них впадает в р. Белую р. Семёновка, а на ней село Семёновка, оба названия дали по имени древле спасавшегося тут старца Семеона, но и здесь тоже жили разбойники, зарывшие клады «на счастливого о ста головах».

Против завода на забельских лугах по дороге в дер. Кашиванову, (которая кстати сказать вся состоит из потомств. дворян) ещё недавно виднелся кольцеобразный фундамент какого-то здания. И тут то-же жили разбойники. Вообще их около завода было много, так что благовещенцы прежде ездили в г. Уфу не иначе, как партиями в 20–30 человек. Из разбойников особенно славился какой-то Апока (говорят он был из черемис) о подвигах которого, сохранилось не мало рассказов. Однажды он остановил ехавшего с мукой мужика и заставил его вымочиться совсем с одеждой в воде, а затем высыпать из мешка муку и вывалиться в ней, за что наградил потерпевшего десятью рублями. В другой раз он напал на проезжавшую бабу, но она не растерялась и бросила ему в глаза горсть дорожной пыли, а пока он «протирает зенки», её и след простыл. Наконец на Апоку устроили облаву. Он заперся в лесной избёнке, но у неё разобрали крышу и один мужик бросил сверху топором в разбойника и «развалил» ему череп.

Прошли «привольные» времена: сильно поредели дремучие урёмы, повывелись ягоды, повывелась дичь и зверьё, обезрыбила и обмелела красавица Белая. Но зато не стало и разбойников и «непроезжалых» дорог. Бороздят Белую быстрые пароходы, нивами и сёлами покрылись её берега. И на месте чахлого «Мешка жемчугов» раскинулся тысячью домов среди садов и огородов Благовещенский завод с церквями, семинарией, прогимназией, школами, библиотекой, торговыми и промышленными заведениями и даже кооперациями. И не шайки удалцов разъезжаются отсюда во все стороны, а искатели мирных занятий: ремесленники, конторщики, писаря, учителя, землемеры, техники и т. д., это дети быв-

ших «крепостных» мужиков, то здесь, то на стороне обучившихся своему делу. Всему своё время... Но робкие предания, да бледные памятники дикой старины, сливаясь на лоне красивой и всё ещё богатой местности с культурной и звучной современностью, составляют с ней как-бы одно нечто цельно-живое, интересное и поучительное, что невольно привлекает внимание спокойного исследователя и вдохновенного бытописателя и ждёт ещё их научных и поэтических трудов.

Н. Ч.

(Уфимский край. 1912. 13 июля)

VI. Иван Иванович Меньшов

Творчество златоустовского краеведа Ивана Ивановича Меньшова в 1870–1880-х гг.

На протяжении XIX – начала XX вв. заметной частью общероссийской историографии стала так называемая провинциальная историческая наука, представленная в основном краеведами-любителями¹. Среди обширного сообщества уральских краеведов², плодотворно трудившихся в Пермской, Оренбургской, Вятской, Уфимской губерниях, к исследователям, так сказать, «второго плана» принадлежал житель города Златоуста Уфимской губернии (ныне Челябинская область) Иван Иванович Меньшов. Это имя в XX столетии было практически забыто, да и сейчас почти не упоминается в местных справочниках, даже в Интернете размещены лишь краткие сведения из энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Меньшов (Иван Иванович, 1831–1881) – собиратель материалов по истории Уфимского края. Его статьи по местной истории, этнографии и статистике разбросаны в «Уфимских Губ. Ведомостях». М. горячо заботился о народном образовании и на свои средства роздал в школы и беднейшим ученикам свыше 8000 экз. разных книг»³.

Отдельные уральские краеведы и историки интересова-

¹ См.: Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.

² По истории краеведения Урала см.: Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург, 1991; *Он же*. Историки Оренбургского края. Советский период. Оренбург, 1993; Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер (1845–1920). М., 1989; Дудырев Ф.Ф. Н.К. Чупин. Фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1988; теоретические аспекты краеведения см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012; *Они же*. Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве. Приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012 (сведения любезно предоставлены Н.Н. Алеврас и П.Ф. Назыровым).

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIX (полумтом 37). СПб., 1896. С. 107.

лись творческим наследием И.И. Меньшова. Так, в Пермском архиве среди коллекции документов А.К. Шарца (1906–1986), составлявшего «Уральский биографический словарь», есть дело «Меньшов Иван Иванович, член Оренбургского и Уральского статистических комитетов»¹. В современной историографии первым обратила внимание на творчество Меньшова екатеринбургский исследователь С.В. Голикова, осветившая некоторые моменты его биографии и литературного наследия².

Известно начало карьеры И.И. Меньшова. Родился он примерно в 1829 г. (по формуляру за 1850 г. ему исполнился 21 год), происходил из казённых людей горного ведомства, православный. «В учебных заведениях не обучался и свидетельства о науках не имеет». Видимо, грамотный самоучка обратил на себя внимание начальства и был принят на службу 11 сентября 1847 г. писцом в Оренбургскую казённую палату «по отделению казначейств», но где служил – в Уфе или в заводах, неизвестно. «По приведению в действие Высочайше утверждённых 11 Мая 1847 года штатов для Уральских горных заводов и по положению Комитета Гг. Министров 6 и 20 Сентября 1849 г. Государем Императором утверждённому исключён с семейством его из Горного в Гражданское ведомство с причислением в 3-й разряд канцелярских служащих», после чего был зачислен в штат палаты 17 октября 1849 г. То есть из горнозаводских крестьян перешёл в государственные служащие, оказавшись в статусе свободного чиновника.

Видимо, как выходец с Урала 12 октября 1849 г. (до зачисления в штат) по постановлению Казённой палаты «командирован в Челябинское Уездное Рекрутское Присутствие писцом по частному очередному набору».

В 1850 г. Иван Иванович Меньшов состоял канцелярским служителем 3-го разряда, писцом в отделении казначейств Оренбургской казённой палаты с жалованием 120 руб. в год³. В начале карьеры Меньшов проживал в Уфе, но его командировали в горнозаводскую часть края, как местного уроженца. По всей видимости, именно поэтому он со временем и

¹ ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 1498.

² Голикова С.В. Уральский краевед Иван Иванович Меньшов // Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 116–120 (в этом сборнике опубликована работа И.И. Меньшова «Празднование нового года в Уфе в XVII и XVIII веке»).

³ ЦИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2614. Л. 1191 об. – 1193.

оказался в Златоусте. В 1878 г. коллежский секретарь И.И. Меньшов служил в уездном казначействе помощником бухгалтер¹.

Краеведение являлось увлечением этого человека, в череде непрерывных забот о хлебе насущном Иван Иванович находил время и силы для разносторонних поисков и публикации найденного материала. Для И.И. Меньшова был характерен весьма широкий диапазон в краеведческих изысканиях. Так, в 1870 г. Меньшов собирал для Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества (ИРГО), чьим членом-сотрудником он состоял, «коллекцию минералов в Уральском горном хребте». И уже в апреле он спрашивал как отправлять собранные образцы в Оренбург. В марте 1871 г. И.И. Меньшов просил отдел «исходатайствовать ему в Оренбургской и Уфимской духовных консисториях дозволение осмотреть священно-церковные летописи в церквах г. Златоуста и заводов Саткинского, Кусинского и Миасского с целью извлечь полезные исторические сведения» (обе консистории ответили согласием). Также Меньшов подарил Оренбургскому отделу ИРГО две брошюры «Уфимский Успенский монастырь, соч. Л.С. Суходольского и здания монастырские, – продолжение к первой брошюре»². В августе 1871 г. от Меньшова поступило несколько монет в дар Уфимскому губернскому музею³.

Это же многообразие интересов И.И. Меньшова проступает в его публикациях на страницах южноуральских газет, с которыми плодотворно сотрудничал краевед. В 1870 г. в № 43 «Оренбургских губернских ведомостей» выходит его статья «Селение Новотагильское Оренбургской губернии, Троицкого уезда»⁴. В следующем 1871 г. он отправляет материал о театре в Златоусте⁵, пишет большую статью «Заметка о станице Кундравинской (Кундравы) Оренбургского казачьего вой-

¹ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа, б. г. Отдел III. С. 45.

² Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 2. Казань, 1871. С. 9, 34, 43.

³ ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 1. Л. 277–278.

⁴ См.: Матерьялы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Вып. I. Оренбург, 1877. Библиографический указатель сочинений и статей, касающихся нынешней Оренбургской губернии. С. 70.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1871. 11 декабря.

ска»¹. Когда же была «издана Справочная Книжка Оренбургского края на 1872 год», туда вошла данная работа И.И. Меньшова «Заметка о станице Кундравинской Оренбургского казачьего войска»².

В 1872 г. в Уфе появляются корреспонденции И.И. Меньшова из Златоуста³, его же сообщение «О праздновании 200 летнего юбилея Петра Великого» в Златоусте⁴, а затем большой отчёт об открытой Кундравинской женской церковно-приходской школе⁵, в учреждении которой краевед принял самое активное участие. Работы И.И. Меньшова не остались незамеченными и 19 сентября 1873 г. он единогласно избирается в действительные члены Уфимского губернского статистического комитета⁶. Наконец, в том же 1873 г. Меньшов для Оренбургского губернского статистического комитета, действительным членом которого он также состоял, собрал «этнографические очерки местного быта», представленные в виде заметки⁷.

В конце 1874 г. выходит статья И.И. Меньшова «Описание добычи шлифового золота на казённых Мияских промыслах Златоустовского горного округа»⁸, в 1875 г. – «Несколько слов о Златоустовском Свято-Троицком братстве»⁹. В 1876 г. Иван Иванович занялся метеорологическими наблюдениями за погодой в Златоусте, отправляя итоговые таблицы в Оренбургский отдел ИРГО, свидетельство на звание которого он просил ему выслать¹⁰.

Такая «разбросанность» интересов златоустовского краеведа – от минералов и погоды до истории и народного образования была, в общем, естественна. Исследователь-любитель не имел возможностей (материальных в первую очередь) сосредоточиться на каком-нибудь одном направлении поисков, он брался за любые темы, которые оказывались в поле его внимания, или на что был заказ от научно-статистических

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1871. 2 октября.

² Там же. 1873. 13 января.

³ Уфимские губернские ведомости. 1872. 19 февраля, 27 мая.

⁴ Там же. 17 июня.

⁵ Там же. 11, 18 ноября.

⁶ Там же. 1873. 13 октября.

⁷ Оренбургские губернские ведомости. 1874. 7 сентября.

⁸ Уфимские губернские ведомости. 1874. 5 октября.

⁹ Оренбургские губернские ведомости. 1875. 19 июля.

¹⁰ Там же. 1876. 10 апреля, 15 мая.

организаций.

Во второй половине 1870-х гг. И.И. Меньшов сотрудничал почти исключительно с уфимскими «ведомостями». Сохранилась его переписка с редактором Н.А. Гурвичем, который 17 января 1876 г., например, сообщал златоустовскому краеведу, что «статья Ваша напечатана в № 3 губ. вед.»¹ Здесь уже в начале 1876 г. публикуется его очень большая работа «Златоуст 1-го Января» о праздновании Нового года и просвещении². Затем выходит несколько сообщений из Златоуста³, а осенью рядом с отчетом о деятельности Златоустовского Свято-Троицкого братства напечатана заметка И.И. Меньшова о театре⁴. В 1877 г. в Уфе также появляются его статьи (во второй речь идет о войне и новобранцах)⁵, в 1878 г. на страницах уфимской газеты из-под пера Ивана Ивановича вышли некролог на кончину златоустовского протоиерея С.В. Яхонтова⁶, работа об освящении Ильинской церкви в селе Куваши⁷, заметка о Свято-Троицком братстве⁸. В 1879 г. Меньшов издал большую статью о пчеловодстве⁹, а в номерах 32 и 33 выходит «Воспоминание о Златоусте»¹⁰, возможно, это фрагмент той самой истории Златоуста, которую впоследствии предлагал И.М. Меньшов к публикации¹¹.

Очень мало печаталось материалов Меньшова в оренбургской прессе. Во вновь появившейся частной газете «Оренбургский листок» лишь в номере 22 за 1877 г. поместили его заметку из Златоуста, да в начале 1879 г. там же в ряде номеров (последний за 8 апреля) издавалась статья Меньшова «Станица Кундравинская».

Златоустовский краевед продолжал поддерживать контакты с научно-статистическими обществами края. Так, в дар библиотеке Уфимского губернского статистического ко-

¹ ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 1. Л. 335; также см. переписку: Л. 336–338, 346–347.

² Уфимские губернские ведомости. 1876. 17 января.

³ Там же. 19, 26 июня, 17 июля.

⁴ Там же. 16 октября.

⁵ Там же. 1877. 14, 21 мая, 10 сентября.

⁶ Там же. 1878. 14 января.

⁷ Там же. 3 июня.

⁸ Там же. 12 августа.

⁹ Там же. 1879. 27 января.

¹⁰ Там же. 11, 18 августа.

¹¹ См.: Голикова С.В. Указ. соч. С. 120.

митета в 1875 г. он подарил 12 книг трудов Вольного экономического общества за 1874 г.¹, издания этого же общества Меншов присылал в 1876 и 1877 гг.², а затем уфимскому статистическому комитету отправил в подарок коллекцию экспонатов из горных заводов (образцы железа и стали, гранату, ядро)³, о чём было записано в журнале комитета⁴.

Но наибольшее внимание Иван Иванович обращал на действовавший в Оренбурге отдел Русского Географического общества, единственный на всём Южном Урале филиал столичной (императорской) научной структуры. Туда в дар от Меншова поступил целый тюк книг «Горного журнала» за 1871, 1845, 1857, 1860, 1836 гг.⁵, а на заседании отдела 23 октября 1871 г. сообщалось, что И.И. Меншов прислал для публикации статью о чувашах⁶. Тогда же он просил от Оренбургского отдела поддержки, чтобы осмотреть церковные летописи в Златоусте, Сатке, Кусе и Миассе, жалуясь на протоиерея Яхонтова, не допускавшего краеведа к летописи Троицкого собора Златоуста. Оренбургские географы обратились к уфимскому епископу и владыка Пётр дал команду Яхонтову ознакомить Меншова с летописью⁷. Наконец, на заседании 15 мая 1874 г. редакционный комитет Оренбургского отдела ИРГО рекомендовал к публикации в «записках» работы Р.Г. Игнатьева и статью И.И. Меншова, которая под заголовком «Этнографический очерк быта и обычаев чуваш уфимской губернии, златоустовского уезда» и была напечатана в третьем выпуске «записок»⁸.

Иван Иванович ещё продолжал «дружить» с Оренбургским отделом ИРГО, прислал в его библиотеку книжки «Разсказы американца Парлея о Европе, Азии, Африке и Америке» и «Руководство к сушке и хранению хлеба, Чернопятова, с

¹ Уфимские губернские ведомости. 1875. 11 октября.

² Там же. 1876. 21 августа; 1877. 2 июля.

³ Там же. 1877. 8 января.

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 1. Л. 318.

⁵ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875. С. 1, 2; присылал Меншов книги и в последствии (С. 91).

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 16, 32, 38.

⁸ Там же. С. 237–248.

атласом», доставлял метеосводки из Златоуста¹, но тут разгорелся скандал со злополучной статьёй о чувашах. Это был один из самых заметных случаев плагиата среди местного историко-краеведческого сообщества. Что подвигло скромного златоустовского публициста на подлог, можно лишь догадываться. Вероятно, желание напечататься в солидной книжке, в «записках» Оренбургского отдела ИРГО, до этого у Меншова были только газетные статьи и статеечки, оказаться в «толстой» книжке мечтали (и мечтают) многие. Мир краеведов вообще очень честолюбив и обидчив. Необходимо указать и на «прокол» оренбургских географов, которые плохо знали литературу, работы соседей, вообще историю и этнографию Южного Урала, возмнив себя непрерываемыми «академиками», апломб и амбиции оренбуржцев явственно чувствуются, например, при подготовке статей Игнатьева.

Уже в начале 1876 г., получив из Оренбурга третий выпуск «записок», Руф Гаврилович Игнатьев в письме тамошним географам говорил, «что ему странно было видеть в нём статью о чувашах "Златоустовского уезда", в котором, по его мнению, вовсе нет чуваш»². Действительно, откуда им там взяться, по переписи 1917 г. во всём Златоустовском уезде проживало лишь восемь семей чувашей (41 чел.)³. Это вообще-то очевидный факт для любого, чей кругозор не ограничивается окрестностями «стольного Ренбурха». Но тамошние деятели как раз засомневались, постановив: «по поводу же приписки г. Игнатьева о чувашах, запросить уфимский статистический комитет». И через пару месяцев, 3 мая 1876 г. им пришлось, наверное в безрадостной тишине, заслушать ответ уфимского статкомитета: «в златоустовском уезде чувашского населения вовсе нет, нетолько отдельными селениями, на даже в смеси с другими народностями». Получившие «по носу» оренбуржцы потребовали у И.И. Меншова «разъяс-

¹ Журналы заседаний Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества с 6-го ноября 1874 по 22 января 1877 года включительно. Оренбург, 1879. С. 15, 16.

² Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. С. 57.

³ Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 67.

нения последовавшего недоразумения»¹. Кстати, третий выпуск «записок» Оренбургского отдела был заполнен статьями на национальную тематику, а востоковедение – до сих пор «мода» оренбургских интеллектуалов. Возможно, Иван Иванович, зная чего желает редакция, и подsunул халтуру о псевдо-чуваших.

Лишь в конце 1876 г. в Оренбург пришло письмо Меньшова с оправданием, что «при составлении статьи он имел в виду чуваш уфимской губернии белебеевского уезда; название же этого уезда златоустовским произошло от ошибки при переписке рукописи на бело», что и было принято к сведению². Златоустовский краевед присылает в дар Оренбургскому отделу труды Вольного экономического общества³, но, когда в марте 1879 г. принимается решение об издании следующего выпуска «записок», туда постановили включить «заметки к объяснению плагиата г. Меньшова», возражения были присланы ещё в 1876 г. из Чебоксарского уезда⁴.

И в конце четвёртого выпуска «записок» помещены статья В. Магнитского, члена-сотрудника Казанского общества естествоиспытателей (отправлено 22 декабря 1876 г. из с. Беловолжского Чебоксарского уезда) с критикой публикации Меньшова⁵, а также «заметка к статье г. Меньшова» М. Лоссиевского, где он прямо обвинил того в плагиате, так как чуваш в Златоустовском уезде нет совершенно, а сама злополучная статья составлена из статей в «Уфимских губернских ведомостях» В.С. Лоссиевского и князя Девлеткильдеева, у последнего был переписан слово в слово материал по Белебеевскому уезду («Уфимские губернские ведомости». 1867. № 44 и 46). Михаил Владимирович Лоссиевский отмечал, что «г. Меньшов даже не потрудился изменить порядок изложения этих поверий и переработать хотя бы слог, а предпочёл оставить всё в том виде, как было у г. Девлеткильдеева, перенеся

¹ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. С. 57, 63.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 73, 79.

⁴ Журналы собраний Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1877–1879 гг. Б. м. и г. Отдельный оттиск. С. 57–58; Оренбургские губернские ведомости. 1880. 24 мая.

⁵ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 4. Оренбург, 1881. С. 180–195.

только поверья чуваш белебеевского уезда на фиктивных чуваш уезда златоустовского»¹. Редакция добавила специальное примечание: «Бывший член-сотрудник Отдела, И.И. Меньшов умер в 1881 году; поэтому, хотя *de mortuis bene aut nihil*, но, в видах восстановления истины, Отдел определил поместить в "Записках" настоящую "Заметку" г. Лоссиевского»². С подобной откровенной и честной позицией допустившей брак редакции нельзя не согласиться.

Видимо, эта неблагоприятная история повлияла на сотрудничество И.И. Меньшова с редакциями местных газет. Лишь в апреле 1880 г. в «Оренбургском листке» выходит маленькая заметка, подписанная «И. М-ов», о Златоусте³, ещё одна корреспонденция «М-ова» из Златоустовского уезда появилась в октябре⁴. В уфимских «ведомостях» редактор Н.А. Гурвич опубликовал в 1880 г. единственную статью Ив. Меньшова только осенью «Из села Тастуба Златоустовского уезда» (о пожаре)⁵. На следующий год, однако, уфимская газета снова начала часто привлекать Меньшова, который, скорее всего, переезжает жить в Уфу. В январе 1881 г. выходят две его статьи на новогоднюю тематику⁶, в марте Иван Иванович в двух публикациях вспоминает отмечавшийся в Уфе день освобождения города от пугачёвской осады, рассказывает о панихиде в Троицкой церкви⁷. Это были последние работы уральского краеведа.

28 мая 1881 г. в 7 ½ часов вечера в Уфе в возрасте 50 лет Иван Иванович Меньшов скончался. Лишь через месяц, проживавший в Оренбурге Р.Г. Игнатъев откликнулся двумя некрологами, сначала в «Оренбургском листке»⁸, а затем и в Уфе, более сердечный текст последнего приведём полностью.

«В Уфе 28-го мая скончался усерднейший сотрудник "Уфимских Ведомостей" и "Оренбургского Листка", действительный член Оренбургского и Уфимского Губернских Статистических Комитетов, член сотрудник Комитета грамотности

¹ Там же. С. 195–196.

² Там же. С. 196.

³ Оренбургский листок. 1880. 27 апреля.

⁴ Там же. 19 октября.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1880. 13 сентября.

⁶ Там же. 1881. 3, 17 января.

⁷ Там же. 21, 28 марта.

⁸ Оренбургский листок. 1881. 5 июля.

при Императорском вольно-экономическом обществе, Уфимского губернского попечительного Комитета о бедных и Оренбургского отдела географического общества, Иван Иванович Меньшов, 50 лет от роду. Служа в г. Златоусте, Ив. Ив. открыл книжный склад, для распродажи книг для народных школ и народного чтения *по удешевлённым ценам*. Мало того, Иван Иванович, будучи человеком недостаточным, обременённым семейством, существуя одною государственною службою, раздавал даром книги и учебные пособия бедным ученикам земских школ и самим школам; и так в одной Оренбургской губернии им раздано было 8000 экземпляров. После покойного осталось, как нам достоверно известно, много собранных им сведений по истории, статистике и этнографии оренбургской и уфимской губерний. Кто издаст их? Будучи уже очень болен Ив. Ив. написал: "поминайте меня и помолитесь!"

Кто же из знавших не помянет честнейшего, благороднейшего труженика, человека народолюбящего! Мир тебе и земля тебе пером! *Руф Игнатъев*. Редактор "Оренбургских Губернских Ведомостей"¹.

Этот некролог будет использован в словаре Брокгауза и Ефрона для статьи о И.И. Меньшове. Тяжела и терниста была судьба абсолютного большинства уральских краеведов XIX столетия. Несмотря на сложное материальное положение, бескорыстно, только из подвижнического служения науке и Отечеству, они проводили свои изыскания, собирали бесценные для потомства материалы о жизни Южного Урала той далёкой эпохи. Время честный судья, всё расставляет по своим местам. Не нам отпускать грехи своим далёким предшественникам, но, как сказал Руф Гаврилович Игнатъев, помянем имя скромного златоустовского краеведа Ивана Ивановича Меньшова, оставившего много интересных работ, вложившего и свой, пусть небольшой, вклад в развитие исторической науки нашего края.

Среди многообразных интересов И.И. Меньшова особое внимание занимало народное образование, в том числе женское, просветительская и религиозная деятельность краеведа предполагали сопереживание морально-этическим проблемам. Видимо, поэтому в уфимской газете, в рубрике «мест-

¹ Уфимские губернские ведомости. 1881. 11 июля.

ный листок» в августе 1874 г. публикуется его заметка из Златоуста на довольно необычный для краеведа сюжет женской эмансипации, которая полностью приводится в приложении к статье.

М.И. Роднов

№ 30. Домашняя расправа с жёнами

*(Сообщ. Действ. Членом Уфим. Губерн. Стат. Комит.
Ив. Ив. Миньшевым)¹.*

Давно я собирался поделиться впечатлениями, рождающимися при виде домашней расправы с женщинами, со стороны некоторых из наших почтенных сограждан – и теперь решаюсь исполнить это желание, обращаясь к делу гласности.

«За что ты бьёшь свою жену?» случалось мне не раз спрашивать Златоустовского мужичка.

Мужичёк почешет затылок, ухмыльнётся и ответит: «а как же, сударь, не учить-то её? на то она и жена».

Ответ кажется коротким и ясным: она жена, стало быть, виновата или нет, а мужу всегда бить её позволено и никто не может даже вступить за неё. О том, что ей больно и стыдно, что она страдает, что она такойже человек, как сам муж, – он не думает и знать не хочет, что поступками своими с женою может возбудить ненависть к себе, может нарушить навсегда своё семейное счастье. Бить жену мужичёк считает своим правом, даже своей обязанностью, – и бьёт он её сердечную беззапретно, безмысленно и беспощадно.

Раз в Златоусте был такой случай: один обыватель – потому ли, что больше был человеколюбив, чем его собратья, или же потому, что жена его была особенна кротка и разумна, – ни разу с самой свадьбы, не побил её; но после десятилетнего счастливого супружества, ему всё таки пришла в голову дикая мысль: «как-же это, дескать, все мужья у нас бьют жён, а я свою и пальцем ни разу нетронул? дай испытаю характер». И начал придирается к жене, надоедать ей побранками, неразумными требованиями, а наконец, не смотря на

¹ Посвящаем нашим сельским читателям вместо проповеди. *Ред.*

то, что она всё сносила терпеливо, нашёл-таки ничтожный предлог, и избил жену. Она же и не подумала жаловаться на незаслуженные побои. Надо, впрочем, сказать что по настоящее время они живут между собою ладно и хорошо.

Он сам однажды рассказывал, как побил жену, рассказывал, без малейшего раскаяния, как неважный случай, простодушно, даже со смехом. Ему и недумалось, что совершил он несправедливый и жестокий поступок, что безвинно обидел любимую жену, что причинил ей горькие слёзы и страдание. И оно понятно почему; он взрос в тех понятиях, что муж может, даже должен, бить, колотить свою жену за всё про всё, а пожалуй, и за ничто.

Оттаскать жену за косу, да бить по голове, топтать её ногами, – всё это дело у нас очень обыкновенное. Кто жывал в г. Златоусте, тот не редко бывал свидетелем таких сцен. Они повторяются безпрестанно, и не у одних только местных мужичков, – они бывают и у людей грамотных, даже прилежно читающих священное писание. Сами женщины так привыкли к дурному обращению с ними, что жалуются на него волостному начальству лишь тогда, когда уже не в мочь становится им терпеть и переносить побои.

Пагубные следы оставляет это обращение на нравственной жизни женщин; они ожесточаются, и начинают пить и вымещают зло своё прежде всего, на своих детях, а под старость – на снохах и других подвластных им лицах.

Народ наш любит заниматься чтением книг, в особенности священного писания. Но – мало читать, надо вникать в смысл читаемого, а не увлекаться в раскольничьи толки, особенно же в смысл книг Евангельских и Апостольских, проповедующих мир, любовь и согласие. Всякий, вступающий в брак, должен помнить читаемые, при совершении этого таинства, слова Апостола: «Мужие, любите своя жёны, якоже и Христос возлюбил церковь». Но как понимают у нас эти священные слова? как обращаются с жёнами? как питают и греют её? у нас зачастую питают скорбью и греют побоями! Люди, так поступающие, считают себя христианами, – тогда как тут от них видимо отлетел дух христианства, дух милосердия, любви и терпения.

Но рассмотрите дело даже просто с хозяйственной стороны. Из каких расчётов муж колотит свою жену? Если он думает приучить её суровым обращением к порядку, к лучшему

исправлению домашних обязанностей, то жестоко ошибается – иззязаниями и побоями он только отобьёт в ней всякую охоту к полезным занятиям, да и силы поубавит, а сила ей нужна в хозяйстве. И без того, рождение детей, заботы и труды, часто семейные недостатки и нужда, преждевременно состаривают женщину, истощают её силы; куда же годится она, избитая, а иногда изувеченная? Не жена уж она и не хозяйка дому.

Наконец, под какими примерами возрастут дети, которые в семействе своём видят постоянно драки и ссоры, да жестокое обращение мужа с женою или отца с матерью? Не могут дети любить свою семью, где отец представляется им постоянно жестоким и суровым, где мать – безсловесна и тупоумная от побоев жертва. Не станут дети уважать ни мать, ни отца, да и притупеют у них чувства мягкосердия, любви и снисходительности к ближнему; а когда они выростут, то повторять могут в домах своих всё, что видели в доме родительском.

Жена в доме мужа своего должна быть не рабынею, обязанною безпрекословно носить мужнину прихотливую волю, но любимую подругою, которая, при добром обращении с нею, будет охотно делить с мужем все труды и заботы, будет утешать и покоить его, не страха ради, но по влечению сердечному, по той горячей привязанности, к которой склонна и способна каждая женщина. Да, чем лучше будет поставлена женщина в семейном быту, тем достойнее она будет исполнять свои обязанности по хозяйству.

(Уфимские губернские ведомости. 1874. 10 августа)

Список сокращений:

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива
Института истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики
Башкортостан

Научное издание

**Историко-краеведческие
исследования на Южном Урале
в XIX – начале XX вв.**

Составитель М.И. Роднов

Верстка и оригинал-макет: *Набиуллин А.Р.*

Подписано в печать 07.02.2014 г.
Гарнитура «Bookman Old Style». Печать на ризографе с оригинала.
Формат 60х84¹/16. Усл.-печ.л. 10,56. Уч.-изд.л. 8,80.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 019.
Цена договорная.

452453, Республика Башкортостан, г. Бирск, Интернациональная 10.
Бирский филиал Башкирского государственного университета
Отдел множительной техники